

ISSN 2072-8530 (print)
ISSN 2310-7227 (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

ФИЛОСОФСКИЕ
НАУКИ

ИСТИННОСТЬ МЕТАТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В НАУКЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ И ГРАНИЦЫ НАУКИ

О ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ ФИЛОСОФИИ И ГУМАНИТАРНОГО
ЗНАНИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

2020 / № 3

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8530 (print)

2020 / № 3

ISSN 2310-7227 (online)

серия

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 09.00.01 – Онтология и теория познания (философские науки); 09.00.03 – История философии (философские науки); 09.00.08 – Философия науки и техники (философские науки); 09.00.11 – Социальная философия (философские науки).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) on the following scientific specialities: 09.00.01 – Ontology and theory of cognition (philosophical sciences); 09.00.03 – The history of philosophy (philosophical sciences); 09.00.08 – The philosophy of science and technology (philosophical sciences); 09.00.11 – Social philosophy (philosophical sciences).

ISSN 2072-8530 (print)

2020 / № 3

ISSN 2310-7227 (online)

series

PHILOSOPHY

BULLETIN
OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета.

Серия: Философские науки»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Бондарева Я. В. – д. ф. н., проф., Московский государственный областной университет

Заместитель главного редактора:

Губман Б. Л. – д. ф. н., проф., Тверской государственный университет

Ответственный секретарь:

Майкова В. П. – д. ф. н., проф., Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана (Мытищинский филиал)

Члены редакционной коллегии:

Беркут В. П. – д. ф. н., проф., Военная академия РВСН им. Петра Великого Министерства обороны Российской Федерации

Виноградов А. И. – д. ф. н., доц., Мурманский арктический государственный университет

Дёмина Л. А. – д. ф. н., проф., Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина

Евстифеева Е. А. – д. ф. н., проф., Тверской государственный технический университет

Ильин В. В. – д. ф. н., проф., Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана

Кондаков А. М. – д. п. н., проф., член-корреспондент Российской академии образования, Институт мобильных образовательных систем (ИМОС)

Костадинович Даниэла – доктор наук, доц., Университет Ниша (Сербия)

Кравченко В. В. – д. ф. н., проф., Московский авиационный институт (Национальный исследовательский университет)

Купц Томаш – доктор философии, проф., Университет Николая Коперника (Польша)

Курабцев В. Л. – д. ф. н., проф., Московский государственный областной университет

Лебедев С. А. – д. ф. н., проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Митио Микосиба – доктор наук, почётный профессор, Университет Чiba (Япония)

Михалкин Н. В. – д. ф. н., проф., Московский государственный психолого-педагогический университет

Песоцкий В. А. – д. ф. н., проф., Московский государственный областной университет, научный руководитель журнала

Сафонов А. Л. – д. ф. н., доц., Московский государственный областной университет

Синенко В. Я. – д. п. н., проф., академик Российской академии образования, Новосибирский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования

Янич Марина – доктор наук, проф., Университет Ниша (Сербия)

ISSN 2072-8530 (print)

ISSN 2310-7227 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки» – печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по вопросам истории философии, онтологии и теории познания, социальной философии и методологии науки.

Журнал адресован преподавателям высшей школы, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется вопросами философии.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73345.

Индекс серии «Философские науки» по Объединённому каталогу «Пресса России» 40724

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2020. – № 3. – 138 с.

© МГОУ, 2020.

© ИИУ МГОУ, 2020.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета»

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University». Series: Philosophy
Moscow Region State University

Issued 4 times a year

Editorial board

Editor-in-chief:

Ya.V. Bondareva – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow Region State University

Deputy editor-in-chief:

B.L. Gubman – Doctor of Philosophy, Professor, Tver State University

Executive secretary of the series:

V. P. Maikova – Doctor of Philosophy, Mytishi Branch of Bauman Moscow State Technical University

Members of Editorial Board:

V.P. Berkut – Doctor of Philosophy, Professor, Military Academy of strategic missile forces named after Peter the Great of the Ministry of defence of the Russian Federation

A.I. Vinogradov – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Murmansk Arctic State University

L.A. Demina – Doctor of Philosophy, Professor, Kutafin Moscow State Law University

E.A. Evstifeeva – Doctor of Philosophy, Professor, Tver State Technical University

V.V. Ilyin – Doctor of Philosophy, Professor, Bauman Moscow State Technical University

A. M. Kondakov – Doctor of Education, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Mobile Educational Systems

Danijela Kostadinović – PhD, Associate Professor, the University of Niš (Serbia)

V. V. Kravchenko – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow Aviation Institute (National Research University)

Tomas Kupsch – Doctor of Philosophy, Professor, Nicolaus Copernicus University (Poland)

V.L. Kurabtsev – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow Region State University

S. A. Lebedev – Doctor of Philosophy, Professor, Lomonosov Moscow State University

Michio Mikoshiba – PhD, Honored Professor, Chiba University (Japan)

N.V. Mikhalkin – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Psychology and Education

V.A. Pesotsky – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow Region State University, Scientific Consultant

A. L. Safonov – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Moscow Region State University

V. Ya. Sinenko – Doctor of Education, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Novosibirsk Teachers' Upgrading and Retraining Institute

Marina Janjić – Doctor of Philology, Professor, the University of Niš (Serbia)

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

The reviewed scientific journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophical Sciences" is a printed edition that publishes articles of Russian and foreign scientists about the history of philosophy, ontology and the theory of perception, social philosophy and the methodology of science.

The journal is addressed to university teachers, doctoral students, PhD students and anyone interested in philosophy.

The series «Philosophy» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № ФС 77 – 73345.

Index series «Russian Philology» according to the union catalog «Press of Russia» 407248

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the

license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series:

Philosophy. – 2020. – № 3. – 138 p.

© MRSU, 2020.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2020.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. К 130-ЛЕТИЮ С. Л. РУБИНШТЕЙНА

- Абульханова К. А., Славская А. Н.* Сознание личности как проблема. Часть II 6
Колесниченко Ю. В. «Парадигма Рубинштейна» и «общество знаний» – личностный принцип в философии педагогики и воспитания. Часть II 16

РАЗДЕЛ II. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

- Кардашов В. А.* Военно-техническое сотрудничество как необходимый элемент социальной структуры в условиях политического (российского) социума. 23
Михалкин Н. В. Содержание и структура основных регулятивов методологии организации в вузе практико-ориентированного образования 29
Фролов В. А., Гурьянов Н. Ю. Кризис духовных ценностей как проблема философской рефлексии 40

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

- Кожевникова О. Н.* Социо-культурные и социо-исторические детерминанты обращения представителей русского духовно-академического теизма конца XIX – начала XX веков к проблемам семьи и брака 47
Митио Микосиба, Бондарева Я. В. Синтез мистицизма и рационализма как парадокс русской религиозной философии 55

РАЗДЕЛ IV. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

- Гурьянов Н. Ю., Гурьянова А. В.* Цифровая глобализация в контексте развития цифровой экономики и цифровых технологий. 63
Гурьянова А. В., Тимофеев А. В. О предназначении философии и гуманитарного знания в эпоху цифровизации 70
Демина А. И. Категория воображения в теории деятельности и философии техники 77
Зарубина Н. Н. Теоретические основания анализа непреднамеренных социокультурных последствий развития цифровых технологий: актуализация подхода Л. Мамфорда 85
Лебедев С. А. Истинность метатеоретического знания в науке 98
Сафонов А. Л. Неклассическая наука и субъективизация научного знания (философский анализ причин превращения фундаментальной науки в мифологию) 104
Тропольский А. Н. Социальные угрозы и границы науки. 119

CONTENTS

SECTION I. TO THE 130TH ANNIVERSARY OF S.L. RUBINSTEIN

- K. Abulkhanova, A. Slavskaya.* Consciousness of Personality as a Problem. Part II 6
Yu. Kolesnichenko. «Rubinstein's Paradigm» and «Knowledge Society» – the Principle of Personality (Litchnost') in the Philosophy of Pedagogy and Upbringing. Part II 16

SECTION II. SOCIAL PHILOSOPHY

- V. Kardashov.* Military-Technical Cooperation as a Necessary Element of Social Structure under the Conditions of Political (Russian) Society 23
N. Mikhalkin. The Content and Structure of The Main Regulations of the Organization Methodology at the University of Practice-Oriented Education 29
V. Frolov, N. Guryanov. Crisis of Spiritual Values as a Problem of Philosophic Reflexion. 40

SECTION III. THE HISTORY OF PHILOSOPHY

- O. Kozhevnikova.* Sociocultural and Sociohistorical Roots of Addressing the Issues of Family and Marriage by the Representatives of Russian Religious and Academic Theism at the End of the 19th – Early 20th Centuries 47
M. Mikoshiba, Y. Bondareva. The Synthesis of Mysticism and Rationalism as a Paradox of Russian Religious Philosophy 55

SECTION IV. PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

- N. Guryanov, A. Guryanova.* Digital Globalization in the Context of Digital Economy and Digital Technologies Development 63
A. Guryanova, A. Timofeev. On the Mission of Philosophy and Humanities in Digital Age ... 70
A. Demina. The Category of Imagination in the Theory of Activity and Philosophy of Technology 77
N. Zarubina. The Theoretical Bases for the Analysis of Unintended Sociocultural Consequences of the Development of Digital Technologies: Updating L. Mumford's Approach 85
S. Lebedev. The Truth Of Metatheoretical Knowledge In Science. 98
A. Safonov. Non-Classical Science And Subjectivization Of Scientific Knowledge (Philosophical Analysis of the Reasons For the transformation of Fundamental Science into Mythology) 104
A. Troepolsky. Social Threats and the Boundaries of Science 119

РАЗДЕЛ I.

К 130-ЛЕТИЮ С. Л. РУБИНШТЕЙНА

УДК 159.9.01

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-6-15

СОЗНАНИЕ ЛИЧНОСТИ КАК ПРОБЛЕМА. ЧАСТЬ II

Абульханова К. А., Славская А. Н.

Институт психологии российской академии наук

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Показать, что понятия времени и пространства являются категориями, доказывающими универсальность и правомерность рубинштейновского онтологического подхода.

Процедура и методы. Во второй части исследования представлена архитектура философско-антропологической онтологической парадигмы Рубинштейна. В работе используются исторический, компаративистский, аксиологический и телеологический, а также комплексный и системный подходы к анализу феномена сознания.

Результаты. Выявлена функциональная роль принципиальных и конкретных возможностей сознания, сделан вывод о его пространственно-временной функции как особого способа существования Человека в Мире.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования являются попыткой переосмысления концепции сознания С. Л. Рубинштейна на новом этапе развития отечественного философского знания о Человеке.

Ключевые слова: сознание, С. Л. Рубинштейн, пространство, время, личность, Человек, Мир

Благодарности. Статья посвящена 130-летию юбилею Сергея Леонидовича Рубинштейна, выдающегося философа и психолога, заложившего теоретические основы отечественной психологической науки.

CONSCIOUSNESS OF PERSONALITY AS A PROBLEM. PART II

K. Abulkhanova, A. Slavskaja

Institute of Psychology of Russian Academy of Science

13-1, Jaroslavskaya ul., Moscow, 129366, Russian Federation

Abstract.

Aim. The article aims at proving that the concepts of time and space are categories supporting universality and legality of Rubinstein's ontological approach.

Methodology. The article is the second part of the research presenting the architectonics of Rubinstein's philosophical and anthropological ontological paradigm. In the research historical, comparative, axiological and teleological, as well as complex and systemic approaches to the analysis of the phenomenon of consciousness were used.

Results. The outcome of the second part of the study is the identification of the functional role of the fundamental and specific capabilities of consciousness, a conclusion is made about its spatiotemporal function as a special way of human existence in the World.

© CC BY Абульханова К. А., Славская А. Н., 2020.

Research implications. The results of the study demonstrate an attempt to rethink Rubinstein's concept of consciousness at a new stage of the development of the Russian philosophical studies of personality.

Keywords: consciousness, S. L. Rubinstein, space, time, personality, Man, World

Acknowledgments. The article is devoted to the 130th anniversary of Sergey Rubinstein – the outstanding philosopher and psychologist who laid the theoretical foundation of Russian scientific psychology.

Введение

В отличие от упомянутых в первой части исследования [6] различных способов определения сознания, каждый из которых превращал его в итоге в основное объяснительное понятие, русский психолог и философ С. Л. Рубинштейн шёл путём создания онтологической концепции, одновременно решая две задачи: критически преодолевая *различные* способы превращения сознания (именно сознания) в ведущую философскую категорию, но не противопоставляя свою интерпретацию сознания, а подразумевая онтологическую философскую парадигму предельной абстрактности, которая интегрировала ряд составляющих сущность бытия способов существования, и в их числе – сознание человека, получившее в этом качестве новое объяснение. Пока Рубинштейн не преодолел идущей ещё от Платона к Гегелю¹ абсолютизации сознания как первичного, исключаящего существование сущего, бытие, он не мог дать свою характеристику сущности сознания как сознания человека, как Человека, занимающего центральное место в Мире, и, соответственно, сознания как обеспечивающего составляющие отношения и взаимоотношения Мира, т. е. не развернул всю архитеконику своей онтологической парадигмы.

«Человек и мир» начинается не с изложения новой философской онтологической парадигмы и нового определения сознания, а с критического преодоления *различных* способов его абсолютизации, причём философ не противопоставляет той или иной интерпретации сознания своё определение, а скорее раскрывает новую философскую систему как содержащую *возможность иного способа познания*

сознания. Не воспроизводя весь этот путь критического преодоления различных концепций сознания (занимающий фактически половину тома «Человека и мира» и поступательного воссоздания (эксплицитного и имплицитного) новой онтологической философской парадигмы, мы в первой части исследования [6] опирались преимущественно не на онтологическую концепцию С. Л. Рубинштейна в целом, а рассматривали сознание как категорию Человека, не являющуюся предельной репрезентацией его концепции в целом. Путь воспроизводства всей парадигмы учёного в его критическом и позитивном новом качестве был бы избыточно долгим. Поэтому предположим, что можно выбрать из представленных Рубинштейном в качестве совокупности категорий именно те, которые релевантны проблеме определения сознания. «Сознание – онтологическая характеристика человека, человеческого бытия, сознание человека, которое предполагает или обозначает, что человек отделяет себя от окружающего (от природы, от мира и связывает, соотносит себя с ними, – характеристика человека, из которой вытекают важнейшие особенности человеческого бытия»².

Гипотетически успешность выбора адекватных категорий поможет достичь более всестороннего (и одновременно ёмкого) определения сознания, учитывающего его связи с другими качествами человека – познанием, деятельностью, взаимоотношениями личности с обществом, с другим человеком, отношением к жизни, происходящей в Мире, и т. д. [20]. Предположим, что доказательство *онтологичности* сознания предваряется доказательством бы-

¹ Гегель Г. Ф. В. Лекции по эстетике. Книга Первая. Т. XII. М.: Полиграфкнига, 1938. 494 с.

² Рубинштейн С. Л. Дневники // Частный архив Абульхановой К. А.

тийной сущности человека, а последняя обосновывается его местом в Мире как его эпицентром. Однако чем обосновывается универсальность философской концепции С. Л. Рубинштейна как онтологической? Что объединяет составляющие отечественной философской концепции «Природа, Общество, Мышление», преодолевая их обособленность? Являясь наиболее общими, они не могут воплощать существенное для всего бытия.

Парадигма Рубинштейна как онтологическая концепция: Пространство и Время

С. Л. Рубинштейн, создавая архитектонику своей онтологии, обращается (и не один раз) к физико-математическим как уже доказанным категориям точных наук. «Так, понятия движения, материи, силы или энергии общи самым различным областям естествознания, – отмечает В. Вундт, – физика, химия, физиология – все эти науки имеют дело с этими принципами...»¹.

С. Рубинштейн в качестве категорий, существенных для определения бытия человека, выбирает категории *времени и пространства*². Время, как известно, характеризуется однонаправленностью, движением, диалектикой прерывности / непрерывности [21], предполагает нелинейность становления, стабильность *развития* и... *завершение*, окончание (смерть, или завершение, по выражению философа) как достижение целостности (по страшной иронии судьбы эта характеристика оказалась реально применимой к жизни пожертвовавшего ей философа Н. Н. Трубникова – ради доказательства применимости времени к человеку)³.

Время, как известно, имеет однонаправленную линейную детерминацию, последовательность – одно в силу и по причине другого – предыдущего, а также иерархи-

ческую характеристику, раскрывающую всё более высокие уровни *развития* [10].

Пространство обычно определяется как масштабность некоего статичного качества бытия – его размерность как «дискретность вещиности» и как «устойчивость некой качественной определенности»⁴.

До сих пор в отечественной философии время и пространство рассматривались не как более общие, а напротив – как более конкретные «параметры» *материи* [9] (если не считать её наивного определения как того, что существовало *до человека*) и *природы*. Однако согласно вышеупомянутой отечественной философской триаде («природа, общество, мышление») материя не охватывает её составляющих и не входит в качестве одной из составляющих, оставаясь «в ведении» более общего наименования философии в целом – «диалектический *материализм*», а природа оказывается лишь *частью* материи... Мы предполагаем, что онтологичность сущего «опирается» на реальность времени и пространства.

Хотя в разделе советской отечественной философии, именуемой «философские проблемы естествознания», возможно объединение времени и пространства (геобиохимия В. И. Вернадского, хронотоп А. А. Ухтомского), оно не имеет места в понятии материи, также как природа не может рассматриваться только как *часть* материи (С. Л. Рубинштейн) [13].

Диалектика *сущего* как *единства различных способов существования* определяется Рубинштейном как «путь к тому, чтобы оставаться внутри сущего, в нём раскрывать устойчивое, постоянное и объяснить изменения, движение»⁵. Не является ли эта формулировка почти прямым доказательством онтологичности всего сущего через онтологию времени-пространства?

Таким образом, понятия времени и пространства являются категориями, *доказывающими* универсальность и право-

¹ Вундт В. Введение в философию. СПб., 1903. С. 13.

² Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997. С. 21,33,40, 62.

³ Трубников Н. Н. Время человеческого бытия. М.: Наука. 1987. 255 с.

⁴ Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997. С. 19–29.

⁵ Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997. С. 35.

мерность рубинштейновского онтологического подхода [7]. Они включают и марксово *становление природы человеком*. В свою очередь, они позволяют «снять» ленинское определение материи как возникшей и существовавшей до возникновения человека, употребив для характеристики эволюции мироздания безличное понятие (скорее термин) «*происходящее*», но не противоречащее возникновению человечества осуществляющего.

Парадигма Рубинштейна как онтологическая концепция: Человек в Мире

С. Л. Рубинштейн снимает это противопоставление на основе принципа, разработанного ещё в «Бытии и сознании»¹, согласно которому с возникновением более высокого уровня бытия нижележащие уровни качественно изменяются, совершенствуются [4]. Он формулирует это преобразование в труде «Человек и мир» в образной форме – «человек опускается в природу». Парадигма Человека в Мире, в отличие от характеристики бытия в безличном способе существования как *происходящего*, может быть условно конкретизирована термином *осуществления* [19].

Природа с возникновением человечества остаётся и в качестве происходящего, и в новом качестве *осуществляемого* Человеком, Человечеством, *преобразующим* её в «Мир». И вопрос его преобразующей действительности деятельности позволяет поставить проблему человечества как *обществ*, характеризующихся *разным способом отношений между людьми* в осуществляемой ими деятельности. *Различие* этих способов существования (сообществ) выступает в траектории *времени* истории как *развития* человечества [16].

И тогда-то сознание человечества можно определить как регулятор деятельности людей, но и как способ «построения» отношений между ними. Здесь сознание философски связано не с *одним* субъектом, но

с отношениями между субъектами [8]. И тогда под это определение «подпадают» не только пресловутые *общественные* отношения (как отношения в социуме того или иного типа), но и отношения *нравственные*, которые не только в советской философии, но и в советской действительности были оторваны, друг другу противоречили, где детерминировали социальные отношения в тоталитарном государстве.

Одновременно снимается оппозиция субъекта и объекта в гносеологии [11], хотя познание не строго соотнесено с сознанием.

Но эта оппозиция фактически была присуща и марксовской концепции отчуждения и присвоения, хотя он имел в виду не гносеологическое противоположение субъекта и объекта, а тип отчуждённых отношений людей в деятельности, труде, предполагающий в качестве их преодоления революцию.

Таким образом, субъект-объектная оппозиция, существующая и в гносеологии, и в социальной философии, снимается горизонтальным расположением при определении отношений людей в Мире, открывающим возможность – перспективу – приобретения социальными отношениями нравственного характера и философского определения соотношения познания и сознания. Для её реализации должна быть решена не только проблема отношений «Человек в Мире», но и отношений людей в последнем.

Ставя человека в эпицентр всего сущего, С. Л. Рубинштейн вводит редко (или в другом контексте) употребляемую категорию Мира, которой охватывается всё созданное осуществлённое и *происходящее* (природа, Вселенная) сущее [5]. «Таким образом, в составе бытия человек как сущее, *осознающее* всё сущее и изменяющее его, не выносятся за пределы бытия, он сам – сущее, включённое в состав сущего»². И добавляет: «сознание – не меньшая реальность, чем материя»³.

¹ Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Спб.: Питер, 2017. 288 с.

² Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997. С. 19.

³ Там же: С. 37.

Теоретические исследования школы русского философа опирались на этот тезис, определяя сознание как *способность* человека (в первой части данного исследования мы рассматривали его и как интерпретатора *потребностей человека* в определении возможностей их реализации деятельностью) [18].

Восстановив, но в ином направлении, рубинштейновский путь познания сознания, можно сделать вывод, что его онтологичность (реальность) доказывается универсальной *онтологичностью* времени и пространства сущего в целом.

Парадигма Рубинштейна: функциональная и нравственная роль сознания

Теперь можно двигаться в направлении выявления его *функциональной* роли принципиальных и конкретных возможностей. По-видимому, сознание, исходя из первоначальной гипотезы, имеет *временную* и *пространственную* функции. Так, в истории развития человечества его этапам соответствуют типы культуры: оно способствует самореализации личности во времени и пространстве жизненного пути¹ (не только возрастных этапов). Меняется пролонгированность осознания жизненных ценностей: одни моменты в одно время осознаются как существенные, другие – в другое, одни осознаются в позитивном, другие – в негативном качестве в разное время жизни. Некоторые обобщаются сознанием как ценности самой жизни, как жизненное мировоззрение. Наконец, личностью осознаются фундаментальные противоречия позитивных и негативных «ценностей»², что и становится жизненной проблемой её сознания, её духа [14]. Личность осознаёт и оценивает как фундаментальное противоречие её ценностей требованиям и идеологии общества, типам общества, ценностным обобщениям данной личности [1]. Третьи «открывают ей

глаза» на происходящее в обществе и т. д. Сознание становится лоцманом жизни личности, её глазами и умом, определителем роли обстоятельств, направленности поступков и т. д. [3].

Пространственная характеристика сознания, исходя из вышесказанного, связана с *горизонтальным* определением расположения отношений людей в пространстве общественного Мира, а противоречивость / гармоничность их нравственной сущности зависит от типа социума, складывающегося в обществе на данном *сознанию* этапе его развития. Гуманности связи людей в социуме препятствует / способствует тип *вертикальных* отношений (государственной власти и остальной – основной части общества – народа) [15]. Если гуманизм присущ власти (считается, что это – демократическое общество, но сегодня это не так), власти должна быть присуща социальная гуманность законодательства и его исполнения, то отношения людей приобретают и нравственный характер. *Законодательство*, ставящее в центр защиту и обеспечение прав человека, должно отвечать критерию определённости, качественной устойчивости, т. е. *пространственной* определённости. Но в единстве с этим способом определения сознания необходимо учитывать его движение, изменения, и тогда оно подпадает и под объяснительные возможности категории времени.

Мы оказываемся здесь в некотором несоответствии рубинштейновскому категориальному словарю, поскольку он включает в разряд особенностей пространства категорию «движение» (которую мы относим к временным параметрам), а в разряд времени, наряду с изменением и развитием (как и в нашей гипотезе), входят относящиеся, казалось бы, к организации, притом, закономерной, т. е. к пространственной архитектонике, понятия «свойство», «особенное», «единичное». Однако этот диссонанс объясним не по существу, а различием аспектов рассмотрения проблемы.

¹ Фромм Э. Иметь или быть. М.: Прогресс, 1990. 336 с.

² Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.

Ещё во «Введении» Рубинштейн сближает (в отличие от нашей задачи дифференциации) *сознание и деятельность, подчёркивая, что они есть «новые способы существования в самой Вселенной, а не чуждая ей субъективность моего сознания»*¹. Однако очевидно, что определение и сознания, и деятельности как способов существования не исключает возможности раскрытия специфики каждого (в нашем случае – сознания) и не исключает его субъективности при условии преодоления его абсолютизации как оппозиции бытию в целом.

Осознанность Человеком Мира позволяет ему более конструктивно и эффективно осуществлять в нём не только свою деятельность, но и свою жизнь, отношения с людьми, обществом и т. д. [2].

Но сознание (преимущественно в гуманном отношении к другому человеку), в отличие от рационализма *познания*, поскольку последнее стремится к объективности, *истине*, к тому, что *на самом деле есть*, ищет и устанавливает *правду*. Во взаимоотношениях людей «...происходит расхождение, раздвоение между тем, за что вещи и люди выдают себя (чем они кажутся) и тем, что они на самом деле есть»². К этому можно добавить и другие причины такого расхождения – способность / неспособность данного человека проникнуть в существо личности другого в силу *функциональности* взаимоотношений, а также – и это едва ли не главное – действительную субъективность, присущую сознанию как индивидуальности человека [17]. Но эта субъективность может проявляться как в субъективно *позитивном*, так и в субъективно *негативном* отношении к другому человеку, не говоря о восхищении или пренебрежении и т. д. самого высокого уровня; принцип, выражающий утверждение человечности, справедливости, добра в отношении человека, воплощён в гуманизме рубинштейновской парадигмы. Однако

этот гуманизм должен приобрести онтологический / сущностный осуществлённый характер. Это становится реальностью, если гуманизм – как добро, правда, справедливость – становится сутью личностей большинства людей.

Заключение

В определении сознания не только как гуманизма субъективного отношения к другому человеку, но как утверждения его *деятельностного*, сознательного модуса сознание – вопреки распространённому его сближению (или даже отождествлению) с познанием – рассматривается С. Л. Рубинштейном как способность *усиления, укрепления сущности другого человека* любовным, любящим отношением к нему. Здесь явственнее всего утверждается его *онтологическая* сущность (или возможность её осуществления), её созидательная роль. И она, по-видимому, более всего соответствует общему приведённому выше условно-философскому понятию *осуществления* во времени и пространстве. Можно возразить, что эта поддержка сущности другого человека осуществляется не посредством сознания, а чувствами личности. Но именно признав это выражение, нужно согласиться, что тогда сознание ещё более дифференцируется от *рационализма* познания (не от познания в целом) и выступает в качестве, для которого требуется ещё более адекватное определение, чем *нравственная* модальность. Это не только общепринятая ценностная характеристика сознания. Ценности оказываются не абстракциями, «плавающими» в пространстве сознания, а ценностным самовыражением личности, которое является ценностно-чувственным *влиянием* одного человека на другого, влиянием, которое усиливает или придаёт не узко нравственное, но душевное духовно-ценностное измерение сущности другого человека. Это *усиление*, строго говоря, можно осуществить не только по отношению к сущности, понимаемой как его имманентное «я», но к радостной или подавленной экзистен-

¹ Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997. С. 63.

² Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997. С. 44.

циальности [22], ценностной модальности переживаний *человечности, способа жизни другой личности*. Тем самым усиливается *ценность времени* её жизни. Однако, на наш взгляд, *усиление* гуманной сущности личности наиболее эффективно, если оно осуществляется *общественными* оценками, ободрением, её общественным признанием.

Первоначально эта роль раскрывается С. Л. Рубинштейном у данного человека, его «Я» в качестве *причины самого себя*. «Само существование выступает как акт, процесс, действие (*ср.* осуществление, время – К. А., А. С.); существование выступает как причинность по отношению к самому себе. Действие причины при этом выступает как её действие. Это действие совершается не только вовне (вследствие), но и внутри причины как «инерция», в широком смысле этого слова, как поддержание своего существования (причина как причина самой себя)...» [12, с. 27–28]. Распространение действия этой причины вовне и выступает как любовное отношение к другому (усиливающее, укрепляющее, поддерживающее его существование. «Отношение сознания и осознаваемого человеком материального бытия как объективной реальности – это отношение *внутри сущего*» [12, с. 38].

В определении роли сознания *интегрируются* и его познавательная способность, и любовно-этическое отношение к другому человеку, и иницирующее отношение человека к Миру, бытию, его созидательный, творческий характер. Сознание как *способность* проявляется не в узком смысле любви, но в смысле дара человечности другому человеку. А сама любовь –

признание, восхищение, доверие – также выступает в более сильном не узко природном, а экзистенциальном человеческом статусе, который С. Л. Рубинштейн, со свойственной ему гениальностью выражения мысли в речи, обозначает как «быть более существующим». Здесь – и именно благодаря сознанию – в отношении себя, другого, многих других реализуется мысль, использованная нами в качестве эпиграфа: «жизнь тем более жизнь...», – преодолевающая ограниченность и будничность наших представлений о жизни.

Понятие пространства, как ни покажется абстрактным, проявляющееся в осознании личностью масштабов Вселенной, Космоса, Природы, представляется оправданным применительно к её жизни.

В ней разыгрывается драма – противоречия времени и пространства. Её конечность есть неотвратимость завершения в факте смерти и трагичность незавершённости дел, замыслов, свершений. И только сила сознания как сила духа личности способна противопоставить себя смерти, расширив пространство жизни, осуществляя её в более существующем качестве и живя «тем более жизнью...»¹.

И проявление этой способности сознания простирается за рамки отношения к другому человеку, распространяется и на собственную жизнь личности, и на жизнь с «близкими и дальними». Это – рубинштейновская концепция философии жизни как её этики. В этом контексте возможно употребление понятия личности как *субъекта жизни*.

Статья поступила в редакцию 03.08.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова К. А. Психология и сознание личности. М., Воронеж, 1999. 224 с.
2. Абульханова К. А. Сознание личности как жизненная способность // Мир психологии. 2018. № 2. С. 30–46.
3. Абульханова К. А. Способности сознания личности как субъекта жизни // Мир психологии. 2006. № 2. С. 80–94.
4. Абульханова К. А., Славская А. Н. Предисловие // Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Спб.: Питер, 2017. С. 6–33.

¹ Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997. С. 93.

5. Абульханова К. А., Славская А. Н. Проблемы методологии науки и философской антропологии в контексте парадигмы субъекта С. Л. Рубинштейна // *Философия не кончается... Из истории отечественной философии XX века* / под ред. В. А. Лекторского. Кн. 2. М.: РОССПЭН, 1998. С. 328–352.
6. Абульханова К. А., Славская А. Н. Сознание личности как проблема. Часть I // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки*. 2019. № 4. С. 8–23.
7. Абульханова К. А., Славская А. Н. Субъект в философской антропологии и онтологической концепции С. Л. Рубинштейна // *Сергей Леонидович Рубинштейн. Философия России второй половины XX века* / под ред. К. А. Абульхановой. М.: РОССПЭН, 2010. С. 23–76.
8. Агапов В. С. Фундаментальные идеи С. Л. Рубинштейна в исследованиях самосознания «Я-концепции» субъекта // *Философско-психологическое наследие С. Л. Рубинштейна* / под ред. К. А. Абульхановой. М., 2011. С. 234–246.
9. Бахтин М. М. Время и пространство в романе // *Вопросы литературы*. 1974. № 3. С. 133–179.
10. Выготский Л. С. Развитие высших психических функций. М.: АПН, 1960. 1320 с.
11. Колесниченко Ю. В. Личность в русской философии 1920–1930-х годов: биография идеи. М.: Энциклопедист-Максимум, 2018. 416 с.
12. Кольцова В. А. История психологии. Проблемы методологии. М., 2008. 511 с.
13. Кольцова В. А. Историческая психология // *Психология: учебник для гуманитарных вузов* / под ред. В. Н. Дружинина. СПб.: Питер, 2001. 656 с.
14. Леонтьев Д. А. Возвращение к человеку // *Психология с человеческим лицом – гуманистическая перспектива в постсоветской психологии* / под ред. Д. А. Леонтьева, В. Г. Щур. М.: Смысл, 1995. С. 3–18.
15. Няголова М. Д. У истоков философского гуманизма С. Л. Рубинштейна // *Сергей Леонидович Рубинштейн. Философия России второй половины XX века* / под ред. К. А. Абульхановой. М.: РОССПЭН, 2010. С. 244–257.
16. Петренко В. Ф., Супрун А. П. Сознание и время. Психологический и физиологический аспекты // *Мир психологии*. 2019. Т. 94 (2). С. 58–76.
17. Славская А. Н. Особенности и функции интерпретации в жизни личности // *Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии. Результаты и перспективы развития* / под ред. А. Л. Журавлева, В. А. Кольцовой. М.: ИП РАН, 2017. С. 324–330.
18. Философия и ценностные формы сознания. Критический анализ буржуазных концепций природы философии / под ред. Б. Т. Григорьяна. М.: Наука, 1978. 349 с.
19. Abulkhanova K. A. Le sujet de l'activite ou la theorie de l'activite selon S. L. Rubinstein // *Rubinstein aujourd'hui. Nouvelles figures de l'activite humaine* / Nosulenko V., Rabardel P., ed. Toulouse, Paris, 2007. P. 83–128.
20. Humaine. Toulouse / ed. V. Nosulenko, P. Rabardel. Paris: Octares - Maison des Sciences de l'Homme, 2007. P. 83–128.
21. Heidegger M. *Sein und Zeit*. Tuebingen: Max Niemeyer Verlag, 1979. 446 p.
22. Mead Y. H. *Mind, self and Society from the standpoint of social behaviorist*. Chicago: University Press, 1934. 401 p.

REFERENCES

1. Abulkhanova K. A. *Psikhologiya i soznanie lichnosti* [Psychology and Individual Consciousness]. Moscow, Voronezh, 1999. 224 p.
2. Abulkhanova K. A. [Individual consciousness as a vital ability]. In: *Mir psikhologii* [World of Psychology], 2018, no. 2, pp. 30–46.
3. Abulkhanova K. A. [The ability of individual consciousness as a subject of life]. In: *Mir psikhologii* [World of Psychology], 2006, no. 2, pp. 80–94.
4. Abulkhanova K. A., Slavskaya A. N. [Foreword]. In: Rubinshtein S. L. *Bytie i soznanie* [Being and Consciousness]. St. Petersburg, Piter Publ., 2017, pp. 6–33.
5. Abulkhanova K. A., Slavskaya A. N. [Problems of methodology of science and philosophical anthropology in the context of the paradigm of the subject by S. L. Rubinstein]. In: Lektorsky V. A., ed. *Filosofiya ne konchaetsya... Iz istorii otechestvennoi filosofii XX veka. Kn. 2* [Philosophy Does Not End... From the History of Russian Philosophy of the 20th century. Book 2]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1998,

- pp. 328–352.
6. Abulkhanova K. A., Slavskaya A. N. [Consciousness of personality as a problem. Part I]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2019, no. 4, pp. 8–23.
 7. Abulkhanova K. A., Slavskaya A. N. [The subject of philosophical anthropology and ontological concept of S. L. Rubinstein]. In: Abulkhanova K. A., ed. *Sergei Leonidovich Rubinshtein. Filosofiya Rossii vtoroi poloviny XX veka* [Sergey Leonidovich Rubinstein. Philosophy of Russia in the Second Half of the 20th century]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, pp. 23–76.
 8. Agapov V. S. [Fundamental ideas of S. L. Rubinstein in the study of self-consciousness of the «self-concept» of the subject]. In: Abulkhanova K. A., ed. *Filosofsko-psikhologicheskoe nasledie S. L. Rubinshteina* [Philosophical and Psychological Heritage of S. L. Rubinstein]. Moscow, 2011, pp. 234–246.
 9. Bakhtin M. M. [Time and Space in the Novel]. In: *Voprosy literatury* [Problems of Literature], 1974, no. 3, pp. 133–179.
 10. Vygotsky L. S. *Razvitie vysshikh psikhicheskikh funktsii* [Development of Higher Mental Functions]. Moscow, APN Publ., 1960. 1320 p.
 11. Kolesnichenko Y. V. *Lichnost v russkoi filosofii 1920–1930-kh godov: biografiya idei* [Personality in Russian Philosophy of 1920–1930s: a Biography of Ideas]. Moscow, Entsiklopedist-Maksimum Publ., 2018. 416 p.
 12. Koltsova V. A. *Istoriya psikhologii. Problemy metodologii* [History of Psychology. Methodological Problems]. Moscow, 2008. 511 p.
 13. Koltsova V. A. [Historical Psychology]. In: Druzhinin V. N. *Psikhologiya* [Psychology]. St. Petersburg, Piter Publ., 2001. 656 p.
 14. Leontyev D. A. [Return to Human]. In: Leontyev D. A., Shchur V. G., eds. *Psikhologiya s chelovecheskim litsom – gumaniticheskaya perspektiva v postsovetskoy psikhologii* [Psychology with a Human Face – Humanistic Perspective in Post-Soviet Psychology]. Moscow, Smysl Publ., 1995, pp. 3–18.
 15. Nyagolova M. D. [The Origins of S. L. Rubinstein's Philosophical Humanism]. In: Abulkhanova K. A., ed. *Sergei Leonidovich Rubinshtein. Filosofiya Rossii vtoroi poloviny XX veka* [Sergey Leonidovich Rubinstein. Philosophy of Russia in the Second Half of the 20th century]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, pp. 244–257.
 16. Petrenko V. F., Suprun A. P. [Consciousness and time. Psychological and physiological aspects]. In: *Mir psikhologii* [World of Psychology], 2019, vol. 94 (2), pp. 58–76.
 17. Slavskaya A. N. [Features and functions of interpretation in the life of a person]. In: Zhuravlev A. L., Koltsova V. A., eds. *Fundamentalnye i prikladnye issledovaniya sovremennoi psikhologii. Rezultaty i perspektivy razvitiya* [Fundamental and Applied Research in Modern Psychology. Results and Development Prospects]. Moscow, IP RAN Publ., 2017, pp. 324–330.
 18. Grigoryan B. T., ed. *Filosofiya i tselestnyye formy soznaniya. Kriticheskiy analiz burzhuaznykh kontseptsii prirody filosofii* [Philosophy and value forms of consciousness. Critical analysis of bourgeois concepts of the nature of philosophy]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 349 p.
 19. Abulkhanova K. A. Le sujet de l'activite ou la theorie de l'activite selon S. L. Rubinstein. In: Nosulenko V., Rabardel P., ed. *Rubinstein aujourd'hui. Nouvelles figures de l'activite humaine*. Toulouse, Paris, 2007, pp. 83–128.
 20. Nosulenko V., Rabardel P., eds. *Humaine*. Toulouse. Paris: Octares – Maison des Sciences de l'Homme, 2007, pp. 83–128.
 21. Heidegger M. *Sein und Zeit*. Tuebingen: Max Niemeyer Verlag, 1979. 446 p.
 22. Mead Y. H. *Mind, self and Society from the standpoint of social behaviorist*. Chicago: University Press, 1934. 401 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Абульханова Ксения Александровна – доктор философских наук, профессор, академик РАО, главный научный сотрудник Института психологии российской академии наук;

e-mail: abulkhanova@ipras.ru

Славская Александра Николаевна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института психологии Российской Академии Наук;

e-mail: dirpsy@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kseniya A. Abulkhanova – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Academician, Russian Academy of Education, Chief Researcher, Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences;

e-mail: abulkhanova@ipras.ru

Alexandra N. Slavskaya – Cand. Sci. (Psychology), Senior Researcher, Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences;

e-mail: dirpsy@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Абульханова К. А., Славская А. Н. Сознание личности как проблема. Часть II // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 3. С. 6–15.

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-6-15

FOR CITATION

Abulkhanova K. A., Slavskaja A. N. Consciousness of Personality as a Problem. Part II. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2020, no. 3, pp 6–15.

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-6-15

УДК 1(091), 159.9.01, 171, 37.01

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-16-22

«ПАРАДИГМА РУБИНШТЕЙНА» И «ОБЩЕСТВО ЗНАНИЙ» – ЛИЧНОСТНЫЙ ПРИНЦИП В ФИЛОСОФИИ ПЕДАГОГИКИ И ВОСПИТАНИЯ. ЧАСТЬ II

Колесниченко Ю. В.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Сопоставить парадигмальную сущность творчества С. Л. Рубинштейна и его последователей с современным концептом «общества знаний».

Процедура и методы. В статье исследуется развитие педагогических идей С. Л. Рубинштейна в отечественной философской психологии, в теории «стратегии жизни» К. А. Абульхановой, актуализируются философские вопросы формирования жизненной стратегии личности. В исследовании используются методы: исторический, сравнительного социологического анализа, идеографический, номотетический; процедура герменевтической интерпретации.

Результаты. Проведённый анализ показал, что парадигма Рубинштейна есть гуманистическая парадигма «общества нравственности», которая должна прийти на смену парадигмы «общества знаний».

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования являются попыткой переосмысления «парадигмы Рубинштейна» на новом этапе развития отечественной науки о человеке.

Ключевые слова: парадигма Рубинштейна, «общество знаний», этический субъект, ответственность, стратегия жизни, педагогическая философия, воспитание личности

«RUBINSTEIN'S PARADIGM» AND «KNOWLEDGE SOCIETY» – THE PRINCIPLE OF PERSONALITY (LITCHNOST') IN THE PHILOSOPHY OF PEDAGOGY AND UPBRINGING. PART II

Y. Kolesnichenko

Moscow Region State University

24, Very Voloshinoy ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract.

Aim. The aim of the article is to compare the paradigmatic essence of the works of S. Rubinstein and his followers with the modern concept of "knowledge society".

Methodology. The research aims at examining the development of S. Rubinstein's pedagogical ideas in contemporary Russian philosophical psychology, in the theory of "life strategy" by K. A. Abulkhanova; updating the philosophical issues of the formation of a individual life strategy. In the research, the following methods are used: historical, comparative sociological, ideographic, nomothetic analysis; hermeneutical interpretation procedure.

Results. The analysis shows that "Rubinstein's paradigm" is a humanistic paradigm of "moral society" which should replace the paradigm of "knowledge society".

Research implications. The theoretical value of the study is in rethinking "Rubinstein's paradigm" at a new stage of the development of Russian humanistic science.

Keywords: Rubinstein's paradigm, knowledge society, ethical Subject, responsibility, life strategy, pedagogical philosophy, Personality (Litchnost') upbringing

Введение

Подходя к вопросу «общества знаний» как особой – современного этапа развития – формы общественной организации цивилизации, необходимо, как показано в первой части нашего исследования [8], продемонстрировать дифференциальный подход к проблеме, вычленив основные составляющие этого типа общества, понять, возможна ли реализация воспитательных и образовательных программ в их обязательной увязке с этическим воспитанием. Социально-философская парадигма «общества знаний» Д. Белла, пришедшая на смену общепринятым представлениям о западном обществе как обществе индустриальном, стала влиятельным исследовательским принципом современности. Тем не менее, у термина «общество знаний» нет признанного научного статуса, его использование в настоящее время происходит скорее интуитивно, нежели в связи с проделанной авторитетной теоретико-методологической, доказательной работой. Действительно, в эпоху постмодернизма, «своего рода философского протестантизма, математической суммы разрозненного ... фундаментального знания» [4, с. 6] (в т. ч. и в области генерации базовых теоретических значений), есть шанс утратить целостное гуманитарное видение указанной проблемы.

На наш взгляд, проблема «общества знаний» не может стоять отдельно от «общества нравственности». Знания сами по себе (ни технологические, ни профессиональные, ни любые другие) не выходят в своём качестве за пределы определения компетенций, т. е. тех же производительных сил приращения конвертируемого товара – рабочей силы нового формата. «Общество знаний» есть понятие формационное, социально-экономическое, не культурологическое и не идеологическое. Ценностную характеристику этому понятию в его культурологическом, т. е. расширительном толковании, придаёт именно понимание *ответственного* использования этих знаний.

Гуманистическая сущность парадигмы Рубинштейна

Гуманизм парадигмы Рубинштейна – важнейшее её качество исторической и культурологической значимости. Основа гуманизма, считает мыслитель, базируется на *прикладной этике, приводимой в исполнение* «этическим субъектом» социума. Применительно к идее «общества знаний» и главному генератору и творцу этого общества – Педагогу – это означает высокую степень моральной саморефлексии и постоянного этического самоконтроля, ведь Мир ученика – это Мир особого *Другого*, в котором рефлексия Учителя работает в модусе *зеркального* отражения в силу психологической социальной незрелости не прошедшего сквозь толщу критического мышления, но часто принимаемого на веру на всю оставшуюся жизнь.

В своей работе «Человек и мир» философ отмечает: «Концепция "зеркала" существует применительно не только к стоимости, но и к человеку (К. Маркс). Иными словами, в бытии есть не только субъект, но и другой субъект – "зеркало", которое отражает и то, что воспринял, но и меня самого. Для человека другой человек – мерило, выразитель его "человечности". То же для другого человека мое "я". Ввиду их симметричности и равноправности (в случае педагогического «диалога» как раз наоборот – Ю. В.) каждый человек одновременно и представитель рода человечества – "рода" человек, и выразитель, мера "человечности" других людей»¹.

Диалоговая картина мира «Учитель–ученик» заведомо *асимметрична*, более того, она изначально задана в особой социальной асимметрии. Перефразировав выражение С. Л. Рубинштейна, можно сказать, что именно «здесь объект выступает как внутреннее условие раскрытия *субъекта*»² (в оригинале – объекта³). Жизненный путь личности, таким образом, начинается с

¹ Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997. С. 69.

² Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997. С. 83.

³ Комментарий автора.

усвоенных и принятых *на веру* истин – исходных пунктов, аксиоматических данных направленной педагогической деятельности. Смысл жизни личности в её пространственно-временной протяженности есть изначальные «зеркально» усвоенные истины, подлежащие переработке в процессе саморефлексии, самоанализа, базирующегося, в свою очередь, на особой целеполагающей и социально значимой деятельности субъекта.

Вся педагогическая и воспитательная деятельность призвана способствовать формированию (не *построению* по заданному социальному шаблону) Мира личности ученика, что приводит к необходимости критического отношения к некоторым педагогическим практикам, отбрасывающим возможность осуществления подобного рода *Деяния* (по Рубинштейну, нравственно фундированной деятельности) назад.

Малоизвестно, но чрезвычайно актуально резко критическое отношение С. Л. Рубинштейна к системе тестирования в учебных заведениях. Критикуя педологический подход, учёный утверждает, что тест, призванный дать характеристику психическим особенностям деятельности испытуемого, определяется «всегда не в психологических категориях». Это противоречие фундаментального характера. Оно неразрешимо, антинаучно. Учёный настаивает на том, что «для тестолога индивид – не личность в собственном смысле»¹.

Рубинштейн критикует систему тестов не с технологической, но с сущностной стороны педагогического вопроса, подтверждая это следующими замечаниями: «Мы не можем рассматривать любой метод или даже методику как *только технический приём*, *извне* применяемый к предмету исследования... Мы ... не признаём самодавящей статистическо-математической техники, оторвавшейся от предварительного качественного анализа»². Мыслитель

отмечает неправомерность предположения (в процессе проведения тестовых заданий в школьных учреждениях) о константности психических свойств учащихся («в частности, умственных способностей»³), взятой *вне* их развития. Это фаталистически отражается на судьбе ребёнка, оценка умственных способностей которого выражается в учениях о «потолках» и «лимитах» развития. Рубинштейн называет эти учения «неприкрытыми и грубыми». Учёный как педагог-этик, «педагог в большом стиле» [6, с. 289], категорически противится возможности установления *потолка* психического развития. Он убеждён в том, что индивидуальный подход к возвращению юной личности есть прямая обязанность педагога, не имеющего права уходить от своей профессиональной ответственности с помощью применения системы тестов. Таким образом, можно сделать вывод, что Рубинштейн считал Ребёнка особым, «живым» *объектом* изучения педагогической мысли, который, в силу его природы, сущностного качества, необходимо изучать именно в *закономерностях* его развития, а не в *количественном выражении* и стандартизации результатов его деятельности (как обычно изучается объект неодушевлённой природы). Нравственный релятивизм есть недопустимая норма педагогической деятельности. В работе «Человек и мир» С. Л. Рубинштейн говорит о том, что «большая подлинная этика – это не морализирование *извне*, а подлинное бытие (жизнь) людей ... поэтому этика выступает как ... онтология человеческого бытия...»⁴.

Общество знаний и общество нравственности

Продолжая и развивая мысль С. Л. Рубинштейна, ученица и соратница учёного академик РАО К. А. Абульханова в своей совместной с А. Н. Славской статье «Сознание личности как проблема.

¹ Рубинштейн С. Л. К критике методов тестов // Против педологических извращений в педагогике / под ред. И. Ф. Свядковского. Л.: Учпедгиз, 1938. С. 31.

² Рубинштейн С. Л. К критике методов тестов // Против педологических извращений в педагогике /

под ред. И. Ф. Свядковского. Л.: Учпедгиз, 1938. С. 35.

³ Там же. С. 34.

⁴ Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997. С. 8.

Часть I» [3], говорит о том, что Человек полноправно и правомерно определяется в своём главном качестве именно посредством категории «Мира». «Мир-система» отдельно взятого человека, личности формируется посредством *вхождения* в её *микромир* иных людей (в т. ч. воспитывающих и обучающих). Направленная педагогическая деятельность преобразует микромир юного индивида в макрокосм взрослой личности, принимающей социально значимые решения, прежде всего, этического свойства. И потому сам педагог обязан, прежде всего, стать в этом Мире «этическим субъектом». Этический субъект – не только осуществляющий Деяние моральный субъект, но обучающая самому *алгоритму сотворения* морального Деяния ответственная, нравственная личность, не имеющая алиби (М. Бахтин) в человеческом бытии. Обучение и воспитание есть творческая формирующая и преобразующая деятельность педагогического зодчества. Мера ответственности личности за содеянное в этой области есть мерило цивилизованности того или иного общества.

Формирование этой ценностной компоненты *общества знаний* лежит не в *плоскости образования*, но в *плоскости воспитания*. Педагогические усилия социума по формированию профессиональных преподавательских кадров неизменно наталкиваются на невозможность ограничения этих усилий одной лишь сферой формирования *компетенций*. На первый план должны выступить элементы формирования *этического* знания, этического навыка педагога. Недаром нынешний факультет политологии МГУ назывался ранее факультетом «Нравственных и политических наук» (1804–1835). Сам С. Л. Рубинштейн в период блокады Ленинграда в годы Великой Отечественной войны занимал должность заместителя директора Педагогического института имени А. И. Герцена по учебно-воспитательной работе [9, с. 160]. Настало время вернуть практику формирования *этического субъекта* в современную педагогическую жизнь. Так, академик А. Г. Асмолов счи-

тает, что образование должно пониматься «как процесс, направленный на расширение возможностей компетентного выбора личностью жизненного пути и на саморазвитие личности. Стратегией же поиска педагогических технологий становится стратегия построения развивающего образа жизни, различных развивающих и *воспитывающих сред*. Педагог, учитель при таком понимании процесса образования превращается в социального архитектора образа жизни ребёнка, который в процессе сотрудничества, совместной деятельности с детьми помогает найти им свою дорогу в полном противоречий мире» [2, с. 615]. Учёный настаивает на включении воспитательной компоненты, формирующей нравственные смыслы, в сам образовательный процесс. И этот процесс в обязательном порядке должен быть деятельным, вовлекать воспитываемую личность в процесс *значимой* для неё деятельности, дабы исключить аскиологические риски на пути её ценностного взросления.

Очевидно, что практика формирования этического субъекта невозможна без осознания этим субъектом прежде всего целей своей собственной жизни и возможности их достижения. На авансцену педагогической активности современности должны выйти идеи, связанные с проблемой поиска и приобретения личностью смысла своей Жизни, а также помощи в выработке стратегии её «осуществления» в рамках реализации наставнической педагогической деятельности образовательных институций. Несмотря на это, конечный ответ на вопросы стратегического планирования личной жизни лежит, прежде всего, на отдельно взятом человеке. «Это – роль объективной *необходимости* в жизни человека, превращённой во внутреннее качество личности, осознание этой необходимости – долг, ответственность» [12, с. 187]. Общество обязано научить основным навыкам видения и поискам решений, но не проделать эту работу за индивида, несмотря на огромный социальный опыт [7]. Коллективистский дух в понимании данных вопросов не способен качествен-

но решить эту проблему за индивида. И это лишает саму постановку вопроса экзистенциального смысла. Именно об этом говорит в своем фундаментальном труде «Стратегия жизни» К. А. Абульханова: «наличие двух "ответственных" (человека и общества) за личную жизнь, т. е. внешний контроль, не усиливало, а подтачивало внутренний самоконтроль личности, её чувство ответственности за свою и своих близких жизнь, за свои поступки и поведение» [1, с. 4]. Абульхановой были также исследованы кванты деятельности. Согласно её пониманию деятельности, стратегия и задачи деятельности квантуются самой личностью, имеющие отношение к определению характера надситуативной активности, интеллектуальной инициативы личности.

Л. Б. Осипова и Л. А. Энвери полагают, что на формирование жизненной стратегии влияют как внешние, так и внутренние факторы, «проявляющиеся в *изменении ценностного самосознания*» [11, с. 110]. Согласно вышесказанному, можно сделать вывод, что именно аксиологические (не интеллектуальные) трансформации психики, осуществляющиеся в этой возрастной группе, способны кардинально изменить / направить вектор устремлений личности на путь *самоосознания* себя личностью, отдельной духовной самостью, способной на устройство и переустройство себя, своей жизни и жизни вокруг себя (осознание себя личностью социальной). «С уверенностью можно сказать, что определение жизненного пути молодым человеком есть целенаправленный процесс самореализации концепции жизни, успешность которой, в первую очередь, зависит от социальной активности личности и принятия ею ответственности» [11, с. 110]. Как и век назад, педагоги-исследователи настаивают на формировании этического субъекта (С. Л. Рубинштейн), ответственного за свои поступки в бытии «Большого времени» (М. М. Бахтин).

Безусловно, вызывает сожаление и тревогу тот факт, что «значительная часть учащейся молодежи не обладает способ-

ностью к стратегическому построению своего будущего, предпочитая "плыть по течению" и "жить сегодняшним днём" [11, с. 110]. Исследователь М. Б. Маринов заявляет, что индивидуализация современных социальных процессов результируется в т. ч. "в отказе личности от достижения долгосрочных целей и задач" [10, с. 300]. Жизнь в рамках спатальных и темпоральных стратегий жизни есть реальия современности. Означает ли это выпадение современной личности из давящей ранее смыслоутверждающей парадигмы осевого времени? Представляется, что для построения истинных жизненных *стратагем*, уникальной «*жизненной траектории*» [5], необходимо использовать определённый набор правил принятия решений. Жизненная стратегия личности немыслима без высокой культуры индивида, полноценного и всестороннего внутреннего развития, а также саморазвития индивида. Именно поэтому, согласно К. А. Абульхановой, жизненная стратегия есть способность личности к соединению своей индивидуальности и жизненных условий к воспроизводству себя именно как духовной личности.

Заключение

Социальные психологи (в частности К. А. Абульханова) с тревогой отмечают, что результаты психологических тестов-опросов последних лет демонстрируют печальную картину утерянных жизненных ориентиров молодого поколения педагогов, преследующих утилитарные цели при получении своей специальности. Тем острее должен встать вопрос о перепрофилировании преподавательской деятельности из сугубо академической – в наставническую. Молодое поколение учителей и преподавателей, поколение, характеризующееся в настоящее время «изначальным психологическим выгоранием», не должно растрчивать свою профессиональную жизнь впустую в погоне за достижениями мнимых смыслов и идеалов «общества знаний» – не «общества нравственности».

Теория *стратегии* жизни (шире, акмеология) своим названием обеспечивает мобилизационный *тон* формирования данного концепта в целом, настраивает на решительный характер планируемых самопреобразований. «Стратегия» – понятие военного терминологического арсенала. Это не есть план или эскиз, но схема решительного наступательного ответственного Деяния во времени и пространстве жизни. Мобилизационный потенциал данного концепта может быть по праву оценён современниками.

Воспитать личность – значит взрастить *Субъекта* своей собственной жизни («он

в принципе может и, значит, должен принять на себя ответственность за всё им содеянное и всё им упущенное»¹), придать *смысл* жизни личности, обеспечив её *целостность* (vs пресловутую дискретность), подарить радость бытия, радость от встречи с бытием в *Малом* и *Большом времени*. Самовоспроизводящая себя, таким образом, на новом витке социального развития «парадигма Рубинштейна» имеет статус универсального *классического* знания, полагающего себя неисчерпаемым источником общественно значимых смыслоформ.

Статья поступила в редакцию 03.08.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.
2. Асмолов А. Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М., Воронеж, 1996. 767 с.
3. Абульханова К. А., Славская А. Н. Сознание личности как проблема. Часть I // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 4. С. 8–23.
4. Бондарева Я. В. В ожидании неоклассики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 2. С. 6–7.
5. Гуманитарные проблемы современности: человек и общество / С. В. Голикова, О. М. Горева, И. В. Гурьянова, К. Л. Кабахидзе, Н. С. Козлова и др. Новосибирск, 2014. 248 с.
6. Зинченко В. П. Слово о Сергее Леонидовиче Рубинштейне // Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания. К 80-летию Владимира Петровича Зинченко / под ред. Т. Г. Щедриной. М.: РОССПЭН, 2011. С. 285–293.
7. Колесниченко Ю. В. Личность в русской философии 1920–1930-х годов: биография идеи. М.: Энциклопедист–Максимум, 2018. 416 с.
8. Колесниченко Ю. В. Личность как самодеятельное бытие – особое неокантианство С. Л. Рубинштейна. Часть I // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 4. С. 24–41.
9. Коржова Е. Ю. Педагогическая деятельность С. Л. Рубинштейна в Ленинградском государственном педагогическом институте имени А. И. Герцена // Философско-психологическое наследие С. Л. Рубинштейна / под ред. К. А. Абульхановой. М.: Институт психологии РАН, 2011. С. 159–164.
10. Маринов М. Б. Трансформация стратегии жизни личности в индивидуализирующем обществе. М.: Социально-гуманитарные знания, 2008. 304 с.
11. Осипова Л. Б., Энвери Л. А. Жизненные стратегии молодежи: опыт социологического исследования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 4 (46). С. 108–129.
12. Славская А. Н. Основы психологии С. Л. Рубинштейна: Философское обоснование развития. М., 2015. 344 с.

REFERENCES

1. Abulkhanova K. A. *Strategiya zhizni* [Life Strategy]. Moscow, Mysl Publ., 1991. 299 p.
2. Asmolov A. G. *Kulturno-istoricheskaya psikhologiya i konstruirovaniye mirov* [Cultural-Historical Psychology and Design of the Worlds]. Moscow, Voronezh, 1996. 767 p.
3. Abulkhanova K. A., Slavskaya A. N. [Personality consciousness as a problem. Part I]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow

¹ Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2017. С. 253.

- Region State University. Series: Philosophy], 2019, no. 4, pp. 8–23.
4. Bondareva Yu. V. [Waiting for neoclassical]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo jblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2020, no. 2, pp. 6–7.
 5. Golikova S. V., Goreva O. M., Guryanova I. V., Kabakhidze K. L., Kozlova N. S. at al. *Gumanitarnye problemy sovremennosti: chelovek i obshchestvo* [Humanitarian Problems of Our Time: Man and Society]. Novosibirsk, 2014. 248 p.
 6. Zinchenko V. P. [A word about Sergei Leonidovich Rubinstein]. In: Shchedrina T. G., ed. *Stil myshleniya: problema istoricheskogo edinstva nauchnogo znaniya. K 80-letiyu Vladimira Petrovicha Zinchenko* [Thinking style: the problem of the historical unity of scientific knowledge. To the 80th anniversary of Vladimir Petrovich Zinchenko]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011, pp. 285–293.
 7. Kolesnichenko Yu. V. *Lichnost v russkoi filosofii 1920–1930-kh godov: biografiya idei* [Personality in Russian philosophy of the 1920–1930s: a biography of idea]. Moscow, Encyclopedist Publ., 2018. 416 p.
 8. Kolesnichenko Yu. V. [Personality as an Independent Being – S. L. Rubinstein's Special Neo-Kantianism. Part I]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2019, no. 4, pp. 24–41.
 9. Korzhova E. Yu. [Pedagogical activity of S. L. Rubinstein at the Leningrad State Pedagogical Institute named after A. I. Herzen]. In: Abulkhanova K. A., ed. *Filosofsko-psikhologicheskoe nasledie S. L. Rubinshteina*. [Philosophical and Psychological Heritage of S. L. Rubinstein]. Moscow, The Institute of Psychology of Russian Academy of Science Publ., 2011, pp. 159–164
 10. Marinov M. B. *Transformatsiya strategii zhizni lichnosti v individualiziruyushchem obshchestve* [Transformation of the life strategy of an individual in an individualizing society]. Moscow, Sotsialno-gumanitarnye znaniya Publ., 2008. 304 p.
 11. Osipova L. B., Enveri L. A. [Life strategies of youth: the experience of sociological research]. In: *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecasts], 2016, no. 4 (46), pp. 108–129.
 12. Slavskaya A. N. *Osnovy psikhologii S. L. Rubinshteina: Filosofskoe obosnovanie razvitiya* [Fundamentals of S. L. Rubinstein Psychology: a Philosophical Study of Development]. Moscow, 2015. 344 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колесниченко Юлия Викторовна – доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского государственного областного университета, руководитель департамента общегуманитарных дисциплин Московского института современного академического образования, профессор e-mail: julikol@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yulia V. Kolesnichenko – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Philosophy, Moscow Region State University; Head of the Department of General Humanities, Moscow Institute of Modern Academic Education, Prof. e-mail: julikol@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Колесниченко Ю. В. «Парадигма Рубинштейна» и «общество знаний» – личный принцип в философии педагогики и воспитания. Часть II // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 3. С. 16–22.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-16-22

FOR CITATION

Kolesnichenko Y. V. "Rubinstein's Paradigm" and "Knowledge Society" – the Principle of Personality (Litchnost') in the Philosophy of Pedagogy and Upbringing. Part II. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2020, no. 3, pp. 16–22.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-16-22

РАЗДЕЛ II.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 177.3

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-23-28

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАК НЕОБХОДИМЫЙ ЭЛЕМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОГО (РОССИЙСКОГО) СОЦИУМА

Кардашов В. А.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Выявление особенностей военно-технического сотрудничества (ВТС) с точки зрения социальной философии.

Процедура и методы. Проведён анализ роли военно-технического сотрудничества как структурного элемента политического социума. Методология исследования основывается на системном подходе и включает в себя группу общенаучных (анализ, синтез, дедукция, индукция), а также специальных (контент-анализ научной литературы по теме исследования, исторический анализ) методов.

Результаты. Рост военно-технического сотрудничества России и зарубежных стран в геополитическом контексте связан с новым этапом глобального противостояния с Западом в ответ на агрессивные действия со стороны англо-саксонской цивилизации.

Теоретическая и / или практическая значимость. Проведённое исследование помогает дополнить и прояснить суть понятия «политический социум», а также место военно-технического сотрудничества в структуре современного российского политического социума.

Ключевые слова: политический социум, социальная структура, российское общество, государство, военно-техническое сотрудничество

MILITARY-TECHNICAL COOPERATION AS A NECESSARY ELEMENT OF SOCIAL STRUCTURE UNDER THE CONDITIONS OF POLITICAL (RUSSIAN) SOCIETY

V. Kardashov

Moscow Region State University

24, Vera Voloshina ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. The article aims at identifying the features of military-technical cooperation from the point of view of social philosophy.

Methodology. The methodology of the article is based on a systemic approach and includes a group of general scientific methods (analysis, synthesis, deduction, induction), as well as special methods: content analysis of scientific literature on the research topic; historical analysis method. The role of military-technical cooperation as a structural element of political society is analyzed.

© CC BY Кардашов В. А., 2020.

Results. The growth of military-technical cooperation between Russia and foreign countries in a geo-political context is associated with a new stage in the global confrontation with the West in response to aggressive actions by the Anglo-Saxon civilization.

Research implications. The conducted research helps to supplement and clarify the essence of the concept of “political society”; as well as the place of military-technical cooperation in the structure of modern Russian political society.

Keywords: political society, social structure, Russian society, state, military-technical cooperation

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что вектор развития военного сотрудничества как части политического социума РФ имеет решающее значение для будущего оборонного потенциала всего российского общества и государства. Совершенно точно предсказать грядущее невозможно, но можно получить представление о будущем ключевых российских возможностей, проанализировав критические политические, экономические, демографические и социальные факторы, лежащие в основе военно-технического сотрудничества. Для понимания этих аспектов необходимо уточнить само понятие «политический социум», а также его специфику в российских условиях. В большинстве современных философских исследований политический социум понимается как «государственно-политические органы и общественные самоорганизации людей» [4, с. 114]. При этом сама институциональная природа политического социума подразумевает реализацию его основных функций, в число которых исследователи включают «обеспечение жизнедеятельности, устойчивого существования и прогресса» [6]. Очевидно, что реализация данных функций требует важного условия – наличия безопасности.

Обеспечение безопасности является прямой функцией развития военно-технического сектора. Каждое государство обязано осуществлять военную защиту своих граждан, однако военно-техническое развитие требует укрепления обороноспособности дружественных государств с помощью военно-технического сотрудничества (ВТС).

Военно-техническое сотрудничество как элемент структуры политического социума

Военно-техническая сфера является первостепенным элементом в общей системе глобальной безопасности. Такое представление о ВТС восходит к историческому противостоянию России и Запада, которое началось задолго до Первой мировой войны и продолжается по сей день. При этом укрепление военно-технического сотрудничества с Россией каждой зарубежной страны предполагает наличие крепких политических связей, что позволяет РФ вовлекать в свою геополитическую орбиту новые государства. С этих позиций ВТС можно рассматривать как *институциональный элемент политического социума, выполняющий функцию геополитической безопасности страны.*

Предложенная трактовка военно-технического сотрудничества с позиций социальной философии подтверждается историческим контекстом развития данного элемента. Следует выделить несколько факторов, которые лежат в основе ВТС как элемента социальной структуры современного российского политического социума.

Факторы развития военно-технического сотрудничества

Первый из них – объективно существующее относительно последовательное и системное представление о целях политики безопасности России, которое было успешно преобразовано в военно-политическую стратегию для вооружённых сил, включающую 5 ключевых задач [1]:

- 1) стратегическое сдерживание;
- 2) региональное господство, включая реагирование на нестабильность, тер-

роризм или конфликты в ближнем зарубежье;

- 3) экспедиционные операции;
- 4) готовность в случае крупной наземной войны;
- 5) внутренняя стабильность.

В последние несколько лет наблюдается преобладание в этой стратегии, которая реализуется в рамках политико-социальных институтов.

Другие экономические, демографические и социальные факторы, лежащие в основе российского военно-технического сотрудничества как элемента политического социума, за последнее десятилетие претерпели значительные изменения¹, но они демонстрируют признаки сохранения стабильности в среднесрочной перспективе. Общество демонстрирует поддержку российского правительства, внешней политики и вооружённых сил.

С точки зрения демографии, в России не ожидается прироста населения, её демографическая ситуация ничем не подорвана. Россия создала относительно стабильную систему смешанного набора военнослужащих по призыву и контракту для военных, т. е. происходит значительное укрепление первого компонента политического социума (государственно-политические структуры). Перечисленные основные факторы, вероятно, будут определять возможности ВТС России в будущем, при этом она будет и впредь концентрироваться на достижении господства в ближнем зарубежье, уделяя внимание готовности и профессионализации вооружённых сил. В качестве институционального компонента российского политического социума военно-техническое сотрудничество России по-прежнему сконцентрировано на возможностях, связанных со стратегическим сдерживанием, региональным доминированием и внутренней безопасностью.

¹ Kasper S. Essay: A new actor in Russian politics – citizens // Geopolitical Intelligence Services : [сайт]. URL: <https://www.gisreportsonline.com/essay-a-new-actor-in-russian-politics-citizens.politics,3020.html> (дата обращения: 06.08.2020).

Тем не менее в последнее время наблюдается расширение зоны влияния России не только в ближнем зарубежье, но и в странах, которые традиционно входят в геополитическую орбиту западных держав, в частности, США [5, с. 122]. Это государство исторически стало потенциальной угрозой России с момента формирования СССР. При этом, следуя логике структурного анализа политического социума, для достижения своих геополитических интересов США должны будут предоставить силы, которые могут конкурировать с Россией в различных сферах взаимодействия – от сотрудничества до конфликта. Принимая во внимание обширные возможности России в области традиционного и ядерного стратегического сдерживания, ключевая задача будет заключаться в том, как будут развивать свой потенциал США, который может обеспечить их интересы при любой интенсивности конкуренции (без эскалации). Здесь нужно отметить, что все элементы российского военно-технического сотрудничества по своей сути являются оборонительными, хотя стратегические силы сдерживания могут угрожать западным державам и их союзникам. При этом политический социум России, структурным элементом которого является ВТС, способен чётко идентифицировать угрозы, связанные с расширением Организации Североатлантического договора (НАТО) и наращиванием военного потенциала США / НАТО на российских границах. По мнению исследователей, существует вероятность, что взгляд России на угрозу может возрасти, а это приведёт к непреднамеренным вооружённым действиям². Тем не менее в политическом социуме западных держав (в первую очередь, США) нет адекватного понимания российского восприятия угрозы, исходящей от развертывания сил США в Европе.

Региональное доминирование – второй элемент российской стратегии в отношении реализации ВТР – представляет собой

² Hoffman F. An American Perspective on Post-Pandemic Geopolitics Commentary // Rusi.org. URL: <https://rusi.org/commentary/american-perspective-post-pandemic-geopolitics> (дата обращения: 06.08.2020).

более непосредственную угрозу интересам США, учитывая, что основная желаемая сфера влияния России включает бывшие советские республики, такие как Украина и Грузия, которые стремятся присоединиться к евроатлантическим институтам. Учитывая растущие возможности и интересы российского политического социума, противостояние западных стран развитию военно-технического сотрудничества России не может существенно подорвать региональное доминирование России. Более того, западным странам довольно трудно противостоять влиянию России в тех государствах, которые традиционно входили в их геополитическую зону влияния. Примером усиления такого влияния может служить военно-техническое сотрудничество России со странами новых политико-экономических союзов (БРИКС, ШОС и т. п.) [2; 3; 4].

Наиболее показательным, на наш взгляд, является сотрудничество России с Индией, поскольку политическое руководство последней рассматривает военно-технический экспорт из России как гарантию собственной безопасности. Некоторые эксперты отмечают, что Нью-Дели целенаправленно диверсифицирует своих поставщиков оружия, по крайней мере с конца 1970-х г. Основная цель такой политики – минимизировать политический и технический риск зависимости от одного поставщика. Важно отметить, что, диверсифицируя своих поставщиков, Индия стремится развивать собственную оборонную промышленность и переходить на новые форматы сотрудничества: лицензионное производство, совместная разработка и производство, а также продажа военной техники. Индия желает заменить модель продавца – покупателя моделью сотрудничества, и этот переход наиболее чётко проявляется в её сотрудничестве с Россией.

В глобальном контексте необходимо указать переменные, которые могут негативно повлиять на динамику российско-индийских ВТС. Одной из переменных является «Закон о противодействии Америке путём

санкций»¹ (CAATSA), который был подписан в США в 2017 г. Несмотря на то, что Индии удалось временно избежать ограничений этого закона в отличие от Китая и Турции, США продолжают использовать угрозу введения ограничений для давления на Нью-Дели и убеждения индийских лидеров в необходимости постепенного сокращения импорта оружия из России. Естественно, пандемия коронавируса и вызванный ею экономический кризис неизбежно влияют на ситуацию. Очевидно, что из-за бюджетных ограничений Индии придётся отменить ряд военных программ и перенаправить финансирование от иностранных поставщиков оружия и боевой техники на местные компании во время кризиса. Сроки выполнения соглашений с Россией также могут быть приостановлены. В то же время окно возможностей для совместных проектов открывается перед Россией и Индией, в частности, тех, которые основаны на оборонно-промышленных коридорах, которые были недавно созданы в индийских штатах Уттар-Прадеш и Тамил-Наду. Один из этих проектов был запущен 3 марта 2019 г. открытием компании «Indo-Russia Rifles» в районе Амети штата Уттар-Прадеш, которая будет производить автоматы Калашникова АК-203 для патрона 7,62×39 мм. Как страна, которая открыта для передачи технологий в Индию, Россия получает определённое конкурентное преимущество в этом отношении [7, с. 15].

Пример российско-индийского военно-технического сотрудничества особенно показателен с т. зр. укрепления доверия между политическими социумами двух стран.

Роль военно-технического сотрудничества в реализации целей политического социума

Военно-техническое сотрудничество является проводником представлений рос-

¹ The World Economic Forum. Q&A: The changing role of the United States in a shifting geopolitical landscape [Электронный ресурс]. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2019/06/q-a-the-changing-role-of-the-united-states-in-a-shifting-geopolitical-landscape/> (дата обращения: 06.08.2020).

сийского политического социума о стратегических приоритетах геополитического места России в мире. Цели политического социума и его восприятие угрозы формируют стратегию ВТС и его основные векторы. В настоящее время существует относительно последовательное понимание целей политики безопасности России, в отличие от 1990-х и даже 2000-х гг., когда взгляды внутри истеблишмента резко расходились. Достигнутый консенсус был назван «реалистичной школой». Другие подходы к политике безопасности – «прозападный» или ультранационалистический – были в значительной степени дискредитированы или частично объединены [5, с. 122].

При этом сама концепция безопасности в России гораздо шире, чем на Западе. Стабильность подразумевает внутриполитическую стабильность – другими словами, избегание любых народных волнений, сепаратизма, терроризма или других угроз нынешнему политическому порядку. Экономическая стабильность – предотвращение резких спадов – является средством достижения политической стабильности и, следовательно, самоцелью. Для этого российский политический социум стремится к стабильности извне, прежде всего на своих границах, из-за очевидной прямой связи между происходящими там событиями и стабильностью внутри РФ. При этом Россия стремится поддерживать «дружественные» режимы. В частности, российская элита не считает, что влияние Китая является угрозой безопасности, поскольку последний также не терпит цветных революций и не стремится размещать силы или строить военную инфраструктуру в регионе. Российские политические элиты считают, что страна должна быть лидером более широкого региона для достижения важной согласованной цели политики безопасности: повышения и укрепления статуса Российской Федерации как великой державы¹.

¹ Q&A: The changing role of the United States in a shifting geopolitical landscape // The World Economic Forum: [сайт]. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2019/06/q-a-the-changing->

Заключение

Проведённое исследование позволило решить поставленные задачи, в частности, выявить место ВТС в структуре политического социума: в прагматическом контексте военно-техническое сотрудничество можно рассматривать как элемент системы безопасности самого политического социума – механизма, влияющего на внешнюю среду таким образом, чтобы минимизировать риски дестабилизации политической системы.

Существует сильная общественная поддержка внешней политики России, причём более 40% населения считают внешнюю политику главным достижением правительства. Большинство говорит о том, что Россия должна быть великой державой. Общественность, по-видимому, в значительной степени поддерживает нынешнюю политику России, отчасти потому, что она основана на патриотических настроениях. Русские склонны рассматривать Запад как ответственного за недавний кризис в отношениях, при этом многие россияне заявляют, что враждебность Запада в отношении РФ связана именно с нежеланием англосаксонской цивилизации принять Россию в качестве великой державы².

Таким образом, развитие военно-технического сотрудничества как элемента социальной структуры российского политического социума зависит от приоритетов и восприятия угроз самим социумом, что приводит к выстраиванию достаточно последовательной геополитической стратегии России. На наш взгляд, выдвинутые тезисы требуют дальнейшей апробации и научного анализа, поскольку каждый фактор развития военно-технического сотрудничества заслуживает специального изучения с точки зрения социальной философии.

Статья поступила в редакцию 08.07.2020.

role-of-the-united-states-in-a-shifting-geopolitical-landscape/ (дата обращения: 06.08.2020).

² Левада-Центр. Внешняя политика // Levada.ru. URL: <https://www.levada.ru/tag/vneshnyaya-politika> (дата обращения: 06.08.2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. Кухар В. В. Политический социум в цивилизованном обществе (философский анализ) // Культура народов Причерноморья. 1999. № 6. С. 374–377.
2. Малашенко Т. И. Военно-техническое сотрудничество России в Латинской Америке: Венесуэла // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2019. № 3 (23). С. 136–144.
3. Мулюн Е., Фокеева Л. Военно-техническое сотрудничество России и Армении // Воздушно-космическая сфера. 2018. № 2 (95). С. 118–120.
4. Травкин П. С. Военно-техническое сотрудничество России и Индонезии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2019. № 2. С. 113–120.
5. Buchholz A. Problems of the Ideological East-West Conflict // Bocheński J. M., Blakeley T. J. *Studies in Soviet Thought*. New York, 2019. P. 120–131.
6. Goertzel T. G. *Political Society*. International Encyclopedia of Civil Society. New York: Springer, 2010. 958 p.
7. Bommakanti K. India-Russia Military-Technical Cooperation: Beyond Commercial Relations. *International relations* // *ORF Issue Brief*. 2017. № 4. P. 10–22.

REFERENCES

1. Kukhar V. V. [Political society in a civilized society (philosophical analysis)]. In: *Kultura narodov Prichernomor'ya* [Culture of the Peoples of the Black Sea Region], 1999, no. 6, pp. 374–377.
2. Malashenko T. I. [Military-technical cooperation between Russia and Latin America: Venezuela]. In: *Ekonomicheskie i sotsialno-gumanitarnye issledovaniya* [Humanitarian and Socio-Economic Sciences Journal], 2019, no. 3 (23), pp. 136–144.
3. Mulyun E., Fokeeva L. [Military-technical cooperation between Russia and Armenia]. In: *Vozdushno-kosmicheskaya sfera*, 2018, no. 2 (95), pp. 118–120.
4. Travkin P. S. [Military-technical cooperation between Russia and Indonesia]. In: *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktualnye problemy razvitiya* [South-East Asia: Pressing Development Challenges], 2019, no. 2, pp. 113–120.
5. Buchholz A. Problems of the Ideological East-West Conflict. In: Bocheński J. M., Blakeley T. J. *Studies in Soviet Thought*. New York, 2019, pp. 120–131.
6. Goertzel T. G. *Political Society*. International Encyclopedia of Civil Society. Springer. New York. 2010. 958 p.
7. Bommakanti K. India-Russia Military-Technical Cooperation: Beyond Commercial Relations. *International relations*. In: *ORF Issue Brief*, 2017, no. 4, pp. 10–22.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кардашов Виктор Анатольевич – аспирант кафедры философии Московского государственного областного университета;
e-mail: p.technologies@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Victor A. Kardashov – Postgraduate student, Department of Philosophy, Moscow Region State University;
e-mail: p.technologies@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кардашов В. А. Военно-техническое сотрудничество как необходимый элемент социальной структуры в условиях политического (российского) социума // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 3. С. 23–28.

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-23-28

FOR CITATION

Kardashov V. A. Military-Technical Cooperation as a Necessary Element of Social Structure under the Conditions of Political (Russian) Society. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2020, no. 3, pp. 23–28.

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-23-28

УДК 37.01

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-29-39

СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА ОСНОВНЫХ РЕГУЛЯТИВОВ МЕТОДОЛОГИИ ОРГАНИЗАЦИИ В ВУЗЕ ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Михалкин Н. В.

*Московский государственный психолого-педагогический университет
127051, г. Москва, ул. Сретенка, д. 29, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. Выявить основные компоненты содержания регулятивов организации практико-ориентированного образования в вузе, когда стремительно изменяются условия и факторы развития всех сторон жизни общества.

Процедура и методы. В статье осуществлено выявление причин, которые препятствуют формированию в вузах практико-ориентированного образования, а также проведён анализ и оценка регулятивов, которые следует применять при создании учебного процесса, соответствующего заявленному виду образования. В работе использовались методы: аналогии, сравнительный, обобщения, системный, интерпретации результатов, мысленного эксперимента.

Результаты. В исследовании уточняется содержание ряда регулятивов, относящихся к методологии организации образовательного процесса в вузах, раскрыты их основные компоненты, выявлена фактическая роль принципов организации процессов научения и воспитания в вузе при решении ими задач формирования компетентностных выпускников, способных эффективно включаться в профессиональную деятельность с учётом требований общественной практики развития страны и мира в целом.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в методологию организации социальных образований, а также в практику образовательной деятельности вузов.

Ключевые слова: принципы, регулятивы, мышление, методология, организация образования, практическая деятельность

THE CONTENT AND STRUCTURE OF METHODOLOGY REGULATORS APPLIED FOR THE ORGANIZATION OF PRACTICE-ORIENTED UNIVERSITY EDUCATION

N. Michalkin

*Moscow State Psychological and Educational University
29, Sretenka ul., Moscow, 127051, Russian Federation*

Abstract.

Aim. To identify the main components of the content of the regulators of the organization of practice-oriented university education, when the conditions and factors of development of all social aspects are rapidly changing.

Methodology. The article identifies the reasons that prevent the formation of practice-oriented education at universities, as well as the analysis and evaluation of the regulators that should be applied in the creation of the educational process corresponding to the stated type of education.

Results. The work clarifies the content of a number of regulators related to the methodology of organizing the educational process in the universities of countries, disclosed their main components, revealed the actual role of the principles of the organization of training and education processes at the university

in solving the problems of training competent graduates, able to effectively engage in professional activities, taking into account the requirements of public practice of the country and the world as a whole.

Research implications. The results of the study contribute to the methodology of the organization of social entities, as well as to the practice of educational activities of universities.

Keywords: principles, regulators, thinking, methodology, education organization, practical activity

Введение

Есть основания считать, что сегодня в развитии стран и обществ значимой становится тема подготовки выпускников вузов к динамично изменяющимся общественной практике и профессиональной деятельности. В Национальном проекте «Образование» указано, что всем образовательным учреждениям необходимы «модернизация профессионального образования, в том числе посредством внедрения адаптивных, практико-ориентированных и гибких образовательных программ», а также «формирование системы непрерывного обновления работающих гражданами своих профессиональных знаний и приобретения ими новых профессиональных навыков, включая овладение компетенциями в области цифровой экономики всеми желающими»¹.

Возможности методологических регулятивов в организации практико-ориентированного образования в вузе

В ранее опубликованных исследованиях ряда учёных нашей страны обосновывалась мысль, что социальные общности, различные социальные структуры будут прогрессивно развиваться, если организации этих социальных структур будут соответствовать объективным закономерностям общественного развития [6].

Очевидно, обеспечивать необходимую упорядоченность связей и взаимодействий элементов социальных структур могут и должны соответствующие этим структурам методологические регулятивы. И значимую роль в создании практико-ориентированного образования в вузе должны

играть регулятивы, заключённые в содержании такого феномена, как «методология образования»².

Правда, содержание данной категории требует уточнения, т. к. в научной литературе оно трактуется неоднозначно. Ряд авторов считает, что *методология образования* – это учение о самом психолого-педагогическом знании, закономерностях его развития, принципах подхода и способах его добывания, категориальном аппарате, основаниях и структуре психолого-педагогической теории [4, с. 178]. На первый взгляд, всё так и есть. Но отражены ли в приведённом определении методологии образования её сущность, а также «логика» её включения в организацию процесса образования в вузе? По мнению автора статьи, в данном определении образовательной методологии в большей степени акцентируется внимание на научении студентов, на развитии знаний у обучаемых, на принципах и способах его добывания.

Выходит, что выделяемые в этом определении методологии образования её составляющие – это не есть, строго говоря, методология образования. Ведь методология, по своей природе – это не просто совокупность правил и приёмов получения результата в преобразовательной деятельности людей, осуществляемых ими на основе определённых взаимосвязанных правил и приёмов, но также сами операции формирования и формулирования алгоритмов действий людей в конкретных сферах жизни людей, отражающих объективные законы развития этих сфер.

Методология, по мнению автора данной работы, – это научно обоснованная логика включения «технологических процедур» в реальную жизнь отдельного человека,

¹ Национальный проект «Образование» 2019–2024 гг. П. 6–7 // Стратегия 24 : [сайт]. URL: Strategy24.ru/education/projects/natsionalnyy (дата обращения: 06.08.2020).

² Новиков А. М. Методология образования. М.: Эгвес, 2006. С. 388.

сообществ, которые являются основной составной частью общественных отношений, обуславливающих их таким образом, чтобы в определённой сфере жизни общества, в стране утверждался общественных прогресс.

В связи с этим есть основания утверждать, что «образовательная методология» на современном этапе развития образования в стране и мире – это научно обоснованный способ создания нормативно-действенных конструкторов, отражающих закономерности организации образовательного процесса, соответствующего практико-ориентированной подготовке выпускника вуза, а также совокупность принципов, правил, приёмов, инструкций по их воплощению в действительность, по созданию и функционированию образовательных и воспитательных средств и услуг, которые обеспечивают необходимую для этого процесса позитивную результативность.

Структурно она включает в себя описание образовательных процессов, инструкции по их выполнению, совокупность правил, требований, графиков и алгоритмов действий преподавателей и студентов по созданию определённого вида образования. Если речь идёт о практико-ориентированном образовании, то данная методология должна обеспечить в конкретном учебном подразделении достижения выпускниками компетенций, соответствующих требованиям определённого вида (типа) профессиональной деятельности, а также общественной практики.

Следовательно, мы можем утверждать, что образовательная методология должна включать в себя как минимум два аспекта:

- 1) объединение практической (объективной) составляющей с субъективной или теоретической;
- 2) диалектическое единство их объективных частей в процессе развития формы и содержания образовательного процесса и в логике его воплощения в действительность.

Под *практической методологией* подразумевается основанная на опыте и закреплённая в структуре образования совокуп-

ность процессов и операций по созданию определённого результата в выпускнике вуза: его знаниях, умениях, компетенциях. *Элементами* практической методологии выступают:

- целесообразная деятельность или, по большому счёту, процесс образования;
- предмет образовательного труда;
- средства образовательного труда.

Соединение труда образовательной деятельности с предметом этой деятельности и составляет содержание методологии образования, посредством которого из обучаемого «создаётся» квалифицированный, компетентный выпускник.

Очевидно, для того чтобы получить результат своей деятельности, студент и преподаватель обязаны знать закономерности организации образовательного процесса, по которым происходит приращение его знаний, умений, компетенций, и правильно ими пользоваться. И это обязана раскрывать перед ними практическая образовательная методология.

Характерными признаками-чертами реально действующей образовательной методологии являются:

- динамизм;
- конкретность;
- социальная обусловленность;
- строгая последовательность действий, операций, движений или их логичность.

Динамизм образовательной методологии характеризует выполнение студентами и преподавателем каких-либо процессов, движений, действий, промежуточные состояния которых можно изобразить в виде условных обозначений, замыслов.

Это могут быть:

- процессы формирования у студентов конкретных научных знаний, умений по обработке соответствующей информации;
- развитие у них навыков практически-преобразовательной деятельности по специальности, направленности подготовки.

Конкретность образовательной методологии характеризует целенаправленность её процессов к достижению определённого результата.

Речь в данном случае идёт о профессионализме, компетентности, которые в совокупности позволяют выпускнику активно включиться в практическо-преобразовательную деятельность. Для этого в самом содержании методологии определяются или уточняются образовательные и воспитательные операции и действия, устанавливается, какими обязаны быть средства деятельности и какого уровня компетенции должен достигнуть на выпуске обучаемый.

Материальная обусловленность образовательной методологии – это реальное включение в образовательный процесс трёх компонентов:

- 1) предметов образовательной деятельности;
- 2) средств образовательной деятельности;
- 3) самой образовательной деятельности.

Выходит, что материальная обусловленность образовательной методологии предполагает профессионально-практическую обоснованность образования, базирующуюся на необходимых для соответствующей профессии знаниях, умениях, навыках и компетенций. Без воплощения в действительность этих положений мы можем нанести непоправимый ущерб как самому выпускнику, так и тому делу, которому он намерен служить.

Логичность образовательной методологии или её строгая последовательность действий, операций – это упорядоченность во времени и пространстве основных, вспомогательных и обслуживающих сам процесс образования связей и взаимодействий обучаемого и преподавателя, их полная взаимообусловленность по всем параметрам – студент, преподаватель, образовательная среда, общество, практическая деятельность.

Логичность образовательной методологии основывается на формально-логической культуре студентов, преподавателей, руководства факультетов, институтов, на

характере «использования» ими рациональных регулятивов, по созданию образовательного процесса в вузе. В значительной степени она формируется в вузе опытным путём, как практикой, испытанием и проверкой отдельных компонентов образовательного процесса, так и его проявлением в целом. Именно таким путём вырабатываются необходимые навыки, соответствующая логическая культура у всех субъектов образовательного процесса.

Что касается «*субъективной*» методологии, то она представляет собой относительно самостоятельную область обучающего познания, ориентированную на развитие у студентов и преподавателей качеств и свойств по применению ими методологических регулятивов, которые позволяют придать образовательному процессу такую организацию, которая превращает его в рационально-эффективный процесс.

Рассмотрев общие положения, относящиеся в методологии образования, мы можем сформулировать содержание методологии организации в вузе практико-ориентированного образования. Оно заключено в основных методологических принципах его организации¹. К ним следует отнести следующие регулятивы:

- принцип деятельности;
- принцип системности;
- принцип «субъектоцентризма»;
- принцип соответствия содержания и структуры образовательного процесса используемым в нём способам, средствам, методам учебно-воспитательной работы.

Принцип деятельности как один из методологических регулятивов организации образовательного процесса ориентирует участников этой учебной и воспитательной деятельности на такое её содержание и та-

¹ По мнению автора, *методологические принципы организации образовательного процесса* – это исходные для преподавателей и студентов научные, но сформулированные в нормативной форме, *установки*, которые *обуславливают* их познавательную и воспитательную деятельность, *регламентируют* граничные условия их активности, *оптимизируют*, если ими руководствоваться, использование имеющихся для этой деятельности средств и способов.

кие её формы, которые соответствовали бы практически-преобразовательной деятельности выпускников вуза по их профессии, максимально способствовали бы развитию способностей студентов, формировали их социально зрелыми личностями.

По своему содержанию требования данного принципа отражены в следующих положениях:

- обучаемый как объект и субъект научения и воспитания формирует и развивает свои способности посредством деятельности и общения, согласованными с его будущими профессиональными деятельностью и общением;
- обучаемый и преподаватель в образовательном процессе обязаны составлять единую субъект-объектную целостность;
- мотивом такой деятельности и общения студентов и преподавателей должны быть интересы общественной практики, в которую по выпуску будет включён обучаемый;
- образовательный процесс в вузе как деятельность и общение должен быть ориентирован на тенденцию изменения профессиональной деятельности в стране и мире на ближайшие 5–10 лет.

Наряду с принципом деятельности, который изначально предопределён тем, что образовательный процесс и есть деятельность и общение, необходимо учитывать и тот факт, что взаимодействие студентов, преподавателей, сотрудников вуза есть ещё и системное образование. Следовательно, в организацию образовательного процесса должна быть включена идея создания процесса научения и воспитания, состоящего из отдельных элементов, как системы. Т. е., образовательный процесс есть нечто такое, которое ожидаемо обязано выполнять нечто большее, чем отдельные его составляющие элементы. Это возможно только при следовании в организации образовательного процесса в вузе требованиям принципа системности.

Принцип системности – это методологический регулятив, содержащий *установку* преподавателям, студентам, сотрудни-

кам вуза в форме их *взаимной социальной ответственности* за подготовку квалифицированного и компетентного выпускника, которая *ориентирует* их на формирование образования как системы, когда они изменяют свои функции во имя обеспечения функциональности и действенности научения и воспитания обучаемых в соответствии с заявленной целью¹.

По своему содержанию требования данного принципа отражены в следующих положениях, которые необходимо соблюдать всем участникам образовательного процесса в вузе:

– во-первых, необходимо развить и утвердить в каждом субъекте образовательного процесса положение социальной ответственности, которая как системообразующий фактор будет обуславливать не только функциональность, но единение всех субъектов образовательного процесса, сохранение его как целого образования, в соответствии с которым отдельные субъекты изменяют свои функции во имя того, чтобы научение и воспитание в вузе обеспечило необходимые для будущей профессии выпускника его черты, свойства, качества;

– во-вторых, следует выявить и определить сущность, социальную зрелость каждого студента, его потенциальные возможности, чтобы придать образованию целевую направленность;

– в-третьих, требуется выявить связи, взаимодействия между субъектами образовательного процесса как единого целого, которые могут быть изменены таким образом, чтобы студент при выпуске из вуза был готов и способен выполнять функции, которые будут обусловлены его практико-преобразовательной деятельностью.

Реализация требований, обусловленных соблюдением принципов деятельности и системности, как отмечает А. Н. Аверюшкин, предполагает, что пре-

¹ По мнению автора, *социальная ответственность личности* – это сложное духовное и социально-психологическое образование, обуславливающее исполнение ею своих социальных ролей, соответствующих её статусу.

подаватели и руководство вузов по своему профессиональному и общекультурному уровню подготовки, а также по опыту владения методологическими регулятивами были реально подготовлены к преодолению познавательных-психологических барьеров, возникающих при организации образовательного процесса, соответствующего требованиям практико-ориентированного образования [2, с. 170].

Данные требования можно исполнить, если при организации процесса практико-ориентированного образования руководствоваться принципом субъектоцентризма.

Принцип субъектоцентризма – это методологический регулятив, содержащий установку участникам организации образовательного процесса в вузе на *формирование* у себя такого мировоззрения, а также таких навыков, умений, компетенций, которые соответствовали бы уровню трудности по разрешению ими проблем, возникающих при этом.

Очевидно, что каждый участник этого процесса по-своему оценивает «свой» потенциал, свои возможности организатора и участника, а также способы и средства его совершенствования, свою личную способность и готовность преодолеть «барьер неизвестности». Но не лишними в этом деле будут и требования принципа субъектоцентризма! По мнению автора статьи, роль данного принципа состоит в том, что заключённая в нём установочная информация психологически мотивирует и детерминирует каждого участника организации практико-ориентированного образования к формированию у себя такого «деятельностного» потенциала, который должен соответствовать уровню разрешаемых им в этом процессе проблем. Только тогда может быть достигнут успех.

Одновременно с выделенными тремя принципами, обуславливающими организацию в вузе практико-ориентированного образования, важнейшая роль принадлежит принципу *соответствия* содержания и структуры образовательного процесса, используемым в нём способам, средствам, методам учебно-воспитательной работы.

Содержание требований данного регулятива в плане организации заявленного вида образовательного процесса в вузе заключено в следующем положении: каждый субъект, участвующий в этом процессе, опираясь на свою мировоззренческую и методологическую культуру и определённый *опыт* учебной и воспитательной работы в вузе, обязан использовать адекватные трудностям и сложностям становления в вузе этого вида образования средства и способы.

Принцип соответствия содержания и структуры образовательного процесса используемым в нём способам, средствам, методам учебно-воспитательной работы – это методологический регулятив, содержащий *установку* каждому участнику этого процесса, которая *ориентирует* его на *использование* только тех средств и способов, которые соответствуют природе и сущности возникающих при этом проблем.

Очевидно, что требования данного принципа невозможно жёстко формализовать. Всё дело в том, что трудно заключить в какую-то линейную зависимость следующие показатели: характеристику процесса формирования в вузе практико-ориентированного образования, возможности средств и способов, изобретённых и проверенных наукой и практикой, а также потенциал субъектов, организаторов и участников этого процесса.

С другой стороны, каждый участник этого процесса – это творческая личность. Она обладает не только рациональным мышлением, но и интуицией, догадками и т. д. Да и творчество по своей природе никогда не бывает «линейно определённым». Именно поэтому *установка* данного принципа *определяет* только «характер поля» познавательной-преобразовательной деятельности участников данного процесса.

Выделенные методологические регулятивы формирования практико-ориентированного образования в вузе являются собой некую языковую составляющую коммуникативных связей между участниками этого процесса, определённое средство, выполняющее коммуникативно-организующую

функцию. Другими словами, методологические регулятивы организации в вузе практико-ориентированного образования – это определённая грамматика организации взаимодействия между участниками этого процесса.

Автор не берёт на себя смелости утверждать, что приведённая характеристика методологических регулятивов формирования практико-ориентированного образования в вузе является завершённой. Однако она в определённой степени позволяет выявить их значение и смысл.

Автор также согласен с Е. П. Сичинским, что применительно к учебному и воспитательному процессам в вузе «действенность» положений методологических регулятивов в организации образовательного процесса, ориентированного на формирование в вузе практико-ориентированного образования, зависит от нескольких важных факторов:

- насколько точно и доступно для их понимания и осмысления студентами в них выражены организационные требования;
- насколько точно и полно отражены в них закономерности организации процесса обучения и воспитания студентов в вузе;
- насколько они соответствуют духовной и общей культуре студентов и преподавателей вуза;
- насколько они рационально точно сформулированы, насколько ясно и доступно для понимания студентами и преподавателями в них закрепляется мысль, которая определяет границы проявления их активности в образовательном процессе. [8, с. 35].

При этом следует учитывать тот факт, что методологические регулятивы, обуславливающие организацию практико-ориентированного образования в вузе, закрепляются в определённом тексте, формулируются на конкретном языке. В этом тексте содержится информация, соответствующая содержанию конкретных регулятивов, их «действенности». Данная информация осмысливается мышлением

преподавателей, студентов, обуславливая им их реальные формы и способы образовательной деятельности.

Мышление обучаемого и преподавателя в структуре образовательной методологии

Очевидно, формирование в вузе современного практико-ориентированного образовательного процесса предопределяет необходимость утверждения в каждом участнике этого процесса «нового мышления», методологической культуры мышления и практического действия. Без идеи практико-ориентированного образования, без того, чтобы эта идея стала смыслом для всех участников образовательного процесса, никакой проект такого научения и воспитания студентов осуществиться не сможет, никакого достижения «гармоничного завтра» выпускников и изменяющейся общественной практики никогда не произойдёт.

Выходит, что не только информация, заключённая в методологических регулятивах, используемых при формировании в вузе практико-ориентированного образования, обязана содержать смысл будущей профессии выпускника вуза, но этот смысл следует коррелировать со смыслом социально-прогрессивного развития страны и её народов. Только тогда у выпускников вузов будут формироваться соответствующее мировоззрение и культура профессионального мышления и практического действия.

Что касается информации, которая включена в методологию организации образования в вузе и содержится в текстах этих регулятивов, она обуславливает различного вида и типа коммуникации между участниками учебно-воспитательной деятельности.

Судя по всему, формой её выражения и передачи студентам выступает применяемый в обществе и вузе язык, а выявленному смыслу используемой информации и мотивом его активности является мышление обучаемого.

Рассмотрим их. Начнём с такого понятия, как «информация». Уточним его содержание, значение и формы, в которых этот феномен проявляет себя в методологии организации образовательного процесса в вузе.

Применительно к методологии информации для субъектов, организующих образовательный процесс, как считают некоторые исследователи, – это заключённые в регулятивах методологии организации образовательного процесса «вербальные» сигналы, которые воспринимаются этими субъектами, понимаются, интерпретируются ими и обуславливают их акты познавательно-преобразовательной активности [1, с. 421].

Следует также учитывать и тот факт, что в практическом применении методологических регулятивов, которые обуславливают организацию в вузе практико-ориентированного образования, в информации всегда присутствуют несколько моментов.

Во-первых, в разных аспектах будет использоваться смысл этой информации¹.

Феномен «смысл» методологических регулятивов становится фактором побудительным и «управляющим» мотивом практических поступков участников организации практико-ориентированного образования в вузе. Проявляется это, как считает А. И. Новиков, в рамках следующих ситуаций:

- когда студенты начинают определять *предназначение* этой информации для себя, включаясь в процесс научения и воспитания в вузе;
- когда преподаватели передают студентам требования, которые определяют включение их в процесс формирования в вузе практико-ориентированного образования;

- когда руководство вуза устанавливает для преподавателей и студентов «меры» проявления их познавательной и воспитательной активности [7, с. 118].

Следует помнить, что смысл динамичен, сложен, имеет несколько «зон» своего бытия. Так, в зависимости от контекста регулятив (принцип, правило, приём и т. д.) может менять свой смысл. Поэтому регулятивы содержат ряд смыслов. Всё дело в том, что смысл заключённый в них информации обусловлен некоторыми особенностями. С одной стороны, сам регулятив, который может быть выражен в форме принципа, правила, приёма, – есть результат творчества людей, в котором заключены знания, умения, навыки и опыт людей, которые эти регулятивы создавали. Они «вкладывали» в эти регулятивы «свой смысл», который субъектам, использующим эти регулятивы, неизвестен. С другой стороны, конкретный субъект, вникающий в смысл регулятива, формирует его смысл у себя на основе личного интеллекта, опыта, социальных установок, своего стиля мышления. А так как *мышление* – это «продукт» социализированного человека, возникающий у представителя рода человеческого только после «прохождения» им соответствующего этапа социализации, то *духовное*, в т. ч. и *смысл*, есть «вторичное социальное» [3, с. 133].

Выходит, что практически у каждого участника организации и реализации в вузе практико-ориентированного образования будет «своё» понимание ограничений и допущений, обусловленных конкретным регулятивом в рамках проявления ими образовательной активности.

Из этого следует, что «смысл регулятива» не может реально существовать как «чистый смысл», ибо в нём заключена как «природа предыдущего субъекта творчества», так и «потенциал» конкретного участника организации практико-ориентированного образования в вузе.

Нельзя не учитывать и того факта, что смыслы информации, содержащиеся в ре-

¹ Автор считает, что *смысл* – это духовное образование, результат «взаимопроникновения» информации, направленной на социализированного человека и его мировоззрение, воплощённое в оценке предназначения полученных человеком сведений как для него самого, так и для направленности социального процесса, в рамках которого он живёт и развивается.

гулятивах, могут быть явными и скрытыми, осознаваемыми и неосознаваемыми.

Информация, заключённая в регулятивах методологии организации практико-ориентированного образования обязательно будет интерпретирована. И исключить этот факт из практического применения методологических регулятивов нельзя. Вопрос об интерпретации является одним из фундаментальных в деле организации образовательного процесса в вузе. При этом мы не должны упускать из виду тот факт, что образование в вузе должно быть ориентированным на подготовку выпускников к деятельности в динамично развивающемся мире. Ведь выпускник обязан быть не только квалифицированным специалистом, но и самообучающимся специалистом, способным непрерывно развивать и совершенствовать свои знания, умения и компетенции.

Конечно, руководство вузов и преподаватели стремятся к тому, чтобы не только осмыслить информационную составляющую методологических регулятивов, используемых для организации учебной и воспитательной деятельности в вузе, но и донести этот смысл до студентов, включив их осознанно в этот процесс. Делать это необходимо в соответствии со статусным положением каждого участника этого процесса, а также с выполняемыми ими социальными ролями [9, с. 175].

При передаче информации, заключённой в методологических регулятивах, от одного субъекта к другому, как отмечает В. В. Давыдов, происходит взаимное стимулирование, что выступает первым шагом к подготовке группового поведения, системы коммуникации, которую можно классифицировать по разным основаниям [5, с. 23]. Например, по использованию средств и форм передачи информации, а также органов чувств участников образовательного процесса коммуникация может быть: «печатной» (написанный текст), звуковой, «образной», «танцевальной», «комплексной» (когда видеоряд дополняется звуковым рядом и текстом).

Это важно. Но при этом следует учитывать требование такой «парной» категории, как соответствие «формы и содержания». Т.е., следует руководствоваться требованием, когда содержание «предписаний» и их «форма» соответствуют друг другу, дабы избежать неясности, двусмысленности в построении предположений, выражающих конкретную мысль. Другими словами, суждение, выражающее какое-то методологическое предписание, должно соответствовать «характеру» конкретных отношений в процессе организации в вузе практико-ориентированного образования (регулировать которые оно призвано), культуре познания и практического действия всех участников образовательного процесса.

Заключение

Итак, раскрыт ряд положений, относящихся к методологии формирования в вузе практико-ориентированного образования. Однако надо отметить, что в рамках данной работы отражены только некоторые компоненты методологии организации практико-ориентированного образования. Сделан акцент на том факте, что образование в вузе – это не только научение студентов, но и их воспитание и становление как социально зрелых личностей. Развитие способностей студентов, соответствующих профессиональной деятельности, может и должно проходить в тесной связи с развитием общества, общественной практикой вообще.

В связи с этим в статье сформулирован «алгоритм» применения методологических регулятивов организации практико-ориентированного образования, который предполагает включение и преподавателей, и студентов, и руководства университета в образовательную деятельность на основе коммуникации, создавая взаимодействия системно и с использованием соответствующих данному процессу средств и способов.

Автор работы полагает, что с позиций методологии, которая закрепляет «границы»

цы» познавательного-преобразовательной деятельности человека, *практико-ориентированное образование в вузе* – это сложный диалектический процесс и результат развития конкретных, значимых для деятельности выпускника вуза, компетенций, а также качеств социально-зрелой и надёжной личности, способной и готовой включиться в жизнь и деятельность кон-

кретной социальной группы, коллектива по своей профессии, придав им импульс позитивных изменений в форме прогресса с обеспечением им и себе безопасности, самодостаточности и суверенности.

Статья поступила в редакцию 08.07.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверюшкин А. Н. Философские проблемы искусственного интеллекта в эпоху модернизации современного образования // *Нейрокомпьютеры и их применение. XVII Всероссийская научная конференция : тезисы докладов.* М., 2019. С. 420–422.
2. Аверюшкин А. Н., Михалкин Н. В. Значение и смысл текста учебника как фактор формирования профессионального мировоззрения и методологической культуры мышления у студентов // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки.* 2019. № 4. С. 168–177.
3. Алехина Е. В. Актуальные проблемы философии: природа человека и смысл его существования. Человек в системе философского знания. М.: ИИУ МГОУ, 2018. 436 с.
4. Гуманитарная методология исследования модернизационных процессов в педагогическом образовании / А. Г. Бермус, Е. В. Бондаревская, С. С. Брикунова, О. Д. Картавцева, В. Н. Коновальчук, М. А. Петренко, С. Ю. Самохвалова и др. Ростов-на-Дону, 2013. 436 с.
5. Философско-психологические проблемы развития образования / под ред. В. В. Давыдова. М.: ИНТОР, 1994. 127 с.
6. Костадинович Д. Д., Бондарева Я. В. Диалог как метод современного образования // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки.* 2020. № 2. С. 27–34.
7. Новиков А. И. Текст и его смысловые доминанты. М.: Институт языкознания РАН, 2007. 224 с.
8. Сичинский Е. П. Практико-ориентированное или дуальное образование: к вопросу о формировании понятийного аппарата // *Инновационное развитие профессионального образования.* 2018. № 1 (17). С. 33–40.
9. Philosophical and pedagogical aspects of career guidance policy for learners and students / E. V. Alekhina, A. L. Safonov, Zapalatskaya V.S., et al. // *Journal of Environmental Treatment Techniques.* 2020. Vol. 8. Iss. 1. P. 175–181.

REFERENCES

1. Averyushkin A. N. [Philosophical problems of artificial intelligence in the era of modernization of modern education]. In: *Neirokompyutery i ikh primenenie: XVII Vserossiiskaya nauchnaya konferentsiya* [Neurocomputers and Their Application: 27th All-Russian Scientific Conference. Abstracts]. Moscow, 2019, pp. 420–422.
2. Averyushkin A. N., Mikhalkin N. V. [The meaning and sense of the text of the course book as a factor in the formation of a professional worldview and methodological culture of thinking among students]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2019, no. 4, pp. 168–177.
3. Alekhina E. V. *Aktualnye problemy filosofii: priroda cheloveka i smysl ego sushchestvovaniya. Chelovek v sisteme filosofskogo znaniya* [Topical issues of philosophy: the nature of man and the meaning of his existence. Man in the system of philosophical knowledge]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2018. 436 p.
4. Bermus A. G., Bondarevskaya E. V., Brikunkova S. S., Kartavtseva O. D., Konovalchuk V. N., Petrenko M. A., Samokhvalova S. Yu., et al. *Gumanitarnaya metodologiya issledovaniya modernizatsionnykh protsessov v pedagogicheskom obrazovanii* [Humanitarian methodology of research of modernization processes in pedagogical education]. Rostov-on-don, 2013. 436 p.
5. Davydov V. V., ed. *Filosofsko-psikhologicheskie problemy razvitiya obrazovaniya* [Philosophical and

- psychological problems of education development]. Moscow, INTOR Publ., 1994. 127 p.
6. Kostadinovich D. D., Bondareva Yu. V. [Dialogue as a method of modern education]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2020, no. 2, pp. 27–34.
 7. Novikov A. I. *Tekst i ego smyslovye dominanty* [The text and its semantic dominants]. Moscow, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences Publ., 2007. 224 p.
 8. Sichinsky E. P. [Practice-oriented or dual education: on the formation of the conceptual apparatus]. In: *Innovatsionnoe razvitie professionalnogo obrazovaniya* [Innovative Development of Professional Education], 2018, no. 1 (17), pp. 33–40.
 9. Alekhina E. V., Safonov A. L., Zapalatskaya V. S. at al. Philosophical and pedagogical aspects of career guidance policy for learners and students. In: *Journal of Environmental Treatment Techniques*, 2020, vol. 8, iss. 1, pp. 175–181.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Михалкин Николай Васильевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и гуманитарных наук Московского государственного психолого-педагогического университета;

e-mail: Fafnir85@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolay V. Mikhalkin – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Departmental Head, Department of Philosophy and Humanities, Moscow State psychological-pedagogical University;

e-mail: Fafnir85@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Михалкин Н. В. Содержание и структура основных регулятивов методологии организации в вузе практико-ориентированного образования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 3. С. 29–39.

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-29-39

FOR CITATION

Mikhalkin N. V. The Content and Structure of Methodology Regulators Applied for the Organization of Practice-Oriented University Education. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2020, no. 3, pp. 29–39.

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-29-39

УДК 141.7

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-40-46

КРИЗИС ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ КАК ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Фролов В. А.¹, Гурьянов Н. Ю.²

¹Самарский государственный экономический университет
443090, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141, Российская Федерация

²Самарский государственный технический университет
443100, г. Самара, ул. Молодогвардейская, д. 244, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Проанализировать проблему кризиса духовных ценностей, охарактеризовать духовную ситуацию в современной России и мире; через призму различных философских подходов рассмотреть феномен «ценности» и его конкретные проявления – свободу, справедливость, равенство, гуманизм.

Процедура и методы. Для всестороннего рассмотрения и разрешения проблемы кризиса духовных ценностей привлекается опыт историко-философского наследия, в т. ч. учение о нравственных императивах И. Канта и концепция трансцендентного характера ценностей неокантианцев.

Результаты. Ведущие философские концепции, связанные с исследованием ценностей, признаны универсальными регулятивами нравственного облика человека и человечества. Их освоение является необходимым условием преодоления кризиса духовности, воспитания в человеке подлинно нравственных целей, ценностей, убеждений.

Теоретическая и / или практическая значимость. Попытка разрешения проблемы кризиса духовных ценностей. С этой целью производится критика современных ценностных девиаций. Условием их преодоления признаётся принятие комплекса диалектически взаимосвязанных традиционных ценностей культуры.

Ключевые слова: ценность, кризис, духовность, нравственность, гуманизм, категорический императив

CRISIS OF SPIRITUAL VALUES AS A PROBLEM OF PHILOSOPHIC REFLEXION

V. Frolov¹, N. Guryanov²

¹Samara State University of Economics
141 Sovetskoy Armii ul., Samara, 443090, Russian Federation

²Samara State Technical University
244, Molodogvardeyskaya ul., Samara, 443100, Russian Federation

Abstract.

Aim. The article analyzes the problem of the crisis of spiritual values, characterizes the spiritual situation in modern Russia and the world; through the prism of various philosophical approaches, considers the phenomenon of «value» and its specific manifestations – freedom, justice, equality, humanism.

Methodology. An experience of historical and philosophical heritage, including I. Kant's doctrine of moral imperatives and the neo-Kantian conception of the transcendent nature of values, is involved to consider fully and to resolve the problem of the spiritual values crisis.

Results. The leading philosophical conceptions related to the studying of values are recognized as universal regulators of the moral image of human and humanity. Their development is a necessary condition for overcoming the crisis of spirituality, bringing up the truly moral goals, values, beliefs in a human.

Research implications. lie in an attempt to solve the crisis of spiritual values. To this end, criticism of modern value deviations is being made. The condition for overcoming them is recognized as the adoption of a complex of dialectically interconnected traditional values of culture.

Keywords: value, crisis, spirituality, morality, humanism, categorical imperative

Введение

В современной научной и философской литературе считается общепризнанным, что обратной стороной научно-технического прогресса выступают рационализация и роботизация мышления. Особенно ярко эта тенденция проявляется у представителей молодого поколения, подпавшего под мощное воздействие информационных технологий и оказавшегося в состоянии психологической зависимости от них [7, с. 1045]. Это является главной причиной утраты духовности, иными словами, потери «души», снижения роли и значимости нравственных ценностей в жизни современного человека. Кризис духовных ценностей сегодня осознаётся как глобальная проблема современности. Утратив свой духовный стержень, являющийся, по существу, основным критерием морали, современное общество тем самым разрушило и целостную систему нравственных принципов конструирования и организации своего внутреннего мира.

Сегодня неуклонно возрастает количество совершаемых преступлений, всё более активизируются агрессия, вражда и насилие. Более того, они становятся привычными элементами социального бытия. А если считать насилие, ненависть и преступность порождениями кризисного душевного состояния человека, они оказываются неразрывно связанными с присущим ему внутренним ощущением одиночества и отчуждения. В этой ситуации стоит задуматься над тем, чем сегодня заполнены внутренний мир и душа человека? У большинства это абсолютно негативные душевные проявления, такие как: страх, злость и ненависть. Как следствие, закономерно возникает вопрос: где искать источник всех этих отрицательных проявлений? По мнению авторов, он кроется внутри самой современной социальной действительности, свойственного ей ментального уклада.

Духовная ситуация в современном российском обществе

На примере недавних событий можно воочию наблюдать насколько быстро, сильно и принципиально изменилась духовная ситуация в России за последние три десятилетия [1, с. 8]. Многие русские люди сегодня полностью утратили веру: они не верят ни в добро, ни в Бога, не доверяют окружающим. Исчезли надежда и любовь, испокон веков служившие своеобразными «маяками» социального устройства; возобладали жестокость и озлобленность; ненависть стала регулятором душевной жизни человека. Всё это происходит на фоне авторитетного давления извне навязываемых российскому обществу западных ценностей, коими являются всевозможные материальные блага, деньги и власть [2, с. 7]. «Цель оправдывает средства». В результате этого человек готов на всё для достижения собственной выгоды: он идёт буквально «по головам» себе подобных, а его душа в это время черствеет, предавая забвению мораль и духовность.

В современном российском обществе, в целом, царят подавленное состояние и депрессивные умонастроения, влекущие за собой мысли об отсутствии надёжного и счастливого будущего, скорой катастрофе, неизбежном конце света и т. п. Основанием этого кризиса духовных ценностей авторы склонны считать период 90-х гг. XX в., а именно перестройку, целью которой был кратковременный марш-бросок из социализма в капитализм. Он привёл не только к стремительной дезориентации отдельных социальных групп и институтов, но и к утрате человеком чувства идентификации, личностной принадлежности к прежде актуальным социальным структурам, нормам и ценностям. Последовательно развертывалась девальвация общественных, культурных и даже творческих связей

и отношений [8]. То, что во времена СССР признавалось аномалией и девиацией, масштабно осуждалось обществом, сегодня не только не является отклонением от нормы, но даже целенаправленно афишируется в СМИ, например, гомосексуализм, феминизм, права различных меньшинств.

В сложившейся ситуации становится очевидным, что ценности, которые долгое время диктовала нам западная культура, отнюдь не являются интернациональными, общечеловеческими и потому не могут удовлетворить всё человечество в целом. Отсюда и свойственный современной культуре глобальный кризис ценностных ориентаций. В этой связи важнейшей задачей современной культуры является выработка новой системы духовных ценностей, которые смогут в будущем скорректировать и направить дальнейшее прогрессивное развитие человечества. Но любое «новое» – это «хорошо забытое старое». Поэтому сегодня, как никогда прежде, оправдан опыт обращения к историко-философскому наследию, содержащему лучшие наработки в области моральных и нравственных представлений.

Интерпретация понятия «ценности» в философии И. Канта

Под «ценностью» в философии традиционно понималась польза, полезность, большая значимость каких-либо объектов или феноменов, проявляющаяся по отношению к значительному количеству людей. Поэтому ценность – это такое явление, которое выступает для человека в качестве объективного блага, имеющего целью его самореализацию и утверждение в жизни. В этом смысле духовными ценностями могут считаться, к примеру, истина, добро, свобода, справедливость, святость и красота как фундаментальные идеалы человечества, а также культурные артефакты, в которых данные ценности получают свою объективацию, например, научные теории, религиозные системы, художественные произведения и пр.

В произведениях И. Канта фигурирует понятие «абсолютной ценности», ис-

пользуемое философом для идентификации акта так называемой «чистой доброй воли». С точки зрения немецкого классика, нравственно ценными могут быть признаны лишь те действия и поступки человека, которые исходят из выказываемого им стремления к реализации нравственно-законного как такового, а не совершённые «по долгу». Поступок «по долгу» не может считаться «абсолютно ценным», поскольку содержит ценность лишь «в намерении», которое может быть с его помощью реализовано. «Абсолютная ценность» кроется в самой максиме должного, в соответствии с которой человек решается на совершение определённого поступка. Понимаемая таким образом ценность находится в прямой зависимости от «принципа воления» и не связана с какими бы то ни было конкретными целями.

Таким образом, И. Кант объединяет ценностный мир с творческой деятельностью автономного субъекта. Причём способность к ценностному творчеству, равно как и само ценностное сознание, оказываются у философа возможными лишь благодаря задействованию ресурсов «практического разума». Согласно И. Канту, любой поступок, действие или явление являются ценными только в том случае, если они определяются посредством нравственного закона. Причём сам закон, соответствующий категории «достоинства», выступает в данном случае носителем непреходящей ценности. Нравственная ценность определяет также и ценность человеческой индивидуальности. По существу, предпринятая И. Кантом попытка сведения ценностной сферы к области нравственной деятельности была нацелена на чёткое разведение мира ценностей и бытия природы.

Трансцендентный мир ценностей в неокантианской философии

В конце XIX – начале XX вв. ценностную проблематику подхватили и начали развивать идейные последователи И. Канта – философы-неокантианцы, в т. ч. В. Виндельбанд и Г. Риккерт. Ими

был поставлен под вопрос закономерный характер развития культуры и общества, что вызвало проблемы с определением социальной значимости конкретных исторических явлений, усложнило понимание их места и роли в развитии культуры как таковой. Неокантианцы разрешили данные трудности посредством обращения к ценностной проблематике. Так, по мнению Г. Риккерта, руководящим принципом в интерпретации социальных явлений должны всегда выступать только и исключительно ценности, но ни в коей мере не законы. В данном контексте ценности, фактически, отождествляются с идеалами, а значит, они могут рассматриваться как главные ориентиры социокультурного развития.

В. Виндельбанд и Г. Риккерт ратовали за признание надъисторического характера ценностей, формирующих в своей совокупности вечный, трансцендентный мир, существующий независимо от человека. Производными этого мира выступают различные идеи, в т. ч. идея должностования, которая также носит трансцендентный характер. Именно она обуславливает значимость ценностей – абсолютная и не ограниченная какими бы то ни было пространственно-временными параметрами. В ходе освоения и осмысления ценностей у человека формируются соответствующие ценностные предпочтения и ориентации, которыми он впоследствии руководствуется в ходе своей жизнедеятельности и в отдельных поступках. Данные ценности, считает Г. Риккерт, обладают для воспринимающего их человека объективной значимостью, ибо «без идеала над собой человек в духовном смысле слова не может правильно жить» [4, с. 393].

Формирующие структурный облик названного идеала ценности открываются человеку постепенно, в ходе прогрессивного исторического развития культуры. Они являются абсолютными и надъисторическими, но находят свою практическую реализацию в сфере конкретных жизненных ценностей – нравственных, религиозных, политических и пр. Именно через

посредство идеалов у человека появляется возможность приобщения к сфере вне-временных абсолютных ценностей, вступления во взаимодействие с соответствующим измерением идеального мира [6, с. 22]. Наиболее значимыми из входящих в его состав ценностей традиционно считались свобода, справедливость, равенство и гуманизм.

Свобода, справедливость, равенство, гуманизм как ценности современной культуры

Все вышеперечисленные понятия диалектически взаимосвязаны и обладают социально ориентированным содержанием, т. к. с их помощью происходит отражение существа и специфики межличностных взаимоотношений, осуществляемых в обществе и культуре. При этом свобода и равенство по-разному трактуются с позиций социально-экономического, социокультурного, политического или психологического подходов. Так, в экономической сфере основаниями свободы выступают рынок и конкуренция, а в социокультурном и политическом измерениях – присущая человеку автономия, предполагающая его право и обязанность рассчитывать только на себя самого и быть самостоятельным. В психологическом аспекте свобода проистекает из независимости и наличия у индивида принципиальной возможности выбирать и определять стратегию собственной жизнедеятельности [5, с. 15]. Пространство свободы человека, живущего в обществе, формируется именно в соответствии с принципом справедливости.

В свою очередь, ценность справедливости обуславливается степенью содержащегося в ней равенства, предполагающего признание равноценности каждого конкретного человека. И, наконец, свобода органично включает в себя исходящее и от индивида, и от общества требование по поддержанию достигнутого в данном обществе уровня справедливости. Определяющее воздействие ценностей ощущается в самых разных аспектах и

срезах социокультурного бытия. Так, например, социальная дифференциация и экономическая стратификация общества, а также характер распределения в нём собственности, доходов и капитала выступают основополагающими факторами для определения соотношения в нём равенства и неравенства. А уровень неравенства, в свою очередь, коррелирует со степенью демократизации общества и политической ответственностью сформировавшейся в нём элитарной прослойки.

Гуманизм имеет своим идейным основанием гипотезу о нравственной ценности человека и самой его жизни. Суть гуманизма – проявляемая его адептами всесторонняя забота о человеке, его последовательная трактовка как личности, признание за ним прав на свободу и неприкосновенность. Гуманизм настаивает на необходимости защиты чести и достоинства личности, а также беспрецедентной борьбы за её неотчуждаемые права. В обширной гуманистической традиции Нового времени и эпохи Просвещения – в работах Т. Гоббса, Б. Спинозы, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо и других известных философов этого исторического времени – основное внимание традиционно уделялось пониманию нравственности и технологиям воспитания добродетелей человека. Однако кульминационной точкой своего развития гуманизм достиг в творчестве И. Канта, сформулировавшего и обосновавшего нравственную парадигму индивидуального человеческого поведения. С этой целью немецкий классик вывел два фундаментальных моральных закона, получивших название «нравственных императивов».

Нравственные императивы в контексте современной культуры

Категорический императив И. Канта, представляющий воплощением всеобщей обязательности и долженствования, формулируется так: «...Поступай согласно максиме, которая в то же время может иметь силу всеобщего закона» [3, с. 133], – совершай только такие поступки, каждый из кото-

рых мог бы стать образцом, эталоном правильного поведения, примером для подражания со стороны окружающих. Причём каждый человек вправе делать лишь то, что он считает должным и правомерным в отношении к нему самому. Это и есть максима нравственного поведения в понимании И. Канта. Как правило, она выражает себя в некоем суждении, объединяющем цели человека с его поступками и свершениями. Причём речь идёт не столько о субъективном взгляде индивида на должное поведение, сколько о его убеждениях и принципах. В кантовском категорическом императиве прямо указывается, что человек должен иметь только такие взгляды, которые могут стать всеобщими убеждениями, регулятивами нравственного поведения для всех людей и общества в целом.

По существу, категорический императив выступает универсальным критерием, способствующим определению степени нравственности любого человеческого действия или поступка. При этом специфика конкретной сложившейся ситуации не принимается во внимание, – нравственным объявляется лишь то, что находится в строгом соответствии с императивом. Фактически, требование категорического императива И. Кант адресует не чувствам, а разуму человека, т. к. только разум может столь трезво и однозначно оценить то или иное действие человека, – чувственность же на подобную однозначность оценки в принципе не способна.

Следует подчеркнуть, что философ высказывался резко против так называемой «мнимой морали», основанной на чувствах или влиянии внешних авторитетов, на примате приятности или полезности и даже на базовых инстинктах человека. Согласно И. Канту, умение и благоразумие отнюдь не тождественны нравственности. И только такая воля, которая стремится к добру исключительно ради самого добра, а не каких бы то ни было внешних и тем более корыстных побуждений, может считаться проявлением «чистой» и «доброй» воли. Целью «доброй воли», по мнению учёного, является только она сама, а её

наиболее последовательным проявлением выступает нравственный закон, который также не может быть обусловлен никакой внешней целью. Этот закон, выражающий всеобщую абстрактную обязанность, как раз и есть знаменитый кантовский категорический императив.

Заключение

Нравственные императивы И. Канта могут быть расценены как своеобразные эталоны, регулятивы нравственного облика человека и человечества в целом. Этот облик складывался издавна и продолжает трансформироваться сегодня, выступая для современной цивилизации своего рода эталоном и руководством для выхода из ситуации духовного кризиса. Непосредственным подтверждением этому выступают философские концепции Канта, неокантианцев и их многочисленных последователей, направленные в сво-

ей совокупности на корректировку человеческой природы и сущности, преодоление кризиса духовности и воспитание в человеке подлинно нравственных целей, ценностей и убеждений.

Это тем более важно в условиях современного глобального мира, который порой до неузнаваемости меняет традиционную систему ценностей и принципы межличностной коммуникации. Современное поколение несёт ответственность не только за себя и за будущее нашей страны, но и за судьбу всего человечества в целом. Перед нами сегодня стоят поистине высоконравственные задачи – преодоление кризиса (экологического, экономического, духовных ценностей), спасение планеты и цивилизации от войны и других глобальных проблем современности и, главное, создание для человека достойной жизни во всех её разнообразных аспектах и проявлениях.

Статья поступила в редакцию 17.08.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гурьянова А. В., Фролов В. А. Духовность как основание патриотизма в современном российском обществе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19. Вып. 1. С. 8–11.
2. Гурьянова А. В., Фролов В. А. Духовность как феномен бытия человека // Духовно-нравственное воспитание. 2018. № 6. С. 6–11.
3. Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 4. Ч. 2. М.: Мысль, 1965. 478 с.
4. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. 413 с.
5. Тимофеев А. В. Мир ценностей: социально-философский аспект. Самара, 2019. 119 с.
6. Тимофеев А. В. **Специфика человеческого бытия в мире ценностей: конструирование ценностей абсолютов** // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 1. С. 21–26.
7. Technological Prerequisites and Humanitarian Consequences of Ubiquitous Computing and Networking / A. Guryanova, E. Khafiyatullina, M. Petinova, V. Frolov, A. Makhovikov // Lecture Notes in Networks and Systems. 2020. Vol. 87. P. 1040–1047.
8. The problem of society consolidation in the era of globalization: methodological and axiological aspects / Berkut V. P., Bondareva Y. V., Kostyukova T. A., Maikova V. P., Molchan E. M., Pesotsky V. A. // Modern Journal of Language Teaching Methods. 2018. Vol. 8. № 5. P. 263–281.

REFERENCES

1. Guryanova A. V., Frolov V. A. [Spirituality as the basis of patriotism in the modern Russian society]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [News of Saratov University. New series. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy], 2019, vol. 19, no. 1, pp. 8–11.
2. Guryanova A. V., Frolov V. A. [Spirituality as a phenomenon of human existence]. In: *Dukhovno-nravstvennoe vospitanie* [Spiritual and Moral Education], 2018, no. 6, pp. 6–11.
3. Kant I. *Sochineniya: T. 4. Ch. 2* [Works: Vol. 4. Part 2]. Moscow, Mysl' Publ., 1965. 478 p.
4. Rikkert G. *Nauki o prirode i nauki o kulture* [Natural Sciences and Cultural Sciences]. Moscow, Respublika Publ., 1998. 413 p.

5. Timofeev A. V. *Mir tsennoستي: sotsialno-filosofskii aspekt* [The World of Values: Socio-Philosophical Aspect]. Samara, 2019. 119 p.
6. Timofeev A. V. [The specificity of human existence in the world of values: the construction of value absolutes]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2020, no. 1, pp. 21–26.
7. Guryanova A., Khafiyatullina E., Petinova M., Frolov V., Makhovikov A. Technological Prerequisites and Humanitarian Consequences of Ubiquitous Computing and Networking. In: *Lecture Notes in Networks and Systems*, 2020, vol. 87, pp. 1040–1047.
8. Berkut V. P., Bondareva Yu. V., Kostyukova T. A., Maikova V. P., Molchan E. M., Pesotsky V. A. The problem of society consolidation in the era of globalization: methodological and axiological aspects. In: *Modern Journal of Language Teaching Methods*, 2018, vol. 8, no. 5, pp. 263–281.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Фролов Вячеслав Андреевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры теории права и философии Самарского государственного экономического университета;
e-mail: frolov5070@yandex.ru

Гурьянов Николай Юрьевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Самарского государственного технического университета;
e-mail: nik.guryanow@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vyacheslav A. Frolov – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of the Theory of Law and Philosophy, Samara State University of Economics;
e-mail: frolov5070@yandex.ru

Nikolay Yu. Guryanov – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of Philosophy, Samara State Technical University;
e-mail: nik.guryanow@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Фролов В. А., Гурьянов Н. Ю. Кризис духовных ценностей как проблема философской рефлексии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 3. С. 40–46.

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-40-46

FOR CITATION

Frolov V. A., Guryanov N. Y. Crisis of Spiritual Values as a Problem of Philosophic Reflexion. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2020, no. 3, pp. 40–46.

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-40-46

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 17.023.32

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-47-54

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИОИСТОРИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ОБРАЩЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОГО ДУХОВНО-АКАДЕМИЧЕСКОГО ТЕИЗМА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ К ПРОБЛЕМАМ СЕМЬИ И БРАКА

Кожевникова О. Н.

*Дальневосточный юридический институт МВД России (Владивостокский филиал)
690087, Приморский край, г. Владивосток, ул. Котельникова д. 21, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. Изучить социокультурные и соcioисторические условия, позволившие представителям русского духовно-академического теизма конца XIX – начала XX вв. в обсуждение «семейного вопроса».

Процедура и методы. Автор, опираясь на материалы научных исследований и архивы, проводит анализ условий трансформации традиционной русской семьи, характеризует основные точки дискуссии по проблемам семьи и брака в российском обществе конца XIX – начала XX вв., определяет причины вовлечения в данную дискуссию представителей православной философии. В исследовании использованы принципы историзма и системности, а также метод материалистической диалектики.

Результаты. Сделан вывод, что социально-культурные перемены, вызванные развитием в Российской империи капиталистических отношений, обусловили потребность обращения православных философов к проблемам семьи и брака, переосмыслению их на идейно-философском уровне.

Теоретическая и / или практическая значимость. Заключается в анализе архивных документов и публикаций по проблемам семьи и брака в отечественной философии конца XIX – начала XX вв. Статья адресована исследователям истории отечественной духовно-академической философии.

Ключевые слова: «семейный вопрос», религиозная философия, духовно-академический теизм, философия семьи, философия брака

SOCIOCULTURAL AND SOCIOHISTORICAL ROOTS OF ADDRESSING THE ISSUES OF FAMILY AND MARRIAGE BY THE REPRESENTATIVES OF RUSSIAN RELIGIOUS AND ACADEMIC THEISM AT THE END OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

O. Kozhevnikova

*Far East Legal Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia (Vladivostok branch)
2, Kotelnikova ul., Vladivostok, 21690087, Primorsky Krai, Russian Federation*

Abstract.

Aim. The article is concerned with the study of socio-cultural and socio-historical conditions that brought the representatives of Russian religious and academic theism of the late 19th – early 20th centuries to the discussion of «family issue».

© CC BY Кожевникова О. Н., 2020.

Methodology. The author, based on research and archival materials, analyzes the conditions for the transformation of the traditional Russian family, describes the main points of discussion on family and marriage in the Russian society of the late 19th – early 20th centuries, determines the reasons for the involvement of the representatives of Orthodox philosophy in this discussion. The research is based on the principles of historicism and consistency and uses the method of materialistic dialectics.

Results. The author concludes that the socio-cultural changes caused by the development of capitalist relationships in the Russian Empire caused the need for Orthodox philosophers to address the problems of family and marriage, to rethink them at the ideological and philosophical levels.

Research implications consist in the analysis of archival documents and publications on the problems of family and marriage in the Russian philosophy of the late 19th – early 20th centuries. The article is addressed to researchers engaged in the history of Russian spiritual and academic philosophy.

Keywords: «family issue», religious philosophy, religious and academic theism, family philosophy, philosophy of marriage

Введение

В современной науке уже давно не подлежит сомнению представление о духовно-академическом теизме XIX – начала XX вв. как о важной, оригинальной части отечественного наследия философской мысли, в рамках исследования которой сформировались целые научные школы [8, с. 12; 11, с. 158–162]. При этом архивы хранят колоссальные массивы работ православных философов, до настоящего времени не введенных в научный оборот. В частности, в истории философии слабо разработанным остаётся вопрос о философском осмыслении в трудах академиков «семейного вопроса». Между тем в современных условиях возврата к буржуазно-капиталистическим отношениям философские поиски православных мыслителей второй половины XIX – начала XX вв. представляют интерес для понимания проблем и тенденций развития семьи и брака.

В данной работе мы планируем охарактеризовать процессы трансформации традиционной российской семьи, выделить ключевые точки дискуссии о «семейном вопросе» в российском обществе и определить причины, обусловившие обращение православных теистов к проблемам семьи и брака в условиях социокультурных и социально-экономических реалий конца XIX – начала XX вв.

Процессы трансформации традиционной российской семьи в XIX – начале XX вв.

Традиционная, сформировавшаяся к XIV–XV вв. концепция семейного уклада всех сословий Российского государства предполагала большую (т. е. включающую несколько поколений) патриархальную семью. В основе такой формы семьи лежали приоритет коллективных интересов над индивидуальными потребностями, неразрывность брака, строгая половозрастная иерархия и непререкаемый авторитет мужчины – главы семьи (поддерживаемый, кроме прочего, физическими наказаниями) [5]. Наиболее известным выражением, получившим в русской культуре символическое значение такого традиционного семейного уклада, являлся свод правил Домостроя.

Однако культурная модернизация, начатая Петром I, способствовала постепенному отказу от традиционного семейного уклада в среде образованных сословий, прежде всего дворянства, вестернизации семейных норм и ценностей, критике правил Домостроя.

В XIX в. в российском государстве и обществе начинают происходить глубокие социальные, экономические и культурные изменения, обусловленные объективными факторами развития капиталистических отношений и идейно-культурным влиянием европейских стран, где формирование капитализма, слом феодальной системы и

усиление класса буржуазии произошли гораздо ранее.

Мощным катализатором этих процессов стали реформы Александра II, разделившие в сознании современников историю России на дореформенный и пореформенный периоды. Начинается процесс смещения дворянства с купеческим и разночинским сословиями, формируется среда городской интеллигенции, где растёт популярность буржуазно-либеральных и революционно-демократических взглядов, в т. ч. и на брачно-семейные отношения.

Дворянские семьи становятся преимущественно малыми (нуклеарными), отношения между супругами всё чаще приобретают характер равенства. Постепенно в дворянскую семью проникают новые принципы: возрастает роль женщины, которая становится женой-другом, власть мужа теперь носит более утончённый и просвещённый характер, отношения супругов основываются на родстве вкусов и взглядов [7, с. 34]. Верность супружескому долгу, как сетовал М. М. Абрашкевич, из обязанности превращается в особую заслугу¹.

По мере утверждения практики либеральных реформ 60–70-х гг. XIX в., популяризации идей феминизма и «личного счастья» [4, с. 180–191] в дворянской среде учащаются случаи разъезда супругов, разводов, «гражданских браков», рождения и узаконения внебрачных детей [2, с. 43–44]. В художественной литературе становится популярной тема «заброшенного родового гнезда», разрыва родственных связей, конфликта отцов и детей (М. Е. Салтыков-Щедрин, И. С. Тургенев, Н. Г. Чернышевский, А. П. Чехов и др.). Острый кризис семейных отношений в дворянском обществе отражает Л. Н. Толстой («Анна Каренина», «Крейцерова соната», «Воскресение»).

К концу XIX столетия отход от патриархальности в супружеских и родительских взаимоотношениях становится нормой для семей, принадлежащих к образован-

ной среде. Так, в купеческой среде (в целом более традиционной, чем дворянской) на фоне общей урбанизации жизни, роста образованности и размывания старых сословных границ и ценностей происходит постепенная демократизация внутрисемейных отношений [9, с. 121]. В первую очередь, этот процесс затрагивал купеческие слои крупных городов, однако постепенно распространялся и в провинции [3].

Семьи духовенства традиционно строились как нуклеарные. Эту среду отличал достаточно высокий уровень образования, способствовавший знакомству молодого поколения как с современными достижениями науки, так и с новыми идейными течениями. В результате уже к концу XIX столетия в отдельных семьях духовенства наметился раскол между поколениями родителей и детей [1, с. 122–132].

Быстрая трансформация традиционной семьи происходила в среде промышленных рабочих – вчерашних крестьян. В оторванной от крестьянской общины семье, попавшей в урбанизированную среду, формировалась новая система ценностей, в которой вера и родственные связи постепенно теряли своё значение. В таких условиях семья теряла свой традиционный патриархальный характер: возрастала роль женщины в семье, ослабевали связи между поколениями.

Изменения семейного уклада медленно затрагивали и самый многочисленный и самый патриархальный класс Российской империи – крестьянство. Культурное влияние городской среды, постепенное усиление капиталистических тенденций в самой деревне приводило к началу изменений в семейном укладе: более широкому распространению нуклеарных семей, замене коллективного сознания индивидуальным у молодёжи, снижению авторитета старшего поколения и духовенства, нарушению традиционных семейных норм [10, с. 35–38]. В среде казаков традиции патриархальной семьи оставались достаточно крепкими, однако казачьи семьи крупных промышленных городов, рабочих и шахтёрских посёлков постепенно охватывали общие для страны тенденции.

¹ Абрашкевич М. М. Прелюбодеяние с точки зрения уголовного права: историко-догматическое исследование. Одесса, 1904. С. 614.

Дискуссии о семье и браке в российском обществе второй половины XIX – начала XX вв.

Основной причиной, спровоцировавшей дискуссию вокруг вопроса о заключении брака, было семейное право Российской империи, оставшееся незатронутым даже в результате Великих реформ. Триггером послужило исследование профессора М. И. Горчакова, подорвавшее канонический авторитет так называемой Кормчей книги – основного источника семейного права¹. Данный факт стал опорой для сторонников мнения о возможности реформировать семейно-правовые отношения, не посягая на христианское учение.

Крайне дискуссионным стал вопрос о допустимости гражданского брака. В этой связи показательна полемика о «раскольничьих браках», развернувшаяся между профессором Казанской духовной академии И. С. Бердниковым и представителями так называемой московской школы консенсуализма (Павлов, Громогласов, Заозерский), получившей развитие в Московской духовной академии².

Другой темой для полемики стала проблема «предбрачного обыска», когда священник под угрозой лишения сана не имел права венчать брачующихся, не убедившись достоверно в отсутствии препятствий к браку (обычно в качестве такого препятствия понимался ранее заключённый брак). В результате, как писали в Церковном вестнике, духовенство отказывается от венчания брачующихся, не имеющих при себе нужных документов. Итогом становятся незаконные сожительства и рождения³.

¹ Горчаков М. И. О тайне супружества. Происхождение, историко-юридическое значение и каноническое достоинство 50-й (по спискам патриархов Иосифа и Никона 51-й) главы печатной Кормчей книги: Исследование по истории русского церковного права. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1880. С. 384.

² Бердников И. С. Брак, рассматриваемый в своей природе и со стороны формы его заключения Н. Страхова. Харьков, 1893: [Рец.]. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1896. С. 15-18; Заозерский Н. А. Результаты полемики по вопросу о раскольничьем браке // Богословский Вестник. 1896. Т. 4. № 11. С. 327–342.

³ О предбрачных предосторожностях // Церковный

Характерно, что В. В. Розанов видел в проблеме незаконнорожденных детей не просто несовершенство закона, он поднимал эту проблему на философский уровень, обвиняя церковь в онтологической нелюбви ко всему, что связано с половыми сношениями мужчины и женщины и родовому акту как их последствию⁴.

Значительный общественный интерес вызвала дискуссия по поводу запрета вступать в брак лицам, чей союз был расторгнут в результате их виновности в прелюбодеянии. За отмену данного правила выступали И. С. Бердников и Н. С. Суворов, позднее к этой позиции присоединился Н. А. Заозерский⁵.

В среде духовенства социальную остроту имел запрет вдовым священникам заключать повторный брак. Печальную картину разрушения домашнего хозяйства и беспризорности детей вдового священника приводит в своей работе казанский академик В. Феодоров. За потерей жены, пишет автор, следует распутство, постигающее даже людей, не склонных к подобным порокам от природы. Правило, призванное стоять на защите нравственности духовенства на деле приводит к его моральному падению⁶.

Другой социальной группой, страдавшей от ограничений на вступление в брак по имущественно-возрастному принципу, являлось офицерство.

Горячий характер приобрела дискуссия о разводе. Противники либерализации разводов видели семью в единой логической связке с государством и религией, таким образом, правила, облегчающие развод, воспринимались ими как подрыв государственности⁷. По мнению традици-

Вестник. 1904. № 1–2. С. 646; Большой вопрос // Церковный Вестник. 1903. № 5. С. 129–131.

⁴ Розанов В. В. Собрание сочинений. Семейный вопрос в России. М.: Республика, 2004. С. 305.

⁵ Суворов Н. С. О безбрачии как о последствии расторжения брака по причине прелюбодеяния // Юридический вестник. 1889. № 8. С. 479–522.

⁶ Феодоров В. Постановления русской церкви о вдовствующих священниках и дьяконах (канд. соч.). Казань, 1901. 219 л. // Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 10. Оп. 2. Д. 132. Л. 175–176, 209–211.

⁷ Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Ч. II. М.: Статут, 2003. С. 90.

оналистов, борьбу необходимо было вести не за упрощение разводов, а с причинами самого этого явления (супружеские измены, внебрачные сожителства и т. п.)¹.

В тлетворном влиянии нигилистических и социалистических идей (М. Горький, Ф. Ницше), разрушающих традиционные ценности, видели причину развода М. М. Абрашкевич, Л. А. Золотарев² и др.

Важной частью общественной полемики на семейную тему стал вопрос женской эмансипации, включавший обсуждение роли женщины в семье, её участия в трудовой и общественной деятельности [12, с. 120–132]. Особенно активно в вопросе освобождения женщин и детей из-под власти семьи выступали представители социалистических, революционно-демократических взглядов (Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, М. И. Михайлов и др.).

На острие борьбы за освобождение женщины оказались, поддерживаемые церковью, ценности традиционного брака. Отрицательный ответ на обвинения социалистов в презрительном отношении церкви к женщине со стороны даёт профессор богословия Н. С. Стеллецкий. В свою очередь, автор обвиняет социалистов в посягательстве на моногамный брак, обрушивая критику на А. Бебеля, К. Каутского, О. Ольберг за высказывания: о равной с мужчинами свободе женщины в выборе объекта своей любви; о необходимости разрыва отношений в отсутствии любви между супругами; о развитии индивидуальности супругов в браке; о допустимости деторождения вне брака³.

В рамках философской полемики славянофилов и западников первые оказались преимущественно защитниками традиционной семьи. Наиболее ярко подходы славянофильства в этом вопросе пред-

ставлены во взглядах А. С. Хомякова, считавшего, что признание права женщины на свободный развод ведёт к деградации общества. Только дети и семья являются сферой жизненной реализации женщины, её священной защитой «от буйной энергии мужского превосходства»⁴.

Особое место в дискуссиях по семейному вопросу заняли представители русского религиозно-философского ренессанса (Л. Н. Толстой, В. С. Соловьёв, Ф. М. Достоевский, В. В. Розанов и др.), пытавшиеся подвести новую идейно-философскую основу под традиционные семейные ценности. При этом роль православной церкви в этом вопросе виделась ими по-разному (вплоть до жёсткой критики последней В. В. Розановым).

Включение представителей духовно-академического теизма в дискуссию о проблемах семьи и брака

В сложившихся условиях вовлечение православных философов в обсуждение семейного вопроса стало объективно обусловленной неизбежностью.

Во-первых, академики выступали как представители православной церкви, ставшей основным объектом критики в этом вопросе.

Во-вторых, будучи частью общего направления русской религиозной философии, они вынуждены были давать ответ на неортодоксальные (неоплатонические, мистические, натуралистические и др.) концепции половых отношений. Одновременно в рамках единого фронта религиозно-философского идеализма требовалось противостоять набиравшим популярность позитивистским, материалистическим, социалистическим и т. д. идеям. В этой связи следует упомянуть дискуссию о семейном вопросе в рамках религиозно-философских собраний в Санкт-Петербурге 1901–1903 гг., ставших местом полемики представителей «нового религиозного сознания» (Д. С. Мережковский,

¹ Красножен М. Е. Современные вопросы. Брак и развод. – Прелюбодеяние. – Свобода совести и веротерпимости. – Наука и политика. Юрьев: тип-я К. Маттисена, 1905. С. 6.

² Золотарев Л. А. Мимолетные связи и брак. М., 1897. 64 с.

Золотарев Л. А. Супружеские измены, их значение и причины. М., 1895. 62 с.

³ Стеллецкий Н. С. Новейший социализм и христианство. Харьков, 1912. С. 40–42, 52–53.

⁴ Хомяков А. С. О старом и новом: статьи и очерки. М.: Современник, 1988. С. 262.

З. Н. Гиппиус, Д. В. Философов, В. В. Розанов, Н. М. Минский и др.) и религиозно-ортодоксального мировоззрения (епископ Сергей (Страгородский), епископ Иннокентий (Усов), архимандрит Антонин (Грановский), А. И. Бриллиантов, В. А. Тернавцев и др.)¹.

В-третьих, ряд аспектов внутрицерковного характера требовал нового осмысления в современных условиях (повторный брак вдовствующих священников, сущность брака как таинства и увязанный с ним вопрос о браках раскольников и неправославных, приоритет брак или безбрачия и др.).

В-четвёртых, как организация, реализующая одновременно миссионерскую и культурно-просветительскую функцию, церковь не могла остаться в стороне от осмысления проблем морального здоровья семьи, религиозно-нравственного воспитания детей и школьного образования. Данная задача осложнялась ещё одним кризисом – религиозно-духовным. Церковь не могла дать идейного ответа на новые социальные вызовы, её авторитет в обществе стремительно падал. В своей работе, посвящённой религиозно-нравственному состоянию общества и задачам духовенства, Н. Зефирова сетовал, что, по мнению образованной общественности, практикуемые представителями церкви пути и средства религиозно-нравственного просвещения совершенно обветшали и не достигают своей цели².

Таким образом, перед православными философами встала задача модернизации идейно-теоретической базы христианского учения применительно к вызовам времени и запросам общества.

С. Г. Зубанова пишет в этой связи: «В конце XIX века наблюдалось религиозное охлаждение и уклонение от православия

большинства молодого поколения России. В умах царил мрак религиозного индифферентизма, туман, всевозможные мистические и другие лжеучения, взамен утрачиваемых нравственным основам жизни не обретались новые ... Православие могло быть истинником обновления, в котором нуждалось общество, но не стало им» [6, с. 184].

Впрочем, было бы ошибкой видеть причину этой неудачи в идейной слабости духовно-академической философии. Православная церковь оказалась оторванной от живого социума. «Наши академические "боги", – цитирует Н. Зефирова статью Б. Бартенева, – за редким исключением, не спускаются с олимпийских высот и пишут больше для собственного услаждения ... в обществе совсем не знают богословских учёных сочинений, написанных на самые захватывающие темы», загромаждающие впоследствии академические архивы³. Отметим справедливость приведённого замечания. Действительно, архивы духовных академий хранят тысячи духовно-философских произведений, значительная часть которых и поныне остаётся слабо изученной.

Заключение

Итак, в рассматриваемый нами период времени в России в силу объективных причин социально-экономического и культурного прогресса происходит трансформация семьи как социального института. Социально-культурные перемены обусловили потребность обращения к проблемам семьи и брака, осмысления их на идейно-философском уровне.

В рамках развернувшейся между философами, богословами, юристами, писателями, общественными деятелями дискуссии по «семейному вопросу» логически можно выделить следующие направления, каждое из которых было увязано с обсуждением вопросов этического характера: заключение брака и его форма; расторжение брака; «женский вопрос»; проблема отцов и детей.

В целом, православные философы внесли существенный вклад в осмысление про-

¹ Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901–1903 гг.) / под общ. ред. С. М. Половинкина. М.: Республика, 2005.

² Зефирова Н. Современное религиозно-нравственное состояние нашего общества и задачи православного русского пастырства (канд. соч.). Казань. 104 л. // Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 10. Оп. 2. Д. 595. Л. 42.

³ Зефирова Н. Указ. соч. Л. 44.

блематики семьи, брака и воспитания детей в рамках ортодоксально-религиозного направления русской философии. Несмотря на целый перечень анахронизмов, семейные ценности, заложенные в философии представителей православного теизма, несли в себе мощный гуманистический посыл, основанный на любви членов семьи друг к другу, верности, взаимопомощи и поддержке. Изучение их философских трудов представляет интерес не только с т. зр. изучения семьи как социально-философского концепта, осмысления его в рамках идейных поисков рубежа XIX –

начала XX вв., но и в применимости этого интеллектуального опыта к современному этапу развития нашей страны, связанному с возвратом к буржуазно-капиталистическим отношениям (в их постиндустриальной разновидности), а также с проникновением новых западных культурных норм, ценностей, стереотипов (однополоые браки, раздельное проживание супругов, сознательный отказ от вступления в брак и рождения детей и т. д.).

Статья поступила в редакцию 14.04.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабич И. Л. Священнические династии и духовный кризис в предреволюционной России (на примере потомственных православных священников Казанцевых) // *Genesis: исторические исследования*. 2017. № 7. С. 122–132.
2. Веремко В. А. Эволюция дворянской семьи в условиях модернизации России (вторая половина XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2007. 50 с.
3. Гончаров Ю. М. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX вв.: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Томск, 2003. 50 с.
4. Грицай Л. А. Трансформация ценностных основ семейной жизни в России конца XIX – начала XX вв. как предпосылка революционных событий 1917–1918 гг. // *История и современность*. 2012. № 1 (15). С. 180–191.
5. Громыко М. М., Буганов А. В. О воззрениях русского народа. М.: Паломникъ, 2000. 528 с.
6. Зубанова С. Г. Социальное служение Русской Православной Церкви в XIX веке: дис. ... докт. ист. наук. М., 2002. 408 с.
7. Короткова М. В. Эволюция повседневной культуры московского дворянства в XVIII – первой половине XIX вв.: автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2009. 44 с.
8. Коцюба В. И. «...К большему и большему расширению кругозора философской мысли»: духовно-академическая философия в постсоветских историко-философских исследованиях на рубеже XX – XXI вв. // *Альманах Пространство и Время: электронное научное издание*. 2018. Т. 16. № 1–2. С. 12.
9. Маслова И. В. Культура семейных традиций уездного купечества Вятской губернии в XIX – начале XX века // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология*. 2011. № 1. С. 121–126.
10. Менщиков И. С., Максимов В. А. Социальные девиации в русской крестьянской семье во второй половине XIX – начале XX века (по материалам волостных судов) // *Вестник Костромского государственного университета*. 2017. Т. 23. № 2. С. 35–38.
11. Пишун С. В. Духовно-академический теизм о разуме, знании и вере в контексте проблемы онтологизации сознания // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2019. Т. 16. № 3. С. 158–162.
12. Пономарева В. В., Хорошилова Л. Б. Русская пресса 1860-х годов о «женском вопросе», или как теория отстала от практики // *История отечественных СМИ*. 2015. № 1. С. 120–132.

REFERENCES

1. Babich I. L. [Priestly dynasties and spiritual crisis in pre-revolutionary Russia (illustrated by the example of the hereditary Orthodox priests Kazantsevs)]. In: *Genesis: istoricheskie issledovaniya* [Genesis: Historical Research], 2017, no. 7, pp. 122–132.
2. Veremko V. A. *Evolutsiya dvoryanskoy semi v usloviyakh modernizatsii Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.): avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk* [The evolution of a noble family in the context of modernization of Russia (the second part of the 19th – early 20th centuries): abstract of D. thesis in

- History]. St. Petersburg, 2007. 50 p.
3. Goncharov Yu. M. *Gorodskaya semya Sibiri vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv.: avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk* [An urban family of Siberia in the second part of the 19th – early 20th centuries: abstract of D. thesis in History]. Tomsk, 2003. 50 p.
 4. Gritsay L. A. [The transformation of the value foundations of family life in Russia in the late 19th – early 20th centuries. as a prerequisite for the revolutionary events of 1917–1918.]. In: *Istoriya i sovremennost* [History and Modernity], 2012, no. 1 (15), pp. 180–191.
 5. Gromyko M. M., Baganov A. V. *O vozzreniyakh russkogo naroda* [On the Views of the Russian People]. Moscow, Palomnik Publ., 2000. 528 p.
 6. Zubanova S. G. *Sotsialnoe sluzhenie Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v XIX veke: dis. ... dokt. ist. nauk* [Social ministry of the Russian Orthodox Church in the 19th century: abstract of D. thesis in History]. Moscow, 2002. 408 p.
 7. Korotkova M. V. *Evolyutsiya povsednevnoy kultury moskovskogo dvoryanstva v XVIII – pervoy polovine XIX vv.: avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk.* [The evolution of the everyday culture of Moscow nobility in the 18th – first half of the 19th centuries: abstract of D. thesis in History]. Moscow, 2009. 44 p.
 8. Kotsyuba V. I. [«...To a greater and greater expansion of the horizons of philosophical thought»: spiritual and academic philosophy in post-Soviet historical and philosophical studies at the turn of the 20th–21st centuries]. In: *Almanakh Prostranstvo i Vremya: elektronnoe nauchnoe izdanie* [Amanac Space and Time: Electric Scientific Publication], 2018, vol. 16, no. 1–2, pp. 12.
 9. Maslova I. V. [Family traditions of the county merchants of the Vyatka province in the 19th – early 20th centuries]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya* [Bulletin of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology.], 2011, no. 1, pp. 121–126.
 10. Menshchikov I. S., Maksimov V. A. [Social deviations in a Russian peasant family in the second half of the 19th – early 20th centuries (based on materials from volost courts)]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kostroma State University], 2017, vol. 23, no. 2, pp. 35–38.
 11. Pishun S. V. [Religious and academic theism on reason, knowledge and faith in the context of the problem of ontologization of consciousness]. In: *Sotsialnye i gumanitarnye nauki na Dalnem Vostoke* [Social Sciences and Humanities in the Far East], 2019, vol. 16, no. 3, pp. 158–162.
 12. Ponomareva V. V., Khoroshilova L. B. [Russian press of the 1860's on the «women question», or how theory lagged behind practice]. In: *Istoriya otechestvennykh SMI* [History of Domestic Media], 2015, no. 1, pp. 120–132.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кожевникова Оксана Николаевна – старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России (Владивостокский филиал);
e-mail: ksanak1012@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Oxana N. Kozhevnikova – Senior Lecturer, Department of Special Disciplines, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Vladivostok Branch)
e-mail: ksanak1012@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кожевникова О. Н. Социокультурные и социоисторические детерминанты обращения представителей русского духовно-академического теизма конца XIX – начала XX веков к проблемам семьи и брака // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 3. С. 47–54.

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-47-54

FOR CITATION

Kozhevnikova O. N. Sociocultural and Sociohistorical Roots of Addressing the Issues of Family and Marriage by the Representatives of Russian Religious and Academic Theism at the End of the 19th – Early 20th Centuries. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2020, no. 3, pp. 47–54.

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-47-54

УДК 1(09)

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-55-62

THE SYNTHESIS OF MYSTICISM AND RATIONALISM AS A PARADOX OF RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY

Michio Mikoshiba¹, Y. Bondareva²

1Chiba University

1-33 Yayoi-cho, Inage-ku, Chiba-shi 263-8522, Japan

2Moscow Region State University

24, Very Voloshinoy ul., Mytischy, 141014, Moscow region, Russian Federation

Abstract.

Aim. To carry out a comparative analysis of the rationalistic, phenomenological and mystical methods of knowledge practiced by Russian religious philosophy in their synthesis.

Methodology. The study is based on the fundamental principles of historical and philosophical research: the principle of historicism, which makes it possible to obtain a truly scientific assessment of the phenomena under study only when they are analyzed in the context of a certain era and theoretical system; the principle of ideological and theoretical continuity, which makes it possible to consider the development of the methodological process within the framework of Russian religious philosophy as an integral phenomenon, a consistent, coordinated connection between different stages of the theoretical development of religious and philosophical thought; the principle of concreteness, which requires tracing the refraction of the methodological trends of different stages of Russian philosophy in the concepts of individual philosophers.

Results. Though Russian religious philosophers interpreted mystical experience as the experience of the transcendent, as a method of understanding the highest truth, they did not only oppose this method to rational thinking but combined and synthesized both into a paradoxical unity. Such authors as V. Solovyov, P. Florensky, S. Bulgakov and N. Lossky argued that rational and empirical knowledge, which forms the basis of science, is insufficient and, based on the idea of total unity (vseedinstvo), they proposed to obtain pure, undifferentiated and existentially reliable knowledge through religious experience.

Research implications. The study of the methodological layer of Russian religious thought can expand a conceptual framework for further development of religious and philosophical knowledge, and the conclusions drawn from the research can help in understanding the ways of modern science development.

Keywords: method, phenomenology, rationalism, mystical knowledge, faith, revelation, religious experience

СИНТЕЗ МИСТИЦИЗМА И РАЦИОНАЛИЗМА КАК ПАРАДОКС РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

Митио Микосиба¹, Бондарева Я. В.²

¹Университет г. Чива

1-33 Yayoi-cho, Inage-ku, Chiba-shi 263-8522, Государство Япония

²Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Осуществить сравнительный анализ рационалистического, феноменологического и мистического методов познания, практикуемых русской религиозной философией в их синтезе.

© CC BY Michio Mikoshiba, Y. Bondareva, 2020.

Процедура и методы. Работа выполнена с учётом базовых принципов историко-философского исследования: принципа историзма, позволяющего получить подлинно научную оценку изучаемых явлений только тогда, когда их анализируют в контексте определённой эпохи и теоретической системы; принципа идейно-теоретической преемственности, позволяющего рассматривать развитие методологического процесса в рамках отечественной религиозной философии как целостное явление, как последовательную, согласованную связь между разными этапами теоретического развития религиозно-философской мысли; принципа конкретности, требующего проследить преломление методологических тенденций разных этапов отечественной философии в концепциях отдельных философов.

Результаты. Несмотря на то, что русская религиозная философия трактовала мистический опыт как переживание трансцендентного, как метод познания высшей истины, всё же не противопоставляла его рациональному познанию, объединяя и синтезируя их в парадоксальное единство. Такие авторы как В. Соловьев, П. Флоренский, С. Булгаков и Н. Лосский доказывали, что рациональное и эмпирическое знание, составляющее основу науки, недостаточно и, основываясь на идее всеединства, предлагали добывать чистое, недифференцированное и экзистенциально достоверное *знание посредством религиозного опыта.*

Теоретическая и / или практическая значимость. Исследование глубинного, методологического пласта русской религиозной мысли расширяет теоретические возможности дальнейшего развития религиозно-философского знания, а выводы, сделанные в результате анализа синтеза рационалистического, феноменологического и мистического методов познания, возможно, помогут в осмыслении путей развития современной науки.

Ключевые слова: метод, феноменология, рационализм, мистическое познание, вера, откровение, религиозный опыт

Introduction

The phenomenological and existential methods of Russian philosophy turn out to be closely related to mystical experience recognized by religious thinkers as the basis of true knowledge. Mystical experience is defined in Russian philosophy as the experience of the transcendental, not reduced only to subjective feelings. Sacred awe, joy, revelation of unconditional truth are aimed here at something radically different from the mental life of the subject and from the entire empirical world [3]. The content of mystical experience lies in the gravitation of the human spirit to direct communication with the Divine, as the absolute basis of all that exist, and all mystics (regardless of the nature of religion) consider the overcoming of the "phenomenal" side of their being to be the direct path to this goal.

Features of Christian mysticism

Christian mysticism, characterized by the same tendency, differs from non-Christian one – firstly, by a close connection of mystical experience with Christian doctrine; secondly, by a

personalistic view of the Divine; thirdly, by the understanding of deification, i. e. the transformation of human nature as assimilation of one's personality to the divine hypostasis; fourthly, by imparting to catharsis the character not so much of a metaphysical detachment from material existence as of an ethical transformation of addiction to it; fifthly, by achievement of union with God not so much directly as through the mediation of Christ the Logos [1; 2; 12].

Russian religious philosophers noted another feature of mystical knowledge – it has not only an objective, but also universal character, for not only great mystics, but also ordinary people striving for absolute values experience it at least once in their life, at least to a small extent. Such an introduction to the Superworld principle is usually free from conclusions that logically prove the existence of God, since this being becomes self-evident [11, p. 262].

It should be noted that experimental-mystical knowledge as a method of cognizing God, nature, man and the meaning of history, is traditional for Russian philosophical and theological culture and reveals itself at its ear-

liest stages. Thus, Russian medieval philosophy is an internal, intuitive, mystical knowledge of existence, its hidden depths, expressed not in concepts and definitions, but only «in a symbol, in an image, through imagination and inner life mobility» [10, p. 71].

The tradition of experimental-mystical knowledge was particularly strengthened by the spread of hesychasm in Russia and turned into a special form of knowledge – «philosophy of the heart». «Visions» of Sergius of Radonezh, the first Russian mystic, theoretical development of hesychasm in the works of Nil Sorsky, Artemy Troitsky, Maxim the Greek, Paisiy Velichkovsky, the establishment of the direction called «heart theology» (Kirill Bogoslovsky-Platonov, Moses Antipov-Platonov, Macarius Glukharev, Theophan Govorov-Recluse) contributed to launching the method of cognition in which the tension of inner life created conditions necessary for comprehending the divine reality.

Mystical knowledge is understood not as an intellectual procedure, but as a leap into a different order, taking place in the heart, which does not at all oppose «heart» and intellectual knowledge, but unites them into a kind of integrity. This thought turned out to be close to Russian religious philosophy of late 19th – early 20th centuries: in the heart, a person comes into contact with something that is inaccessible to his sensory and intellectual knowledge, but this happens only if mind and heart are united. «Heart», as S. L. Frank writes, is not, as it is often accepted to think of, some separate instance, opposed to «reason»; it is precisely the core of an integral all-embracing inner being, one of the radiations of which can be «mind». Only the «pure» mind, detached from the core, is opposed by the «heart» as an all-unity. For «pure», i.e. the unnaturally self-enclosed mind, the reality of the Divine remains inaccessible. Since the "mind" draws its strength and its light from the potency of the «heart» and thus acquires the ability to transcend beyond itself – ... it can accompany the living grasp of the Divine, participate in it and thereby give it even greater clarity» [15, c. 460]. P. A. Florensky, quoting the Gospel of Matthew: «Blessed are pure in heart, for they

will see God» (Matthew 5; 8), was also convinced that the heart is an organ for perceiving the upper world, through which the «primordial root of personality» is contemplated – Sophia, and through her – God-Love.

Somewhat earlier, Vladimir Solovyov also argued the need for mystical knowledge as the basis of true philosophy, substantiating the insufficiency of rational and empirical knowledge. Thinking, in his opinion, should fill its content through faith and ideal contemplation, i.e. through mystical experience, for in order for our «natural» (empirical) knowledge and speculation to have a true, objective meaning, «they must be connected with that mystical knowledge that gives us not the external relations of the object, but the object itself in its internal communication with us» [13, c. 737]. However, Vladimir Solovyov did not consider mystical experience in isolation from empirical and rational methods, since taken by itself, it does not form a system of true or synthetic philosophy – what the philosopher calls integral knowledge. For the greatest completeness a mystical experience in the form of inner unconditional confidence should, on the one hand, be subjected to reflection of the mind, i. e. to get «justification of logical thinking», and on the other – to be confirmed by empirical facts [16].

True knowledge is thus achieved in the synthesis of three methodological directions of philosophy – mysticism, rationalism and empiricism. Nevertheless, proceeding from the main goal of human existence – the achievement of absolute eternal life where philosophy plays only the role of a tool – it is only in true religion, in mystical experience where Vladimir Solovyov saw the possibility of connecting a person with the Absolute through liberation from «appearance», concluding everything in itself and having nothing outside of itself.

In the philosophy of Solovyov, it is important to distinguish between mystical and religious experience, where the former means the disconnectedness of the interpretation of mystical experiences within confessional and theological order. Religious experience, on the contrary, presupposes the interpretation of experiences in line with the accepted dogmatic system, in this case – Orthodoxy. In

Russian religious philosophy, these two levels of experience often form an indissoluble unity differing in greater or lesser emphasis, as, for example, in the epistemological constructions of P. A. Florensky and S. N. Bulgakov.

Thus, P. A. Florensky shifts the emphasis to personal religious experience, trying to extract from it everything that is necessary for his philosophical and theological system. In the search for the whole eternal Truth, the philosopher, like V.S. Solovyov, raises the question of an adequate method and comes to the conclusion that the truth can only be approached on the path of rapprochement of «rational intuition» and contemplation of the unity of being with the heart, for «the being of truth is not derivable, but only shown in experience» [14, p. 144]. However, unlike V. S. Solovyov and philosophers-intuitionists, P. A. Florensky did not carry out a thorough analysis of the content of «personal religious experience», his judgments about it are vague and, by his own admission, represent only «sketches» of thoughts about experienced feelings.

The philosopher described these feelings as «insights, moments and points of spiritual fullness – lightning flashes of complete knowledge» [14, p. 131] in which, nevertheless, Solovyov's idea of Truth as a unity, a reliable beginning is clearly hidden behind a fragmented world sounds. To comprehend this unity, the reason alone turned out to be insufficient, since, decaying in antinomies, it dies in its rational being, but comes to life, freeing itself from intellectual barriers and fragmentation, acquiring the ability to contemplate the rootedness of the world in God» [14, p. 323]. The mystical experience as the pinnacle of religious experience was understood by P. A. Florensky, especially at an early stage of his work, antinomically, in sharp opposition to reason, subordinate to formal logic: either narrow «logicism» or pure mysticism, polarly opposite and even hostile to each other. Such harsh antinomianism ignores flexibility and multi-dimensionality of the mind, its ability to acquire a multitude of norms and forms, for which religion is not hostile, but a harmonizing and transforming force.

In substantiating mystical experience S. N. Bulgakov also proceeded from the antin-

omy of thinking in its «free search for truth», which can only be discovered in revelation and only then receive «philosophical processing». For a philosopher, mystical experience is nothing more than a «direct experience of Truth» [5, p. 103], in which the separation of the real and the ideal, subject and object, is overcome, and the experience acquires «subjective-objective» features. Going deeper into the analysis of this experience, S. N. Bulgakov emphasized its individual character, the givenness of the feeling of God «not in general», but specifically for a particular person. This individuality provides the diversity of mystical experience, which became the subject of a special study by W. James [6], and to which S. N. Bulgakov devoted many pages in *Non-Evening Light: Contemplation and Speculation*.

Analyzing the content of mystical experience, S. N. Bulgakov opposed to calling this procedure of knowing God a «method», since, in his opinion, it is the transcendence of the deity that makes Him infinitely distant and alien to the world, that cuts off the possibility of any methodological paths to Him: «there is and cannot be any «spiritual knowledge» based on a method for cognizing God... For before absolute distance, before infinity, every finite value and every path is destroyed» [4, p. 25]. *God is Miracle and Freedom*, all knowledge is a method, a necessity, the philosopher argued. Therefore, Father Sergiy called «condescension» of God to man, which, in fact, becomes the essence of mystical experience, a «free and miraculous act», which, however, does not exclude the need for efforts on the part of man seeking God.

Mystical experience as awareness of God and living connection with Him, according to the philosopher, becomes possible due to person's «religious giftedness», as well as the existence of a «religious body» that perceives the deity. S. N. Bulgakov saw the main function of this «organ» in the ability to pray, which he defined as the main form of religious achievement of unity with the deity. Proceeding, on the one hand, from the transcendence of God (God is outside us), and on the other – from his immanence to the world (God is in us), S. N. Bulgakov interpreted calling to God, nam-

ing of God, as an intersection of two worlds, as a transcendental condition of prayer.

According to S. N. Bulgakov, the fact of prayer as an unceasing aspiration to the transcendental deity of the immanent consciousness must be understood and appreciated in a philosophical sense. At the same time, the philosopher warned against mixing a prayer with its «theosophical surrogates», such as concentration, meditation, intuition, dealing «not with God, but with the world». And this essentially distinguishes Bulgakov's ideas about mystical experience from the ideas of philosophers-intuitionists who saw in mystical intuition not just a «method», but some kind of higher knowledge – «meta-knowledge».

So, from the religious-philosophical outlook of N. O. Lossky, it follows that the mystical experience can contain knowledge as a revelation, which puts ordinary sensory perception on the same level with clairvoyance. The basis of such equalization, like that of V. S. Solovyov, was the principle of total unity emanating from universal immanence: knowledge is achieved equally both by sensory perception and intellect, and by mystical, meditative insight. Consequently, any types of mystical experience, such as clairvoyance, become the same sources of information as natural science.

The emerging problem of the truth of knowledge could not but worry N. O. Lossky as a thinker who was dominated by rational-logical methods of testing knowledge, and forced him to treat trans-rational cognition with some caution. Mystical visions of exalted personalities (hallucinations, ghosts, etc.), their spontaneity cast doubt on the reliability of irrational mystical experience. The philosopher saw a way out in excluding the irrational component of experience and introducing a rational, ordering element into it: «The great mystical philosophers», according to N. O. Lossky, «on the contrary, have a heightened sensitivity to the rational aspect of being. They enter the realm of the super-rational not only on the basis of mystical intuition, but also because the strict sequence of rational thinking obliges them to ascend into a higher sphere» [11, p. 281].

The connection between rational and irrational knowledge

From the works of these mystics (N. O. Lossky had in mind Plotinus, Proclus, Anselm of Canterbury, Nikolai Kuzansky, Schelling, Hegel, V.S. Solovyov, P. A. Florensky, etc.) connecting the superrational with the rational, it obviously follows that the philosophical systems based on mystical experience are not a collection of incoherent vague things, but, on the contrary, these systems achieve the greatest degree of consistency in the knowledge of the world, since, according to N. O. Lossky, they eliminate incoherence and gaps of one-sided rationalism. In this judgment, the philosopher relied on Hegel, who equated mystical and speculative knowledge: «the mystical, it is true, is mysterious, but only for reason and, moreover, simply because the principle of reason is an abstract identity, and the mystical (as equivalent to speculative) is a concrete unity of those definitions that the mind considers true only in their separation and opposition... Thus, everything that is reasonable should be designated at the same time as mystical, which, however, only says that it goes beyond the limits of reason, and not at all that it should be generally regarded as inaccessible to thinking and incomprehensible» [11, p. 281].

Based on *Areopagitics*, in which the main stages of mystical cognition are formulated, N. O. Lossky philosophically substantiated the sequence of these stages from the position of intuitionism. The first stage (preparatory, purifying), consisting of moral and ascetic exercises curbing sensuality and vicious passions, was interpreted by the philosopher as a phenomenological reduction in its pure form, i.e. as the removal of the «natural attitude» of everyday reality; the second stage (enlightenment) – prayer and meditation, concentration of thought and imagination on the otherworldly God – was interpreted as getting rid of subjectivity, when the meditator refrains from any judgments about reality; the third stage (unity) – as a goal of the previous exercises consisting in experiencing unity with God and described by N. O. Lossky as transcendental-phenomenological reduction, purification of «self», depriving it of its «world»

character and striving for a «pure stream of consciousness», in which the collapsed information about existence is seen.

Thus, for N. O. Lossky, mystical knowledge or mystical intuition is a way of experiencing the divine, «meta-logical» being in its apophatic aspect, i.e. understatement, non-verbalization and «no modes», without any certainties and images. By this method, according to N. O. Lossky, pure, undifferentiated and existentially reliable knowledge is achieved.

The credibility or truthfulness of mystical knowledge was substantiated by N. O. Lossky by entering the consciousness of the mystical personality of meta-logical being itself either in a phenomenal image (sensory visions), or «from within», in the imagination (imaginative visions), or without sensory images and is unimaginable (intellectual contemplation)... N. O. Lossky argued that intellectual contemplation as the highest stage of mystical experience can be interpreted as direct influence of meta-logical being on a person, prompting him to focus on the most transcendental, while keeping in mind his insensible essence or the insensible content of truth communicated from this sphere. In this influence of transcendental being, the philosopher saw the manifestation of symbolic realism, for many visions and contemplations contain the expression of such truths and sides of this being that cannot be given in an image otherwise than symbolically, through mediating sensory or imaginative effects. N. O. Lossky doubted their subjective origin, but assessed them as real symbols, symbolic phenomena of meta-logical being, as individual acts of human communication with the transcendental, «objectified in somatic imaginations». In this case, it becomes a part of the natural world as a visible image of the divine world, giving a mystical personality, on the one hand, «consolation, reinforcement, instruction», and on the other, through the same person, – «revelation to the whole world (for example, through the biblical prophets)» [11, p. 279].

However, from the point of view of N. O. Lossky, mystical intuition as a method successfully realizes itself in the knowledge of not only the divine, but also the human prin-

ciple: the human «self», interpreted by the philosopher, on the one hand, as a meta-logical principle, becomes the subject of mystical knowledge. And on the other hand, as possessing the fullness of total-unity. The epistemological task, in this case, is reduced by N. O. Lossky to penetration into the substantial content of the «self», the discovery of its super-quality creative potential, and is solved by abandoning phenomenal being and joining the divine principle. As a result of such involvement, the «integrity of the spirit», which is lost in everyday empirical life, is restored. As a result, mystical intuition discovers not only the aspects of the «self» that are expressed in concepts and accessible to intellectual intuition (supra-temporality, supra-dimensionality, ability to possess qualities), but also leads to the disclosure of such abilities that make him capable of freedom and creativity [9].

Here mystical knowledge approaches the apophatic aspect of being which is inexpressible in concepts and can only be designated by a proper name given in the symbolic form of myth. The knowledge thus obtained has a «curtailed» character, being a «cast» of reality, not subjected to verbal description. However, the need to identify the essence that forces the subject to clothe his mystical experience in the shell of a specific cultural tradition, refracting this experience in symbolism of myth, presenting knowledge in a wonderful image, an irrational plot of being. In this, according to N. O. Lossky, lies relativity of mystical knowledge.

Conclusion

Proceeding from insufficiency of the traditional epistemological tools presented in philosophy and conceptual theology, Russian thinkers turned to a mystical tradition with its apophatic knowledge («scientific ignorance») which brought them significantly closer to the patristic understanding of Orthodox energetism. It is in the teachings that substantiate the apophatic principle of cognition, which together with kataphatic cognition forms the principle of symbolic realism, that elements of energetic methodology are most clearly

manifested in Russian philosophy, and it is in the field of apophatic and symbolic-realistic cognition that Russian thinkers came closest to solving their main problem – construction of philosophical knowledge based on Orthodox experience [7; 8].

The solution of this problem required specific methods. Therefore, phenomenological, existential and experimental-mystical methods came to the fore in Russian religious and philosophical thought, through which, one way or another,

penetration into the «unknown beyond», lead to direct awareness of the unity of transcendental and immanent being. And if the phenomenological method to a greater extent met the needs of the philosophy of total-unity, then the experimental-mystical knowledge brought Russian philosophy into the sphere of Orthodox energetism, which, however, did not prevent Russian thinkers from synthesizing these methods.

Статья поступила в редакцию 14.04.2020.

REFERENCES

1. Alekhina E. V. *Kontsepsiya smysla zhizni v russkoy religioznoy filosofii kontsa XIX – pervoy poloviny XX veka* [The Concept of the Meaning of Life in Russian Religious Philosophy of the late 19th – first half of the 20th century.]. Moscow, MRSU Ed. Office Publ., 2011. 280 p.
2. Alekhina E. V. *Aktualnye problemy filosofii: priroda cheloveka i smysl ego sushchestvovaniya. Chelovek v sisteme filosofskogo znaniya* [Topical Problems of Philosophy: Human Nature and the Meaning of its Existence. The Man in the System of Philosophical Knowledge]. Moscow, MRSU Ed. Office Publ., 2018. 436 p.
3. Arkhangel'skaya N. O. [A. I. Herzen on early Christianity]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2018, no. 4, pp. 38–48.
4. Bulgakov S. N. *Svet nevezchernii: Sozertsaniya i umozreniya* [Unfading Light: Contemplation and Speculation.]. Moscow, Respublika Publ., 1994. 414 p.
5. Bulgakov S. N. *Filosofiya khozyaistva* [Philosophy of Economy]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 416 p.
6. Dzhems V. *Mnogoobrazie religioznogo opyta* [Variety of Religious Experience]. Moscow, Journal Russkaya Mysl' Publ., 1910. 960 p.
7. Burenkov S. V. [On the issue of the types of human activity]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2014, no. 3, pp. 11–27.
8. Burenkov S. V. [Labor, rationality, games]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2017, no. 1, pp. 15–27.
9. Zagrebin M. V. [The mind as a kind of mental activity]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2017, no. 1, pp. 6–14.
10. Losev A. F. [Russian Philosophy]. In: Vvedensky A. I., Losev A. F., Radlov E. L., Shpet G. G. *Ocherki istorii russkoi filosofii* [Essays on the History of Russian Philosophy]. Sverdlovsk, 1991. 592 p.
11. Lossky N. O. *Chuvstvennaya, intellektualnaya i misticheskaya intuitsiya* [Sensual, Intellectual and Mystical Intuition]. Moscow, Respublika Publ., 1995. 400 p.
12. Rakityansky N. M., Kolesnichenko Yu. V. [The potential of the Russian philosophical and psychological school and the methodology for portraying the personality of a politician]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow University. Series 12: Political Sciences], 2014, no. 6, pp. 7–30.
13. Solovyov V. S. *Kritika otvlechennykh nachal. T. 1* [Criticism of Abstract Principles. Works. Vol. 1]. Moscow, Mysl' Publ., 1990. 896 p.
14. Florensky P. A. *Stolp i utverzhdenie istiny. V 2-kh tt. T. 1* [Pillar and Statement of Truth. In 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Pravda Publ., 1990. 492 p.
15. Frank S. L. [Incomprehensible]. In: Frank S. L. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Pravda Publ., 1990. 560 p.
16. Michio Mikoshiha. Vladimir Sorovuyofu – seer-poet-philosopher. Publisher: Toi'kyo!': Iwanamishoten, ISBN: 4000222155 Language: Japanese. 2011, 336 p.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алёхина Е. В. Концепция смысла жизни в русской религиозной философии конца XIX – первой половины XX века. М.: ИИУ МГОУ, 2011. 280 с.
2. Алёхина Е. В. Актуальные проблемы философии: природа человека и смысл его существования. Человек в системе философского знания. М.: ИИУ МГОУ, 2018. 436 с.
3. Архангельская Н. О. А. И. Герцен о первоначальном христианстве // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 4. С. 38–48.
4. Булгаков С. Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. 414 с.
5. Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М.: Наука, 1990. 416 с.
6. Джемс В. Многообразие религиозного опыта / под ред. С. В. Лурье. М.: Издание журнала «Русская Мысль», 1910. 960 с.
7. Буренков С. В. К вопросу о видах человеческой деятельности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2014. № 3. С. 11–27.
8. Буренков С. В. Труд, рациональность, игры // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 1. С. 15–27.
9. Загребин М. В. Рассудок как вид умственной деятельности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 1. С. 6–14.
10. Лосев А. Ф. Русская философия // Очерки истории русской философии / А. И. Введенский, А. Ф. Лосев, Э. Л. Радлов, Г. Г. Шпет. Свердловск, 1991. 592 с.
11. Лосский Н. О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М.: Республика, 1995. 400 с.
12. Ракитянский Н. М., Колесниченко Ю. В. Потенциал русской философско-психологической школы и методология портретирования личности политика // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2014. № 6. С. 7–30.
13. Соловьев В. С. Критика отвлеченных начал :сочинения в 2-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. 896 с.
14. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины : в 2-х тт. Т. 1. М.: Правда, 1990. 492 с.
15. Франк С. Л. Непостижимое // Франк С. Л. Сочинения. М.: Правда, 1990. 560 с.
16. Michio Mikoshiba. Vladimir Sorovuiyofu – seer-poet-philosopher. Publisher: ToI”kyoI” : Iwanamishoten, 2011. 336 с.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Michio Mikoshiba – PhD (Philosophy), Prof., Emeritus of Chiba University.

Yana V. Bondareva – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Head of the Department of Philosophy, Moscow Region State University;
e-mail: bondareva.iana@yandex.ru

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Митио Микосиба – доктор философских наук, почётный профессор Университета Чика (Япония).

Бондарева Яна Васильевна – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Московского государственного областного университета;
e-mail: bondareva.iana@yandex.ru

FOR CITATION

Mikoshiba M., Bondareva Ya. V. The Synthesis of Mysticism and Rationalism as a Paradox of Russian Religious Philosophy. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2020, no. 3, pp. 55–62.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-55-62

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Митио Микосиба, Бондарева Я. В. Синтез мистицизма и рационализма как парадокс русской религиозной философии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 3. С. 55–62.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-55-62

РАЗДЕЛ IV. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 327(075)

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-63-69

ЦИФРОВАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Гурьянов Н. Ю.¹, Гурьянова А. В.²

¹*Самарский государственный технический университет*

443100, г. Самара, ул. Молодогвардейская, д. 244, Российская Федерация

Самарский государственный экономический университет

443090, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Анализ феномена цифровой глобализации как новой фазы в развитии глобального мира, обусловленной эволюцией цифровых технологий и становлением цифровой экономики.

Процедура и методы. В статье выделяются и анализируются предпосылки и основные аспекты становления цифровой глобализации, в т. ч. достижения четвёртой промышленной революции, технологии искусственного интеллекта, глобальные потоки данных и информации, цифровые платформы и электронная коммерция. В работе использованы диалектический, прогностический и компаративный методы, позволившие сформировать разностороннее представление о современной глобализации, её проблемах и перспективах.

Результаты. Глобализация в XXI в. приобретает цифровой характер посредством ускорения и увеличения потоков данных и информации. Цифровая глобализация влечёт за собой закономерные изменения в структуре ведения бизнеса, контингенте его участников, трансграничном расширении экономических отношений и коммуникаций.

Теоретическая и / или практическая значимость. Обоснована гипотеза о свойственном современности изменении характера глобализации. В то время как финансовые потоки и традиционная торговля товарами на глобальном уровне сокращаются из-за охватившей весь мир пандемии COVID-19, глобальные экономические связи цифрового формата, напротив, существенно расширяются.

Ключевые слова: глобализация, цифровизация, цифровая экономика, искусственный интеллект, потоки данных, информация, электронная коммерция

DIGITAL GLOBALIZATION IN THE CONTEXT OF DIGITAL ECONOMY AND DIGITAL TECHNOLOGIES DEVELOPMENT

N. Guryanov¹, A. Guryanova²

¹*Samara State Technical University*

244, Molodogvardeyskaya str., Samara, 443100, Russian Federation

²*Samara State University of Economics*

141, Sovetskoi Armii str., Samara, 443090, Russian Federation

Abstract.

Aim. Analysis of the phenomenon of digital globalization as a new phase in the development of the global world determined by the evolution of digital technologies and the emergence of digital economy.

© CC BY Гурьянов Н. Ю., Гурьянова А. В., 2020.

Methodology. The article accentuates and analyzes prerequisites and main aspects of digital globalization, including the achievements of the fourth industrial revolution, artificial intelligence technologies, global data and information flows, digital platforms and e-commerce. The following research methods were used: dialectical, prognostic and comparative, which allowed to form a full view of modern globalization, its problems and prospects.

Results. Globalization in the 21st century has got a digital character by increasing data flows. Digital globalization entails changes in the structure of business making, the status of its participants, and the trans-border expansion of economic relations and communications.

Research implications. The article contains a hypothesis about the changing character of present globalization. While financial flows and traditional trade in goods at a global level are reducing due to COVID-19 pandemic, global economic ties in the digital format are significantly expanding.

Keywords: globalization, digitalization, digital economy, artificial intelligence, data flows, information, e-commerce

Введение

Понятие «глобализации» традиционно используется для описания возрастающей взаимозависимости мировых экономик и культур, планетарной коммуникации народонаселения, а также трансграничного обмена товарами и услугами, технологиями и потоками инвестиций, человеческими ресурсами и информацией. В течение нескольких последних столетий ведущие державы мира последовательно нарабатывали модели и схемы внешне-экономического партнёрства, облегчающие подобного рода коммуникации и взаимодействия. Однако особую популярность термин «глобализация» приобрёл в конце XX столетия, когда активно практикуемые кооперативные соглашения сформировали основы нашей современной жизнедеятельности и мировоззрения. Именно в это время мир стал поистине глобальным целым [8].

В современной действительности ни одна страна не в состоянии полностью самоизолироваться от реалий мировой экономики. Все государства вовлечены в единую глобальную экономическую среду. Однако чем ближе к нашей современности, тем больше меняется характер самой глобализации. В то время как финансовые потоки и традиционная торговля товарами на мировом уровне резко сокращаются из-за всеобщего кризиса и охватившей весь мир пандемии COVID-19, глобальные экономические связи циф-

рового формата, напротив, существенно возрастают.

Четвёртая промышленная революция

В настоящее время мировая промышленность претерпевает изменения поистине революционного масштаба. Учитывая их многогранность, сложность и динамику, К. Шваб охарактеризовал их как «четвёртую промышленную революцию» [4, с. 1], кардинальным образом отличающуюся от всех предшествующих «революционных» переворотов, имевших место в мировой истории. Сегодня мы можем воочию наблюдать впечатляющие инновации и мощные технологические прорывы в самых разных сферах науки, техники, производства. Это достижения в области интернета вещей, виртуальной среды, роботизации и самых разных технологических направлений, например, когнитивных, облачных, био- и нанотехнологий [7, p. 1042]. Конечно, в ходе трёх предшествующих промышленных революций также возникали новые технологические решения. Но четвёртая принципиально отличается от них, во-первых, скоростью разработки и внедрения инновационных технологий, а во-вторых, планетарным, глобальным характером их распространения.

Четвёртая промышленная революция также связана с утверждением Индустрии 4.0, вызывающей смену парадигм – переход от централизованного к децентрализованному производству, которое, к тому

же, является ещё и максимально интеллектуализированным. Эта новая революция позволяет улучшить, удешевить и ускорить производственный процесс, что, в свою очередь, трансформирует модели межличностной коммуникации, общения, взаимодействия [3, с. 22]. Так, роботизация, по всей видимости, приведёт к трансформации как мест производства, так и потоков прямых иностранных инвестиций. Кроме того, разрастающиеся цифровые потоки способствуют передаче и распространению информации и инноваций по всей планете, расширяя тем самым возможности вовлечения всех желающих в глобальный экономический процесс.

Технологии искусственного интеллекта

Немаловажную роль в эпоху цифровизации играют технологии искусственного интеллекта [2, с. 127]. Их наиболее интенсивное развитие происходит по пяти преимущественным направлениям, к которым могут быть отнесены технологии компьютерного зрения и естественного языка, роботизированная автоматизация процессов, разработка различных виртуальных помощников и расширение машинного обучения. Согласно прогнозам McKinsey Global Institute (MGI), при условии среднемирового уровня внедрения технологий искусственного интеллекта к 2030 г. они будут способны обеспечить прирост дополнительной глобальной экономической активности примерно на 13 трлн долл. Это примерно на 16% выше совокупного ВВП (валового внутреннего продукта) по сравнению с экономической ситуацией нашей современности¹.

Такая высокая степень внедрения искусственного интеллекта связана, в первую очередь, с возможностями его продуктивного воздействия на производительность

компаний, а также с рядом других внешних факторов, непосредственно влияющих на экономическую среду. При прогнозируемом развитии событий использование искусственного интеллекта составит около 1,2% дополнительного роста ВВП в год². Такое воздействие может быть сопоставимо с другими масштабными технологиями мирового уровня и признания, периодически возникавшими в ходе истории человечества. Кроме того, искусственный интеллект обладает колоссальным потенциалом развития. В целом, цифровые технологии меняют способы ведения бизнеса, выводят его на трансграничный уровень, расширяют возможности участия в нём.

Потоки данных и информация

В процессе цифровизации экономики происходит резкий рост глобальных потоков данных, в частности, возникают так называемые «трансграничные потоки». Объём данных также возрастает экспоненциально: с 2005 г. его трансграничная пропускная способность увеличилась примерно в 45 раз [6]. Таким образом, цифровизация оказывает глубокое воздействие на глобальную торговлю и инвестиции, преобразует экономические отрасли и сектора по всему миру. Кроме того, цифровизация улучшает качество жизни граждан во многих областях: способствует активизации их участия в общественной жизни, обеспечивает доступ к информационным ресурсам, внедряет новые технологии в сферах здравоохранения и образования.

Данные и информация – это основополагающие ресурсы современной цивилизации, которые часто сравнивают с «новой нефтью» XXI столетия. Чем больше накапливается информации, тем более качественными и продуктивными могут стать принимаемые на её основе решения, а применяемые для её обработки технологии машинного обучения всё более совершенствуются. Это, в свою очередь, создаёт дополнительные возможности для коммер-

¹ Notes from the AI Frontier: Modeling the Impact of AI on the World Economy // McKinsey & Company: [сайт]. URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/artificial-intelligence/notes-from-the-ai-frontier-modeling-the-impact-of-ai-on-the-world-economy#> (дата обращения: 06.07.2020).

² Там же.

циализации и монетизации сферы данных. Наблюдаемые в современном мире приток и отток данных, идей, технологий, талантов также влияют на инвестиционные решения. За последнее десятилетие потоки данных на глобальном уровне внесли значительный вклад в увеличение мирового ВВП. В настоящее время глобализация данных имеет большее влияние на экономический рост, чем стандартная торговля товарами.

Глобальные потоки данных включают в себя феномены самого разного порядка, в т. ч. непосредственно саму информацию, средства поиска и коммуникации, связанные с её получением, обработкой и хранением, различные транзакционные и видео-ресурсы, внутрифирменный трафик и мн. др. Любая разновидность современных трансграничных потоков поддерживается и обеспечивается за счёт подобного рода технологических ресурсов. Кроме того, мировое внедрение цифровых технологий кардинальным образом меняет методы работы организаций. Посредством сбора и обмена информацией, торговли информационными ресурсами они успешно повышают свою оперативную эффективность, сокращают маркетинговые расходы.

Цифровая экономика и цифровая глобализация

Цифровая экономика оказывает значительное влияние на все структуры инвестиций, в т. ч. на иностранные¹. Она открывает новые возможности, но наряду с этим провоцирует и серьёзные политические проблемы, связанные, например, с необходимостью преодоления цифрового разрыва [1, с. 310]. В любом случае, цифровая экономика способствует становлению цифровой глобализации. По общему признанию, рейтинг современных цифровых трансформаций возглавляют такие страны, как Сингапур, Нидерланды,

США, Германия, Великобритания, Китай, Ирландия, Саудовская Аравия и Объединённые Арабские Эмираты.

Одним из ведущих мировых инвесторов в цифровые технологии по праву считается современный Китай. Он имеет одну из самых развитых цифровых инвестиционных стартап-систем в мире. В целом, наиболее взаимосвязанными на глобальном уровне оказываются страны с развитой экономикой. Однако потоки данных приносят значительные экономические выгоды и тем странам, которые расположены на периферии цифровизации. Тем более что ускорение и увеличение потоков данных и информации наблюдаются практически повсеместно. В результате глобализация в XXI в. приобретает поистине цифровой характер.

Цифровая глобализация – это новая фаза в развитии глобального мира, влекущая за собой соответствующие изменения в структуре ведения бизнеса, в контингенте его участников, в расширении экономических возможностей, в т. ч. трансграничных отношений и коммуникаций. Трансформации и инновации в области цифровизации стимулируются ожиданиями потребителей и инвесторов, а также перспективами получения всё больших экономических и социальных выгод. Преимуществами цифровой глобализации пользуются не только крупные корпорации, но и предприятия малого бизнеса.

Цифровые платформы и электронная коммерция

В ходе цифровизации немаловажную роль играют так называемые микро-транснациональные корпорации [6]. Для связи с клиентами и поставщиками из других стран они используют потенциал ведущих цифровых платформ – Alibaba или Amazon. Причём применение цифровых платформ всё более активно практикуется представителями именно малых стартапов, довольно быстро получающих благодаря этому уникальную возможность

¹ World Investment Report 2017. Investment and the Digital Economy. [Электронный ресурс, 2017]. https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2017_en.pdf (дата обращения: 06.07.2020).

выхода на глобальный уровень коммуникаций. Согласно данным MGB (McKinsey Global Institute), более 85% современных технологических стартапов заявляют о своей принадлежности к каким-либо сферам трансграничной активности¹.

Использование цифровых платформ кардинальным образом меняет способы ведения бизнеса и саму экономику, способствуя обретению ею трансграничной направленности [5, р. 658]. Достижения цифровизации существенно снижают стоимость международных транзакционных и коммуникативных проектов, способствуют обретению рыночной системой «прозрачности», повышают её эффективность, активизируют формирование всё новых глобальных пользовательских сообществ. В результате этого сфера бизнеса расширяет свою потенциальную клиентскую базу, использует эффективные методы для дальнейшего привлечения заинтересованных лиц. В современном обществе глобальные цифровые платформы успешно используются для обучения, поиска работы, создания личных сетей и демонстрации талантов. На сегодняшний день международные связи в социальных сетях насчитывают уже более 3 млрд участников. Таким образом, цифровые платформы выступают инструментальным основанием новой эпохи глобализации.

Ещё одним важным аспектом цифровой экономики и цифровой глобализации является электронная коммерция. В реалиях нашей современности большая часть розничного рынка перемещается в сеть. Примером может служить сетевое функционирование всемирно известной компании Alibaba, на которую приходится около 80% всех розничных онлайн-продаж в современном Китае [6]. Электронная коммерция – быстрая, динамично развивающаяся форма торговых отношений. Она революционизирует стратегии продаж, кардинальным образом меняет модели потребительского поведения.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что цифровая глобализация – это принципиально новая стадия в эволюции глобального мира, становление которой обусловлено развитием цифровых технологий, с одной стороны, и цифровой экономики – с другой. Технологической предпосылкой цифровой глобализации можно считать достижения четвёртой промышленной революции – роботизацию и интернет вещей, облачные и когнитивные технологии, виртуальную и дополненную реальности, нано- и биотехнологии и др. Цифровая глобализация неразрывно связана с инновациями в области экономики. Цифровая экономика предполагает изменения в самой структуре ведения бизнеса, в контингенте его участников, в расширении экономических возможностей, в т. ч. налаживании трансграничных отношений и коммуникаций. В то время как финансовые потоки и традиционная торговля товарами на глобальном уровне сокращаются из-за охватившей весь мир пандемии COVID-19, глобальные экономические связи цифрового формата, напротив, существенно расширяются. Этому во многом способствуют внедрение технологии искусственного интеллекта, привлечение глобальных потоков данных и информации, использование цифровых платформ и развитие цифровой коммерции.

Статья поступила в редакцию 17.08.2020.

¹ Notes from the AI Frontier: Modeling the Impact of AI on the World Economy // McKinsey & Company: [сайт]. URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/artificial-intelligence/notes-from-the-ai-frontier-modeling-the-impact-of-ai-on-the-world-economy#> (дата обращения: 06.07.2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. Гурьянова А. В. Проблема социального неравенства в эпоху цифровизации // Российская наука: актуальные исследования и разработки: сб. науч. статей. Ч. 1. Самара, 2019. С. 309–312.
2. Тимофеев А. В. Сущность и проблемы искусственного интеллекта в контексте современных научных и философских представлений // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки, 2020. № 2. С. 127–133.
3. Тимофеев А. В. Трансформация системы ценностей в эпоху цифровизации // Научное мнение. 2019. № 9. С. 22–25.
4. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 138 с.
5. Guryanova A. V., Timofeev A. V., Tikhonov V. A. Social problems and achievements of the digital economy development // European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. 2019. Vol. 89. P. 655–661.
6. Schilirò D. Digital globalization [Электронный ресурс]. URL: https://www.aimcongress.com/Contents/archives/SchiliròD_Digital-Globalization_11Dec2018.pdf?ext=.pdf (дата обращения: 06.07.2020).
7. Technological Prerequisites and Humanitarian Consequences of Ubiquitous Computing and Networking / A. Guryanova, E. Khafiyatullina, M. Petinova, V. Frolov, A. Makhovikov // Lecture Notes in Networks and Systems. 2020. Vol. 87. P. 1040–1047.
8. The problem of society consolidation in the era of globalization: methodological and axiological aspects / V. P. Berkut, Yu. V. Bondareva, T. A. Kostyukova, V. P. Maikova, E. M. Molchan, V. A. Pesotsky // Modern Journal of Language Teaching Methods. 2018. Vol. 8. № 5. P. 263–281.

REFERENCES

1. Guryanova A. V. [The problem of social inequality in the era of digitalization]. In: *Rossiiskaya nauka: aktual'nye issledovaniya i razrabotki. Chast 1* [Russian science: current research and development: a collection of research papers. Part 1]. Samara, 2019, pp. 309–312.
2. Timofeev A. V. [The essence and problems of artificial intelligence in the context of modern scientific and philosophical concepts]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2020, no. 2, pp. 127–133.
3. Timofeev A. V. [Transformation of the system of values in the era of digitization]. In: *Nauchnoe mnenie* [The Scientific Opinion], 2019, no. 9, pp. 22–25.
4. Shvab K. *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The Fourth Industrial Revolution]. Moscow, Eksmo Publ., 2016. 138 p.
5. Guryanova A. V., Timofeev A. V., Tikhonov V. A. Social problems and achievements of digital economy development. In: *European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS*, 2019, vol. 89, pp. 655–661.
6. Schilirò D. Digital globalization. Available at: URL: https://www.aimcongress.com/Contents/archives/SchiliròD_Digital-Globalization_11Dec2018.pdf?ext=.pdf (accessed: 06.07.2020).
7. Guryanova A., Khafiyatullina E., Petinova M., Frolov V., Makhovikov A. Technological Prerequisites and Humanitarian Consequences of Ubiquitous Computing and Networking. In: *Lecture Notes in Networks and Systems*, 2020, vol. 87, pp. 1040–1047.
8. Berkut V. P., Bondareva Yu. V., Kostyukova T. A., Maikova V. P., Molchan E. M., Pesotsky V. A. The problem of society consolidation in the era of globalization: methodological and axiological aspects. In: *Modern Journal of Language Teaching Methods*, 2018, vol. 8, no. 5, pp. 263–281.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гурьянов Николай Юрьевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Самарского государственного технического университета;
e-mail: nik.guryanov@yandex.ru

Гурьянова Анна Викторовна – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории права и философии Самарского государственного экономического университета;
e-mail: annaguryanov@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nikolay Y. Guryanov – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of Philosophy, Samara State Technical University;
e-mail: nik.guryanow@yandex.ru

Anna V. Guryanova – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Head of the Department of the Theory of Law and Philosophy, Samara State University of Economics;
e-mail: annaguryanov@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гурьянов Н. Ю., Гурьянова А. В. Цифровая глобализация в контексте развития цифровой экономики и цифровых технологий // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 3. С. 63–69.
DOI: [10.18384/2310-7227-2020-3-63-69](https://doi.org/10.18384/2310-7227-2020-3-63-69)

FOR CITATION

Guryanov N. Y., Guryanova A. V. Digital Globalization in the Context of Digital Economy and Digital Technologies Development. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2020, no. 3, pp. 63–69.
DOI: [10.18384/2310-7227-2020-3-63-69](https://doi.org/10.18384/2310-7227-2020-3-63-69)

УДК 87

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-70-76

О ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ ФИЛОСОФИИ И ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Гурьянова А. В.¹, Тимофеев А. В.²

¹ Самарский государственный экономический университет
443090, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141, Российская Федерация

² Самарский государственный технический университет
443100, г. Самара, ул. Молодогвардейская, д. 244, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Определить место и роль философии в эпоху цифровизации, опровергнуть мнение о неостребованности философского и гуманитарного знания в целом в современном обществе, направленном на формирование высокопрофессиональных, но узкопрофильных специалистов.

Процедура и методы. Анализируются проблемы цифровизации в контексте философской рефлексии, раскрывается социогуманитарная стратегия цифровизации, акцентируются девиации развития научного знания и системы образования в цифровую эпоху.

Результаты. В исследовании подвергаются критике типичная для современности установка на формирование «одномерного человека», а также релятивизм, лишаящий человека определённости мирозидения. Делается вывод, что противостоять релятивизму в эпоху цифровизации способна именно философия.

Теоретическая и / или практическая значимость. Обоснован тезис, что гуманитарное образование, практически невостребованное в современном цифровом обществе, должно вновь занять в нём своё достойное место. Значимость философии обусловлена свойственными ей способностями генерирования новых идей, осуществления критической рефлексии, умением дать трезвую оценку происходящему.

Ключевые слова: философия, гуманитарные науки, цифровизация, цифровое общество, система образования, релятивизм

ON THE MISSION OF PHILOSOPHY AND HUMANITIES IN DIGITAL AGE

A. Guryanova¹, A. Timofeev²

¹ Samara State University of Economics
141 Sovetskoi Armii str., Samara, 443090, Russian Federation

² Samara State Technical University
244, Molodogvardeyskaya str., Samara, 443100, Russian Federation

Abstract.

Aim. The article aims at determining the place and role of philosophy in digital age, refuting the opinion of the lack of demand for philosophical and, more broadly, humanitarian knowledge in modern society striving to train highly professional, but narrow-profile specialists.

Methodology. The article consistently analyzes the problems of digitalization in the context of philosophical reflection, reveals the socio-humanitarian strategy of digitalization, and focuses on deviations in the development of scientific knowledge and education system in Digital Age.

Results. The article criticizes a widely-spread educational approach of making «one-dimensional man», as well as relativism that deprives a human of worldview certainty. It is concluded that philosophy is able to resist relativism in Digital Age.

© CC BY Гурьянова А. В., Тимофеев А. В., 2020.

Research implications. The article substantiates that humanitarian education, practically unclaimed in modern digital society, should retake its position. The significance of philosophy is due to its inherent ability to generate new ideas, implement critical reflection, and give a common sense assessment of every current event.

Keywords: philosophy, humanities, digitalization, digital society, education system, relativism

Введение

Общеизвестно, что значимость философии, как, впрочем, и всего корпуса социально-гуманитарного знания, неизменно возрастает в критические, проблемные и переломные исторические моменты. Это связано с уникальной способностью гуманитаристики схватывать и разъяснять глубинные смыслы всего происходящего, выявлять предпосылки и основания экзистенциально значимых событий и явлений, улавливать саму сущность бытия человека в мире. Поэтому на современном этапе исторической эволюции человечества совершенно очевидным является то, что эпоха цифровизации не может обойтись без философской и гуманитарной составляющих, несмотря на неоднократные провокационные заявления на этот счёт.

Цифровизация привнесла в жизнь современного общества целый ряд впечатляющих инноваций, нашедших воплощение в комплексе научных, технических, технологических и производственных достижений. Однако цифровое общество нуждается не только в них, но и в сопровождающей данные тенденции философской и вообще гуманитарной рефлексии происходящего. Без неё общество тяготеет к технократии, впадает в чрезмерный сциентизм и релятивизм, предавая забвению мировоззренческую и гуманистическую подоплеку всего сущего. В этой связи в современной гуманитаристике на первый план выдвигаются проблемы осознания предпосылок и сущности цифровизации, а также неизменно сопровождающих её триумфальное шествие глобальных кризисных тенденций. Не менее актуальными выступают также выявление гуманистического смысла и содержания экзистенции человека в технизированном мире, осознание гуманитарных критериев социокультурного бытия со всеми развёртывающимися на его фоне технологическими нововведениями [12].

Проблемы цифровизации в контексте философской рефлексии

Парадоксальность сложившейся в современном мире экзистенциальной ситуации заключается в том, что, несмотря на всю достигнутую научную и технологическую мощь, цифровая эпоха, в силу своей инновационности, ещё не была подвергнута должной философской рефлексии. Это одна из главных мировоззренческих проблем, препятствующих формированию общего представления о сущности цифрового общества, стратегии и философии цифровизации. Общеизвестно, что «эволюция черпает силы в знаниях. Сначала знания, потом поступки» [1, с. 10]. В случае же с цифровизацией сценарий развёртывания событий выглядит прямо противоположным образом: скорость освоения современной цивилизацией инновационных цифровых технологий намного превышает темпы разработки научных и мировоззренческих представлений о сущности, специфике и возможных последствиях их реализации в социуме [11, р. 246].

При первом приближении может сложиться впечатление, что большинство сопровождающих цифровизацию проблем связаны только и исключительно с аспектами функционирования соответствующих ей информационных и компьютерных технологий, различных методик и моделей математической направленности. В действительности же, цифровизация – это феномен не только технологического, но и экономического, и политического, а также гуманитарного и социокультурного порядка. Такая предельно широкая трактовка феномена цифровизации ориентирована на комплексное осмысление её стратегических задач, сопровождающих её развитие в настоящем и стоящих перед ней в будущем.

Социогуманитарная стратегия цифровизации

Естественно, для того чтобы грамотно выстроить эту новую стратегию развития, требуется, как минимум, осмысленное понимание того, куда именно мы движемся. А это вызывает определённые трудности в силу необычайной быстроты и нарастающей динамики происходящих в обществе изменений. Ведь «что большинство мыслителей и философов не могло предвидеть, так это масштаб и мощь информационной волны, захлестнувшей весь мир. Вызванные фундаментальными сдвигами технологических укладов, эти волны поглотили всех...» [8, с. 91]. В этой связи главным вопросом современной технологической революции становится вопрос именно философской направленности, связанный с пониманием места и роли человека, его позиционированием в системе естественно-природного, социально-гуманитарного, экономического, политического и прочих срезов бытия.

Разработка подобной стратегической парадигмы социального развития требует осознания базовых философских и методологических оснований функционирования современного цифрового общества. К философии в нём должно быть сформировано совершенно особенное, бережное отношение, что обусловлено спецификой настоящего времени как переходного и решающего, задающего качественно новый вектор для всей будущей эволюции человечества. «Современному миру для решения его сложнейших проблем нужны наука и техника, но не в меньшей мере он нуждается в философии для решения “вечных вопросов”» [4, с. 90].

Задачи современной философии – способствовать прояснению спорных вопросов о статусе человека в меняющемся мире, о сохранении его подлинно «человеческой» сущности, поставленной под вопрос необдуманном экспериментированием и неосторожным вмешательством в саму биологическую природу человека, о единстве и взаимозависимости человека и

естественной среды его обитания. Все эти вопросы приобретают в нашей современности небывалую прежде значимость: они выступают уже не просто объектами философской рефлексии, но базовыми императивами выживания человечества на фоне глобального экологического кризиса [10, с. 836] и возрастающей деградации духовности [3, с. 8].

Девиации развития науки и образования в цифровую эпоху

Интенсивно развивающиеся в современном мире технические науки, как и заложенный в них эвристический потенциал, не подлежат сомнению по причине их жизненной для нас значимости и необходимости. К сожалению, применительно к наукам гуманитарного профиля подобное суждение не может быть высказано с такой же абсолютной очевидностью. На первый взгляд, гуманитаристика кажется практически невостребованной и малопригодной в реалиях текущего витка научно-технического прогресса. В результате того, что наука в современном мире выступает общепризнанной производительной силой, в нём наблюдается объективный, а иногда даже и целенаправленный процесс деконструкции гуманитарных связей и отношений. Новые области и дисциплинарные ответвления научного знания, в изобилии возникающие в эпоху цифровизации, требуют узконаправленной подготовки осуществляющих их специалистов. Как следствие, формирование разносторонней системы мировоззрения и общей научной культуры, ранее целенаправленно прививавшейся обучающимся в высших учебных заведениях, становится невостребованным и в принципе невозможным.

Ещё не так давно образованные люди, учёные считались интеллектуальной элитой, некоей духовной общностью. Сегодня же всё чаще можно слышать рассуждения о нарастающем «...антагонизме между гуманитарной культурой, моралью и техническим сознанием большинства» [7, с. 28]. Это подтверждается последними нововве-

дениями в области высшего образования – последовательным уменьшением числа преподаваемых гуманитарных дисциплин, сокращением отводимых на их освоение часов. Последнее вызывает серьёзные опасения по причине того, что «...именно социально-гуманитарный блок имеет направленность на развитие лучших духовных качеств личности, её гражданской позиции, способности широко и свободно мыслить» [2, с. 8]. К сожалению, всё это остаётся практически невостребованным в реалиях современной цифровой эпохи.

Без необходимого социогуманитарного фундамента наука и техника способны создавать лишь ограниченного и предельно технизированного человека. Конечно, этот «одномерный человек» может быть высоко профессионален и даже технически универсален, но он поневоле становится носителем наивного релятивизма в области морали и нравственности. Эта форма выражения релятивизма выступает производной от господствующего в современном обществе знаниевого плюрализма, который по определению не может выступать платформой для понимания сложнейших проблем современного научно-технического прогресса и социокультурного бытия.

Место и роль философии в цифровом мире

Главной «болезнью» современной философии британский философ Карл Поппер считал свойственный ей интеллектуальный и моральный релятивизм, насквозь пронизавший все сферы социального бытия, в т. ч. сферу межличностных коммуникаций, индивидуальное и массовое сознание, научную картину мира, философское миропонимание и пр. Понимаемому таким образом релятивизму и вызываемым им социокультурным последствиям, несомненно, можно и должно противостоять, в частности, за счёт восстановления в правах гуманитарных наук и философии как квинтэссенции культуры.

В настоящее время в противовес многим высказываемым в адрес философии критическим суждениям выдвигается также конструктивное мнение о том, что в цифровом обществе гуманитарное образование, ныне практические невостребованное в рамках широко практикующейся узкопрофильной профессиональной подготовки специалистов, вновь займёт своё достойное место. Уже сегодня рынок труда, принципы его организации и особенности функционирования существенно изменяются. В ближайшее десятилетие это может привести к столь радикальным экономическим и экзистенциальным перестройкам, с которыми человечество до сих пор ещё не сталкивалось. К примеру, особые опасения у большинства народонаселения планеты вызывает набирающая обороты роботизация.

По всей видимости, уже в обозримом будущем роботы начнут отбирать у людей рабочие места, а машинный алгоритмический интеллект сможет обрабатывать и анализировать данные гораздо лучше любого, пусть даже самого эрудированного и энциклопедически образованного человека. В сложившейся ситуации многие эксперты и аналитики делают ставку именно на философию и гуманитарное знание: по их мнению, «философы и филологи ... имеют все шансы добиться успехов...», и «...через 10 лет спрос на специалистов по гуманитарным наукам будет больше, чем спрос на программистов или даже на инженеров»¹. Нарастающие технологические инновации неминуемо обострят востребованность в специалистах именно гуманитарного профиля.

Современные гуманитарии обладают совершенно особенным взглядом на мир и происходящие в нём изменения. Они наделены критическим складом ума и могут дать трезвую, гуманистически ориентированную оценку достижениям и данным,

¹ Красильникова Ю. Через 10 лет спрос на гуманитариев резко возрастет // Хайтек : [сайт]. URL: https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fhightech.fm%2F2017%2F02%2F20%2Fliberal_arts (дата обращения: 13.07.2020).

собираемым алгоритмическим путём, с помощью технологий машинного интеллекта. В наибольшей степени подобными навыками обработки и гуманизации любого изучаемого объекта обладают, как известно, философы и филологи. Эту особенность гуманитарного познания, равно как и свойственный ему специфичный эмоциональный подтекст, признают и высоко оценивают многие авторитетные специалисты в области экономической науки (например, К. Шваб) и информационных технологий (Б. Гейтс).

Заключение

Мы живём в исключительное, очень интересное и, вместе с тем, сложное время. Это время смены исторических эпох, ломки парадигм, обновления традиционной системы ценностей и всех устоявшихся мировоззренческих приоритетов. В таких условиях особенно актуальными и востребованными становятся новаторские идеи и, разумеется, способствующий их появлению творческий потенциал. Генерирование подобных идей как раз и является первостепенной задачей философии, в силу чего её роль и значимость в

жизни современного цифрового общества существенно возрастают. Сегодня «философия призвана противостоять нагнетанию абсурда и деструктивности, росту шизоидных и невротических тенденций в культуре, крепить внутреннюю самоорганизацию и мужество духа...» [9, с. 221].

Значимость философской рефлексии в эпоху цифровизации заключается в создании новых, конструктивных и жизнеутверждающих смыслов, а также в сохранении и трансляции предшествующих мировоззренческих установок, подтвердивших свою значимость и эффективность в истории и на практике. Философия успешно справляется с задачей подкрепления «...позитивной и оптимистической культурно-созидательной позиции человека в современном мире» [5, с. 23]. Она, как и прочие гуманитарные науки, приучает человека ответственно относиться к окружающему миру и другим людям, принимать продуманные, взвешенные решения. Это, в первую очередь, касается выполнения тех задач, которые *a priori* неподвластны мышлению алгоритмического, машинного типа.

Статья поступила в редакцию 17.08.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасенко И. Д., Борисова В. В. Цифровая экономика и социально-этические ценности // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 5 (113). С. 7–11.
2. Балюшина Ю. Л. Трансформация ценностных ориентаций личности в период становления информационно общества: философский аспект // Концепт. 2014. Т. 13. С. 6–10.
3. Гурьянова А. В., Фролов В. А. Духовность как основание патриотизма в современном российском обществе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19. Вып. 1. С. 8–11.
4. Кетов Ю. А. Перестройка представлений человечества о роли ноосферы в условиях разрастающейся технизации природы // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. 2016. № 2. С. 88–94.
5. Кирьякова А. В. Теория ценностей – методологический базис аксиологии образования // Аксиология и инноватика образования. 2010. № 21. С. 2–32.
6. Оконская Н. К., Ермаков М. А., Резник О. А. Очеловечивание техники и технизация человека // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2014. № 4 (6). С. 21–30.
7. Фактор А. М., Камолов С. Г., Никандрова А. А. Человеческие ценности в цифровую эпоху // Моделирование, оптимизация и информационные технологии. 2018. № 2 (21). С. 86–103.
8. Яковлева А. Ф. Размышления над книгой «Релятивизм как болезнь современной философии» // Философия науки и техники. 2015. Т. 20. № 1. С. 209–222.
9. Global Crisis: Overcoming the Uncertainty of the Concept in the Philosophical Paradigm of Globalization / A. Guryanova, N. Astafeva, N. Filatova, N. Khafiyatullina, N. Guryanov // The Future of the Global

- Financial System: Downfall or Harmony. 2019. Vol. 57. P. 836–843.
10. Social, Psychological and Worldview Problems of Human Being in Digital Society and Economy / Guryanova A. V., Khafiyatullina E., Petinova M., Astafeva N., Guryanov N. // *Lecture Notes in Networks and Systems*. 2020. Vol. 87. P. 244–250.
 11. The problem of society consolidation in the era of globalization: methodological and axiological aspects / Berkut V. P., Bondareva Y. V., Kostyukova T. A., Maikova V. P., Molchan E. M., Pesotsky V. A. // *Modern Journal of Language Teaching Methods*. 2018. Vol. 8. № 5. P. 263–281.

REFERENCES

1. Afanasenko I. D., Borisova V. V. [Digital economy and socio-ethical values]. In: *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [News of St. Petersburg State University of Economics], 2018, no. 5 (113), pp. 7–11.
2. Balyushina Yu. L. [Transformation of personal value orientations during the formation of information society: a philosophical aspect]. In: *Concept*, 2014, vol. 13, pp. 6–10.
3. Guryanova A. V., Frolov V. A. [Spirituality as the basis of patriotism in modern Russian society]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [News of Saratov University. New series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy], 2019, vol. 19, no. 1, pp. 8–11.
4. Ketov Y. A. [Reconstruction of mankind]. In: *Vestnik Permskogo natsionalnogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Kultura. Istoriya. Filosofiya. Pravo* [Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Culture. History. Philosophy. Law], 2016, no. 2, pp. 88–94.
5. Kiryakova A. V. [The theory of values – the methodological basis of the axiology of education]. In: *Aksiologiya i innovatika obrazovaniya* [Axiology and Innovation of Education], 2010, no. 21, pp. 2–32.
6. Okonskaya N. K., Ermakov M. A., Reznik O. A. [Humanization of technology and technisation of man]. In: *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obshchestve* [Philosophy and Humanities in Information Society], 2014, no. 4 (6), pp. 21–30.
7. Faktor A. M., Kamolov S. G., Nikandrova A. A. [Human values in digital age]. In: *Modelirovanie, optimizatsiya i informatsionnye tekhnologii* [Modeling, Optimization and Information Technology], 2018, no. 2 (21), pp. 86–103.
8. Yakovleva A. F. [Reflections on the book «Relativism as a disease of modern philosophy»]. In: *Filosofiya nauki i tekhniki* [Philosophy of Science and Technology], 2015, vol. 20, no. 1, pp. 209–222.
9. Guryanova A., Astafeva N., Filatova N., Khafiyatullina N., Guryanov N. Global Crisis: Overcoming the Uncertainty of the Concept in the Philosophical Paradigm of Globalization. In: *The Future of the Global Financial System: Downfall or Harmony*, 2019, vol. 57, pp. 836–843.
10. Guryanova A. V., Khafiyatullina E., Petinova M., Astafeva N., Guryanov N. Social, Psychological and Worldview Problems of Human Being in Digital Society and Economy. In: *Lecture Notes in Networks and Systems*, 2020, vol. 87, pp. 244–250.
11. Berkut V. P., Bondareva Yu. V., Kostyukova T. A., Maikova V. P., Molchan E. M., Pesotsky V. A. The problem of society consolidation in the era of globalization: methodological and axiological aspects. In: *Modern Journal of Language Teaching Methods*, 2018, vol. 8, no. 5, pp. 263–281.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гурьянова Анна Викторовна – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории права и философии Самарского государственного экономического университета;
e-mail: annaguryanov@yandex.ru

Тимофеев Александр Вадимович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры информационных развивающих образовательных систем и технологий Самарского государственного технического университета;
e-mail: timofeev_av@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anna V. Guryanova – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Head of the Department of the Theory of Law and Philosophy, Samara State University of Economics;
e-mail: annaguryanov@yandex.ru

Alexander V. Timofeev – Cand. Sci. (Education), Assoc. Prof., Department of Information Developing Educational Systems and Technologies, Samara State Technical University;
e-mail: timofeev_av@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гурьянова А. В., Тимофеев А. В. О предназначении философии и гуманитарного знания в эпоху цифровизации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 3. С. 70–76.

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-70-76

FOR CITATION

Guryanova A. V., Timofeev A. V. On the Mission of Philosophy and Humanities in Digital Age. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2020, no. 3, pp. 70–76.

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-70-76

УДК 111+62:1

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-77-84

КАТЕГОРИЯ ВООБРАЖЕНИЯ В ТЕОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ФИЛОСОФИИ ТЕХНИКИ

Демина А. И.

*Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва
443086, г. Самара, Московское ш., д. 34, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. На примере художественной и технической деятельности показать роль воображения в различных типах деятельности.

Процедура и методы. Проведён анализ понятия воображения как категории метафизики, теории познания, теории деятельности и философии техники.

Результаты. Предложен трансцендентально-семиотический метод описания воображения как условия и среды всякой деятельности. Показано, что в технической деятельности формой осуществления воображения является изобретение, а в художественной – вымысел. Рассмотрен эвристический потенциал концепции «четвёртого царства» Фридриха Дессауэра в решении задачи выявления онтологических оснований воображения в технической и художественной деятельности.

Теоретическая и / или практическая значимость. В работе обобщён большой материал по теории воображения в художественной и технической деятельности. Результаты проделанного обобщения, их трансцендентально-семиотическая интерпретация являются основанием для продолжения научных исследований по темам, связанным с философией творчества.

Ключевые слова: воображение, изобретение, вымысел, теория деятельности, философия техники, проективный семиозис, Фридрих Дессауэр

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00462 А.

THE CATEGORY OF IMAGINATION IN THE THEORY OF ACTIVITY AND PHILOSOPHY OF TECHNOLOGY

A. Demina

*Samara National Research University
34, Moskovskoye sh., Samara, 443086, Russian Federation*

Abstract.

Aim. The aim of the article is to show the role of imagination in various types of activities by example of artistic and technical activities.

Methodology. The article analyzes the concept of imagination as a category of metaphysics, theory of knowledge, theory of activity and philosophy of technology.

Results. A transcendental semiotic method of describing imagination as a condition and environment of any activity is proposed. It is shown that the form of realization of imagination in technical activity is invention, and in artistic activity – fiction. The author reveals the heuristic potential of Friedrich Dessauer's concept of « the fourth kingdom» in solving the problem of identifying the ontological foundations of imagination in technical and artistic activities.

Research implications. The article summarizes the material on the theory of imagination in artistic and technical activities. The results of this summarization and transcendental semiotic interpretation of the data can be the basis for prospective research on topics related to the philosophy of creativity.

Keywords: imagination, invention, fiction, theory of activity, philosophy of technology, projective semiosis, Friedrich Dessauer

Acknowledgment. The research was funded by RFBR, project number 20-011-00462 A.

Введение

Воображение имеет огромное значение в жизни человека. Свобода, самосознание, отношение человека к себе – это процессы, условием возможности которых во многом является воображение. Воображение – это среда разума или пространство рефлексии, т. е. такая ситуация, в которой разум имеет дело с самим собой в прямом или косвенном опосредовании. Специфика человека раскрывается в его деятельности, а условием и средой любой деятельности – от познания и речи до художественного и технического творчества – является воображение. Именно воображение объединяет разные типы мировоззрения, как показывает, например, австралийский физиолог Джон Эклс, постулируя сходство науки и религии: «Наука и религия во многом схожи. И в науке, и в религии задействованы воображение и творческие способности человека» [1, с. 115].

Вместе с тем существует проблема множественности трактовок данного понятия, связанная с фундаментальностью постановки проблемы воображения как проблемы творческой деятельности. В терминологическом аппарате разных областей знания воображение раскрывается как категория метафизики, теории познания, теории деятельности и философии техники. Предметом анализа в настоящей статье являются изобретение и вымысел как формы осуществления воображения в художественной и технической деятельности.

Творчество как проективная деятельность

Теория деятельности была разработана М. С. Каганом в 70-е гг. XX в. Наиболее полно она представлена в работе «Человеческая деятельность. Опыт системного анализа». Деятельность рассматривается Каганом как специфическая человеческая активность (человек может

быть определён через его деятельность) и представляется в качестве системы, базирующейся на материалистических онтологических основаниях. Специфику человеческой деятельности Каган видит в разделении «действующего лица и предмета действия, т. е. субъекта и объекта», определяя деятельность как «активность субъекта, направленную на объекты или на других субъектов» [7, с. 43]. Таким образом, тремя структурными элементами системы деятельности являются:

- субъект, «наделённый активностью и направляющий её на объекты или на других субъектов» (в качестве субъекта деятельности могут выступать индивид, социальная группа, общество);
- объект, «на который направлена активность субъекта» (в качестве объекта могут выступать природный предмет, социальный институт, человек или сам субъект);
- активность, «выражающаяся в том или ином способе овладения объекта субъектом или в установлении субъектом коммуникативного взаимодействия с другими» [7, с. 45–46].

По Кагану, познавательная, преобразовательная, ценностно-ориентационная и художественная деятельность может быть: производительной и потребительской, творческой, продуктивной и репродуктивной, механической. Однако, к сожалению, автор не останавливается подробно на природе этих различий, таким образом, оставляя открытым вопрос об онтологических основаниях продуктивной, творческой деятельности, которая и является предметом нашего интереса.

В самом общем виде можно говорить о двух базовых типах деятельности: «субъективирующей» и «объективирующей», в терминологии П. К. Энгельмейера [20, с. 18–19], или рецепции и проекции, в терминах семиотики. Творчество в самом

общем виде можно определить как деятельность по производству нового или как проективный семиозис [10; 11; 13; 14].

Воображение в психологии, теории познания и метафизике

Наиболее общая категория, связанная с появлением нового, – воображение. Эта категория относится одновременно и к психологии, и к теории познания, и к онтологии.

О воображении как психологической категории много написано в рамках психологии творчества, начиная с рубежа XIX–XX вв. В качестве психологической системы воображение рассматривает Л. С. Выготский [3; 4]. В последнее время появляются работы, посвящённые анализу структуры воображения [15], в т. ч. с позиций нейробиологии [21].

С. Л. Рубинштейн разводит широкое и узкое понимание воображения. Широкая трактовка определяет данное понятие как «всякий процесс, протекающий в образах» и включает память как репродуктивную разновидность воображения. В узком смысле воображение – «это отлёт от прошлого опыта, это преобразование данного и порождение на этой основе новых образов, являющихся и продуктами творческой деятельности человека и прообразами для неё» [16, с. 367]. **Ключевым свойством воображения** в его специфическом смысле, по Рубинштейну, является порождение нового на основе преобразования данной в восприятии действительности: «В своих высших творческих формах воображение совершает отлёт от действительности, чтобы глубже проникнуть в неё» [16, с. 368].

В психологии различают уровни и формы воображения, а также приёмы, составляющие «технику» воображения, способы преобразования. Рубинштейн говорит о пассивном и активном, конкретном и абстрактном видах воображения и о комбинировании, агглютинации, акцентуировании, гиперболизации, преуменьшении и типизации как его приёмах.

Разработанная в советской психологии теория воображения методологически ос-

новывается на гносеологических теориях Канта и Гегеля, в которых вопрос о воображении освещён наиболее полно.

О гносеологической трактовке воображения Лейбницем, Юмом, Кантом и Гегелем пишут И. П. Фарман [17], А. В. Гулыга [5], Н. В. Бряник [2]. **Н. В. Бряник убедительно** показывает сходство позиций классических философов в трактовке воображения, отмечая в качестве объединяющих позиций наделение воображения признаками иррационального, признание роли воображения в механизмах познания, своеобразное сочетание чувственности и рассудка, выделение стадий воображения, включая элемент фантазии.

По Канту, воображение, будучи априорной способностью, осуществляет связь рассудка и чувственности. Как отмечает И. П. Фарман, «Кант показал, что всякий смысл, а в конечном счёте всякое предметное понятие человеческого сознания вообще, является лишь продуктом деятельности воображения», «продуктивную деятельность воображения можно рассматривать как, в сущности, изначальную основу всех структур человеческого познания» [17, с. 111]. **Гегель относит воображение**, наряду с представлением и памятью, к формам духа и выделяет три разновидности воображения: *репродуктивное*, которое «ещё не оторвалось полностью от непосредственного созерцания, в нём сохраняется пространственно-временная конкретность восстановленных образов», *ассоциирующее* («бездумная игра образами») и *продуктивное* как синтез первых двух («объективное (предметное) соединяется с субъективно-индивидуальным, внешнее с внутренним, конкретное с общим и всеобщим» [2, с. 38–39]). Продуктивное воображение включает в себя фантазию, которая оперирует символом и знаком, в форме которых всеобщие представления обретают образное наличное бытие.

М. С. Каган трактует воображение как онтологическую категорию: «воображение должно в новой философии занять место в системе онтологических категорий, как звено связи между разными уровнями

творимого людьми предметного бытия – силы, творящей небытие, опосредующее переход от одного бытийного уровня к другому» [7, с. 71–74].

О связи категорий «воображение» и «возможность» рассуждает А. А. Шадов в статье «Воображение как познание возможности и возможность как инициирование воображения» [18]. Он показывает, что «связь категории возможности и способности воображения выявляется в контексте категориального отношения между реальным и актуальным, а также свободой и творчеством»; «возможность является переходом от случайности к необходимости и наоборот, как и воображение является посредствующим звеном между чувствами и мыслью» [18, с. 69].

Во всех рассмотренных подходах к воображению очевидна связь данной категории с творческой активностью субъекта, со способностью к созданию нового. Однако природа этой способности до конца не прояснена. Несмотря на то, что классическая гносеология включает воображение в систему познания, признавая её существенную роль в рациональном познании, философы констатируют её отличие от других форм рационального познания и иррациональный характер.

Вымысел и изобретение как формы осуществления воображения

В целях прояснения онтологических оснований творчества и роли воображения в творческой деятельности целесообразно обратиться к трансцендентально-семиотической теории, согласно которой познание и творчество образуют семиотический круг деятельности. Процедуры познания осуществляют акт рецепции, а творчество определяется в качестве проективного семиозиса как «обращение трехступенчатого трансценденталистского представления об акте познания, состоящего из чувственного восприятия, рассудка и разума» [14, с. 45].

Рассматриваемое как производство нового творчество предстаёт перед нами в

двух видах: как ориентированное само на себя, самоценное, и как ориентированное на результат, на пользу, содержащее ценность вне себя; т. е. как художественное и техническое творчество. Формами осуществления воображения в рамках разграничения уровней и слоёв проективного семиозиса оказываются «изобретение» – в технической и «вымысел» – в художественной деятельности.

Понятие вымысла как формы осуществления воображения в художественной деятельности является предметом, в первую очередь, литературоведения, в связи со спецификой знака в художественной литературе. Обширная традиция советского литературоведения в трактовке вымысла опирается на марксистское понимание воображения как «мышления образами». Е. Н. Ковтун, обобщая отечественную и зарубежную литературоведческую традицию изучения вымысла, отмечает отсутствие единой понятийной системы, которая позволила бы взаимно соотнести множество таких связанных понятий, как «вымысел», «домысел», «условность», «фантастика», «фантастический гротеск», «сверхъестественное», «чудесное», «волшебное», «магическое», «мистическое» и др. [8]. Как показывает Ковтун, в отечественной литературоведческой традиции дискуссия о вымысле существовала в терминологии «художественной условности» и привела в 60–70-е гг. XX в. к разграничению первичной и вторичной художественной условности, где первичная условность характеризует образную природу искусства, а также набор выразительных средств, присущих разным видам искусства, а вторичная – обозначает «намеренное отступление писателем от буквального правдоподобия» [8, с. 11]. Справедливо отмечая недостаточность данного разграничения, Е. Н. Ковтун предлагает уточнённую классификацию типов художественной условности, в которой первичная условность включает в себя 4 уровня, а вторичная – делится на 6 самостоятельных типов. На наш взгляд, данная классификация содержит смешение понятий, поскольку условность понимается и в

синтаксическом, и в семантическом смыслах (как создание того, чего нет в действительности, и как специфические средства художественной выразительности).

Более точно, с нашей точки зрения, характеризуют специфику художественного вымысла понятия «вторичной моделирующей системы» Ю. М. Лотмана [9], «квазисуждения» Р. Ингардена, «автороферентного отрицания» А. Ю. Нестерова [12]. Данные понятия подчёркивают семиотический характер вымысла, вводят художественное произведение как специфический целостный знак (Лотман), с особым образом организованным взаимодействием семантического, синтаксического и прагматического уровней. На уровне семантики художественный знак не имеет денотата в чувственно воспринимаемой действительности, но подразумевает автора и реципиента, которые воображают «себе реальность, функционирующую по отношению к данным текстам как условие их истинности, причём сама эта представленная реальность, будучи аналогом мира, полученного реальным чувственным восприятием, реализует сложную вертикально и горизонтально упорядоченную ... систему семиотически выражаемых отношений» [12, с. 38].

Категория изобретения становится центральной в работах представителей философии техники начала – середины XX в.: П. К. Энгельмейера [19; 20], И. И. Лапшина¹, Фр. Дессауэра [6].

Фридрих Дессауэр в своей программной работе «Спор о технике» определяет изобретение как «исток техники», где «техника является сама собой, не столь сильно перемешана и затемнена другими факторами человеческого общества» [6, с. 95], и признаёт существование у человека изначального стремления к «формированию нового», корнящегося в напряжении между действительным и возможным, данным и заданным [6, с. 97]: «Источник технических новообразований точно так же кроется в этом напряжении между

жизнью, воспринимаемой в качестве несовершенной, и созерцанием возможных усовершенствований. Всякий момент времени определяется попыткой приведения существующего, того, что есть, к тому, чем оно должно быть или могло бы быть. Так пробуждается и поддерживается в пробуждённом состоянии латентная творческая сила» [6, с. 98]. Человек по природе своей является «творцом-преобразователем» (*Gestalter*), он «с самого начала медленно, затем во всё более ускоряющемся движении вперёд открывал, изобретал и изготавливал, что он в этом смысле всегда был "техником"» [6, с. 84]. Акт изобретения раскладывается Дессауэром на 3 составляющих – 3 формообразующие силы человека: *homo investigator* – человек исследующий, *homo inventor* – человек изобретающий, организующий, *homo faber* – человек обрабатывающий. Как *investigator* человек обладает фантазией, которая позволяет ему комбинировать материал, «состоящий из впечатлений от воспоминаний, из энграмм (*Engramata*, греч. «отпечаток») воспоминаний, чтобы передать его второй исходной способности (*Uranlage*) человека, корнящейся в самой его сущности, – способности к преобразованию» [6, с. 86]. Как *inventor* человек, на основе своих знаний о природе и сообразуясь с целью, осуществляет «комбинаторное формообразование», в результате которого возникают ясные и конкретные «интраментальные образы», которые осуществляются третьей способностью человека – *homo faber*. Осуществление есть перенос, трансцендирование представленного «из интраментального пространства, из мира представлений во внешний мир, в окружающую среду своего восприятия» [6, с. 87]. Отвечая на вопрос «как возможно новое?», Дессауэр вводит понятие «четвёртого царства», по сути являющегося платоновским миром идей, в котором потенциально пребывают те формы технических решений, которые должен изобрести техник: «Первоначальное техническое формообразование, "изобретение", есть мысленное извлечение и разработка посредством

¹ Лапшин И. И. Законы мышления и формы познания. СПб., 1906. 464 с.

рук и инструментов таких форм решений, которые «предустановлены» [6, с. 101].

Сходное определение изобретения, походящее, однако, на иных онтологических предпосылках, за несколько десятилетий до Дессауэра дал Пётр Клементьевич Энгельмейер в своей теории «трёхакта». Так же как Дессауэр, Энгельмейер использует понятие изобретения синонимично с понятием творчества, признавая последнее сущностным свойством человека: «человек начинает творить с первым пробуждением сознания и кончает вместе с последним вздохом» [20, с. 6]. Он определяет творчество как «воздействие наружу, сообразное с замыслом» [20, с. 8], как «двойной душевный процесс разложения и соединения», при котором «прежний опыт распадается на составные части и из них тут же составляется новое сочетание» [20, с. 39]. Существенными признаками человеческого творчества, по Энгельмейеру, являются искусственность, целесообразность, неожиданность (т. е. новизна, логическая невыводимость, интуитивность) и цельность [20, с. 62–64]. С тремя формообразующими способностями человека соотносятся три акта изобретения: «В первом акте изобретение предлагается, во втором доказывается, в третьем осуществляется. В конце первого акта это – гипотеза; в конце второго – представление; в конце третьего – явление. Первый акт определяет его телеологически, второй – логически, третий – фактически. Первый акт даёт замысел, второй – план, третий – поступок» [20, с. 103].

Заключение

Трансцендентально-семиотическая теория творчества включает в себя платонистское понятие о «потенциальном космосе», содержащем все возможные решения всех корректно поставленных задач, и «трёхакт» П. К. Энгельмейера, понятый как обращение неокантианской схемы познания.

Минимальный полный акт творческой деятельности начинается с фиксации потребности разумом в виде неполноты или

неопределённости в том или ином слое семиозиса, продолжается поиском и созданием в воображении способа её преодоления: так возникает замысел, прозрение, предвосхищение, видение решения. Этот первый акт решения проблемы связан с проблемой изобретения в философии техники, с проблемой озарения, инсайта в психологии творчества. На втором шаге замысел воплощается в формах рассудка, выражается в языке или в сумме представлений – это конструкция, представляющая собой схему, описание или модель решения проблемы проективной неполноты. На третьем шаге конструкция реализуется в слое чувственного восприятия – в виде нового объекта.

Строя трансцендентально-семиотическую модель творческого акта и сопоставляя художественное и техническое творчество, мы понимаем изобретение как реализацию полного технического объекта, а вымысел – неполного. Вымысел создаёт заведомо лишённые значения рассудочные структуры, позволяющие отвлечь познающий ум от естественного требования достоверности и правдивости в поиске соответствий между доступными слоями семиозиса и переключить его внимание на самое себя. Категория воображения фиксирует взаимодействие слоев семиозиса в рецепции и проекции, является условием возможности референции в рецептивной деятельности и исполнения в проективной. Другими словами, воображение может быть понято как исток всякой деятельности, познание которого зависит от уровня интуиции, как область, где достраивается эмпирически недостающая действительность. В связи с этим особое значение приобретает концепция «четвёртого царства» Фридриха Дессауэра, предлагающая ответ на вопрос об источнике и условиях возможности создания нового.

Статья поступила в редакцию 05.02.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С. Религиозное и научное познание. М.: Научный эксперт, 2013. 344 с.
2. Бряник Н. В. Воображение в трактовке представителей классической гносеологии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2015. Т. 15. Вып. 3. С. 31–46.
3. Выготский Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте. М.: Просвещение, 1991. 93 с.
4. Выготский Л. С. Психология искусства. Ростов-н/Д: Феникс, 1998. 480 с.
5. Гулыга А. В. Немецкая классическая философия. М.: Рольф, 2001. 416 с.
6. Дессауэр Ф. Спор о технике. Самара, 2017. 266 с.
7. Каган М. С. Человеческая деятельность. (Опыт системного анализа). М.: Политиздат, 1974. 328 с.
8. Ковтун Е. Н. Художественный вымысел в литературе XX века. М.: Высшая школа, 2008. 408 с.
9. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. М.: Азбука, 2016. 704 с.
10. Нестеров А. Ю. Границы технического сознания: немислимое vs. Невозможное // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12. № 3. С. 60–66.
11. Нестеров А. Ю. Исполнение в семиотике техники // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13. № 3. С. 111–118.
12. Нестеров А. Ю. Проблема определения понятия «фантастическое» // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 305. С. 35–41.
13. Нестеров А. Ю. Семиотические основания техники и технического сознания. Самара, 2017. 155 с.
14. Нестеров А. Ю., Демина А. И. Категории «значение» и «изобретение» в контексте семиотики техники // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. С. 42–50.
15. Пирожкова М. Г. Психологические особенности структуры воображения: дис. ... канд. психол. наук. М., 2001. 255 с.
16. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1946. 720 с.
17. Фарман И. П. Воображение в структуре познания. М.: Ифран, 1994. 215 с.
18. Шадов А. А. Воображение как познание возможности и возможность как инициирование воображения // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. Т. 9. № 2. С. 64–70.
19. Энгельмейер П. К. Творческая личность и среда в области технических изобретений. Спб., 1911. 116 с.
20. Энгельмейер П. К. Теория творчества. М.: Либроком, 2010. 208 с.
21. Pearson J. The human imagination: the cognitive neuroscience of visual mental imagery // Nature reviews neuroscience. 2019. № 20 (10). P. 624–634.

REFERENCES

1. Bagdasaryan V. E., Sulakshin S. S. *Religioznoe i nauchnoe poznanie* [Religious and Scientific Cognition]. Moscow, Nauchnyi ekspert Publ., 2013. 344 p.
2. Bryanik N. V. [Imagination as interpreted by the representatives of classical epistemology]. In: *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Uralskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk* [Scientific yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences], 2015, vol. 15, no. 3, pp. 31–46.
3. Vygotsky L. S. *Voobrazhenie i tvorchestvo v detskom vozraste* [Imagination and Creativity in Childhood]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1991. 93 p.
4. Vygotsky L. S. *Psikhologiya iskusstva* [Psychology of Art]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 1998. 480 p.
5. Gulyga A. V. *Nemetskaya klassicheskaya filosofiya* [German Classical Philosophy]. Moscow, Rolf Publ., 2001. 416 p.
6. Dessauer F. *Spor o tekhnike* [Dispute about Technology]. Samara, 2017. 266 p.
7. Kagan M. S. *Chelovecheskaya deyatel'nost. (Opyt sistemnogo analiza)* [Human Activity. (Experience in Systems Analysis)]. Moscow, Politizdat Publ., 1974. 328 p.
8. Kovtun E. N. *Khudozhestvennyi vymysel v literature XX veka* [Fiction in the 20th Century Literature]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2008. 408 p.
9. Lotman Yu. M. *Struktura khudozhestvennogo teksta. Analiz poeticheskogo teksta* [The Structure of the

- Artistic Text. The Analysis of the Poetic Text]. Moscow, Azbuka Publ., 2016. 704 p.
10. Nesterov A. Yu. [The boundaries of technical consciousness: unthinkable vs. impossible]. In: *Gumanitarnyi vector* [Humanitarian Vector], 2017, vol. 12, no. 3, pp. 60–66.
 11. Nesterov A. Yu. [Execution in semiotics of technique]. In: *Gumanitarnyi vector* [Humanitarian Vector], 2018, vol. 13, no. 3, pp. 111–118.
 12. Nesterov A. Yu. [The problem of defining the concept of «fantastic»]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2007, no. 305, pp. 35–41.
 13. Nesterov A. Yu. *Semioticheskie osnovaniya tekhniki i tekhnicheskogo soznaniya* [Semiotic Foundations of Technology and Technical Consciousness]. Samara, 2017. 155 p.
 14. Nesterov A. Yu., Demina A. I. [The categories «meaning» and «invention» in the context of semiotics of technology]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science], 2019, no. 49, pp. 42–50.
 15. Pirozhkova M. G. *Psikhologicheskie osobennosti struktury voobrazheniya: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychological features of the structure of imagination: PhD thesis in Psychology]. Moscow, 2001. 255 p.
 16. Rubinshtein S. L. *Osnovy obshchei psikhologii* [Fundamentals of General Psychology]. Moscow, 1946. 720 p.
 17. Farman I. P. *Voobrazhenie v strukture poznaniya* [Imagination in the Structure of Cognition]. Moscow, Ifran Publ., 1994. 215 p.
 18. Shadov A. A. [Imagination as cognition of possibility and possibility as initiation of imagination]. In: *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Scientific and Technological Proceedings of St. Petersburg State Teachers Training University. Humanities and Social Sciences], 2018, vol. 9, no. 2, pp. 64–70.
 19. Engelmeier P. K. *Tvorcheskaya lichnost i sreda v oblasti tekhnicheskikh izobretenii* [Creative Personality and Environment in the Field of Technological Inventions]. St. Petersburg, 1911. 116 p.
 20. Engelmeier P. K. *Teoriya tvorchestva* [The Theory of Creativity]. Moscow, Librokombizdat Publ., 2010. 208 p.
 21. Pearson J. The human imagination: the cognitive neuroscience of visual mental imagery. In: *Nature reviews neuroscience*, 2019, no. 20 (10), pp. 624–634.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Демина Анна Ивановна – специалист по учебно-методической работе 2 категории кафедры философии Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королёва; e-mail: ademina83@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna I. Demina – Education and Methodology Specialist of the 2nd category, Department of Philosophy, Samara National Research University; e-mail: ademina83@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Демина А. И. Категория воображения в теории деятельности и философии техники // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 3. С. 77–84.

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-77-84

FOR CITATION

Demina A. I. The Category of Imagination in the Theory of Activity and Philosophy of Technology. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2020, no. 3, pp. 77–84.

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-77-84

УДК 141.3

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-85-97

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ АНАЛИЗА НЕПРЕДНАМЕРЕННЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: АКТУАЛИЗАЦИЯ ПОДХОДА Л. МАМФОРДА

Зарубина Н. Н.

Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации (МГИМО)

119454, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Определить эвристические возможности концепции «Мегамшины» Льюиса Мамфорда (1895–1990) для анализа непреднамеренных социокультурных последствий распространения цифровой техники.

Процедура и методы. С помощью методов историко-философского и социально-философского анализа рассмотрены положения концепции Мамфорда о влиянии развития техники на общество и человека.

Результаты. Показаны результаты применения подхода Мамфорда к анализу цифрового общества: определён «социальный прообраз» цифровых машин, выявлены особенности десоциализации и дегуманизации социальных отношений и практик, специфика локус-контроля, дисциплины, трансформации типов солидарностей, передачи цифровым машинам интеллектуальных и волевых функций человека.

Теоретическая и/или практическая значимость работы состоит в актуализации концепции «Мегамшины» Мамфорда для анализа непреднамеренных социокультурных последствий цифровизации: с её помощью можно проследить возникновение новых форм опредмечивания и овеществления сущностных сил человека в условиях технического прогресса.

Ключевые слова: Л. Мамфорд, «Мегамшина», эвристические возможности, технический прогресс, индустриальные общества, цифровизация, цифровое общество, непреднамеренные последствия, дегуманизация, деперсонализация, социальные иерархии, дисциплина

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (конкурс 2020 года), заявка НШ-2615.2020.6.

THE THEORETICAL BASES FOR THE ANALYSIS OF UNINTENDED SOCIOCULTURAL CONSEQUENCES OF THE DEVELOPMENT OF DIGITAL TECHNOLOGIES: UPDATING L. MUMFORD'S APPROACH

N. Zarubina

MGIMO University

76, Prospect Vernadsky, Moscow, 119454, Russian Federation

Abstract.

Aim. The article aims at revealing the heuristic possibilities of the concept of «Megamachine» by Lewis Mumford (1895–1990) to analyze the unintended socio-cultural consequences of the spread of digital technology.

Methodology. Using the methods of historical, philosophical and socio-philosophical analysis, the provisions of the Mumford concept on the impact of the development of technology on society and man are considered.

© СС ВУ Зарубина Н. Н., 2020.

Results. The results of the application of Mumford's approach to the analysis of digital society are shown: the «social prototype» of digital machines is determined, the features of desocialization and dehumanization of social relationships and practices, the specifics of locus control, discipline, the transformation of types of solidarity, the transfer of intellectual and strong-willed human functions to digital machines are revealed.

Research implications. The study updates the concept of «Megamachine» by Mumford for the analysis of unintended socio-cultural consequences of digitalization and shows how it is possible to trace the emergence of new forms of determination and behavior of essential human forces under the conditions of technological progress with its help.

Keywords: L. Mumford, Megamachine, heuristic capabilities, technological progress, industrial societies, digitalization, digital society, unintended consequences, dehumanization, depersonalization, social hierarchies, discipline

Acknowledgment. The reported study was funded by the support of a grant from the President of the Russian Federation for state support of leading scientific schools of the Russian Federation (2020 competition), application NSh-2615.2020.6.

Введение

Сложные взаимосвязи человека, общества и техники, создаваемой для решения разнообразных производственных, военных, коммуникационных и других задач давно стали предметом анализа социальных мыслителей. В XX в. вклад в эти исследования внесли Н. А. Бердяев, К. Ясперс, О. Шпенглер, Х. Ортега-и-Гассет и многие другие, как сторонники, так и критики технического прогресса и детерминизма. Американский социальный мыслитель Льюис Мамфорд (1895–1990), известный аналитик социокультурных последствий развития техники и критик технического детерминизма, считал, что возникновение техники обусловлено не узкими задачами сбережения и облегчения труда, а широким взаимодействием человека со всеми элементами среды его существования. Соответственно, орудия и машины отвечают не чисто утилитарными потребностям, а «жизнеориентированны» [6], т. е. связаны со «всей природой человека», в первую очередь, с его способностью производить символы и смыслы, создающие культуру и язык, с потребностями упорядочивания и осмысления социального бытия. Техника разной степени сложности является продолжением способностей человека, имеет свой прообраз в человеческих потенциях и возможностях, в социальных отношениях и коммуникаци-

ях. Однако постепенно усложняясь, машина превращается в инструмент подчинения и трансформаций самого человека и общества, уже не только человек создаёт машины, но и машины творят человека [16]. Эти непреднамеренные последствия развития техники анализируются в работах американского учёного, и его идеи могут служить теоретико-методологическим основанием для исследований современных социокультурных процессов, ставших непреднамеренными последствиями нового этапа научно-технического прогресса – цифровизации.

Социокультурные последствия распространения цифровых и телекоммуникационных технологий, их влияние на человека и общество, стали предметом анализа многих современных социологов. В первую очередь, следует назвать концепцию «информационального общества» и «общества сетевых структур» М. Кастельса, «текущей современности» З. Баумана, достижения социологии интернета, концепции гиг-капитализма, новых форм труда и занятости, управления и т. д. Много было сделано в парадигме «информационного общества», основным объектом внимания в рамках которой стали новые функции информации и коммуникаций в современных обществах. В то же время исследования влияния цифровых машин на человека, социальные практики и отношения всё ещё требуют разработки новых теоретических подходов. Представляется, что идеи

взаимодействий общества, человека и техники Л. Мамфорда могут послужить концептуализации непреднамеренных социокультурных последствий цифровизации.

«Мегамашина» Л. Мамфорда как методология анализа социальных последствий технического прогресса

Л. Мамфорд отметил, что «машина оказалась двуликой. Она орудие освобождения и в то же время орудие угнетения. Она сберегает человеческую энергию, но и направляет её в ложное русло. Она создала широкую систему порядка, и она же вызывает путаницу и хаос. Она верно служит благородным целям человечества, но она же извращает и сводит на нет эти самые цели» [7]. На протяжении всей своей истории человек, создавая инструменты и технические устройства для совершенствования своих взаимодействий с внешним миром, для облегчения труда, для самозащиты и войны, сам должен был изменяться вместе с ними. Из работ Мамфорда следует, что создание технических устройств было результатом развития человеческой природы, культуры и социальности с древнейших времён и до наших дней, причём ментальные, символические способности имели приоритетное значение по сравнению с простыми потребностями в усовершенствовании трудовых операций с утилитарными целями. Используемые не на уровне индивидуальной деятельности, а на уровне *производящего и потребляющего общества*, машины трансформируют взаимодействия и отношения, иерархии и солидарности. В сложных иерархических обществах машины *из трудосберегающих становятся потребляющими труд*, объединяя людей для решения общих производственных или военных задач, превращают их из носителей воли, творческой энергии и знания в обезличенные, деперсонифицированные детали всеобъемлющего социотехнического механизма – Мегамшины.

Как утверждал Мамфорд, ещё древние гидравлические цивилизации создали

Мегамашину для войн и массовых строительных работ, объединяя людей посредством бюрократической системы в огромные машиноподобные организации, где каждый служил для выполнения конкретных функций в рамках общей цели, утрачивая при этом свои индивидуальные черты и свойства. Именно эта древняя Мегамашина стала, по мнению американского мыслителя, предпосылкой современной «эпохи машин» (Мамфорд, 2001), *поскольку уже тогда были открыты и применены на практике социокультурные техники обезличивания, деперсонификации, и даже формализации взаимодействий людей и передачи их интеллектуальных и волевых качеств внешнему по отношению к ним центру*. Пусть детали Мегамшины состояли не из металла, а из живых людей, двигали ею не внешние источники энергии, а власть и воля элиты, передаваемая не по проводам и не с помощью электромагнитных волн, а указом чиновника и плёткой надсмотрщика, Мамфорд замечает, что созданию реальных машин предшествует социализация «механических посредников» (Мамфорд, 2001), т. е. *появление социальных прообразов*, по которым затем создавались их технические заменители.

Особое значение имел тот факт, что знание и целеполагание в древних Мегамашинах принадлежало властным и духовным элитам, носило сакрализованное и эзотерическое, преимущественно религиозное и символическое, характер и было недоступно массам простых работников [8]. В этом можно усмотреть будущее разделение на тех, кто создаёт и внедряет в нашу повседневную жизнь технологии на основе продвинутых и высокоспециализированных научных знаний, и тех, кто лишь использует их, не понимая смысла и принципов их функционирования, сам становится их «деталью». Ясно, что именно этим первым и принадлежит реальная власть над ресурсами и людьми в различных аспектах их производственной и частной жизни.

При этом соединение интеллектуальных, организационных и политических

ресурсов в руках элит порождает у них ощущение не просто превосходства над остальными классами, но, как отмечает Л. Мамфорд, «иллюзии всезнания и всемогущества – немедленного или ожидаемого». Безграничная вера в возможности техники в современном обществе порождает технократические дискурсы, в своих интенциях соответствующих верованиям бронзового века во всемогущество магии и обрядов – тоже своего рода «технологий» воздействия на внешний мир [6]. Во всех проблемах человечества здесь видят проблемы технического развития и в технократических свершениях предлагают искать и пути их решения. При этом всё, что препятствует техническому прогрессу или хотя бы ставит под сомнения его возможности, безусловно, осуждается и отрицается, а все человеческие, социальные, культурные институты и ресурсы воспринимаются исключительно с точки зрения полезности для его осуществления [11].

Однако, как подчеркивает Л. Мамфорд, «такая власть, чтобы процветать на своих собственных основаниях, должна разрушить симбиотические кооперации между всеми видами и общностями, существенными для человеческого выживания и развития [6]. То есть, прежде чем люди объединятся с помощью технических устройств, они должны быть изъяты из практически всех систем их естественных социальных связей (общин, семей, сетей дружеских, конфликтных, властных и т. п. отношений) и помещены в по-новому структурированные и отформатированные системы связей. Так работники на строительстве древних культовых и ирригационных сооружений, рабочие мануфактур и фабрик нового времени, а затем индустриальных предприятий временно или навсегда покидали привычные социальные условия для того, чтобы превратиться в «живую деталь» новой производственной машины. Традиционные нормы, ценности, все правила, на которые ориентируются люди в привычных жизненных мирах, соответственно, заменялись другими, определяющими и структурирующими участие в опосредованных техникой социальных

практиках. Это позволило некоторым исследователям утверждать, что у ориентированных на технику социальных групп, прежде всего у промышленных рабочих, нет социальной памяти и общей идентичности, и именно в этом видеть сущность отчуждения в капиталистическом обществе [14, гл. 7]. Правда, со временем они могли обрести и новые социальные и культурные идентичности помимо чисто технологических, как рабочий класс капиталистических обществ XIX – начала XX вв. **вырабатывал представления** об общности интересов, солидарности и совместной борьбе за свои права.

Принципиальной особенностью древних Мегамашин, проявляющейся и в современных социотехнических системах, стала их ориентация на контроль, порядок, предсказуемость действий людей, что неизбежно приводило к «регламентации и деградации некогда независимой деятельности человека: так впервые возникли “массовая культура” и “руководство массами» [8]. Самостоятельная, творческая, оригинальная работа, ориентированная непосредственно на другого человека, на солидарность и эмпатию, на природу и Космос, стала объектом манипуляций со стороны внешних сил, господствующих над живыми людьми. В отличие от теории отчуждения К. Маркса, здесь речь идёт не о капитале и погоне за прибылью, точнее, не только о них. Источником внешнего контроля и принуждения может быть и государство, ориентированное на экспансию и господство, и символическая власть духовных – религиозных, идеологических элит, но воплощает их в жизнь именно технология господства, реализованная посредством технических устройств. Ибо для того, чтобы сложная техника эффективно выполняла свои функции, ей должны соответствовать свойства человека, управляющего и управляемого техникой. Поэтому использование технических устройств – простых или сложных, движимых разными источниками энергии, предназначенных для различных целей, – продуцирует сущностно сходный порядок работы людей, предполагающий их адаптацию к работе машины любой сложности в

едином пространстве-времени, темпе, ритме, настройке движений тела, ума, психики. К. Маркс и его последователи назвали такое положение дел *господством овеществленного труда над живым*. М. Фуко, рассматривая генезис и развитие дисциплинарной власти, в числе её источников называл мануфактуру и фабрику, использующие станки, и армию, применяющую оружие [13]. Рабочие на конвейерном производстве, например, в фординстской парадигме организации труда, подчиняются технологически принудительному ритму машин и машинному контролю за их деятельностью, становящейся внешней по отношению к их собственной воле, а воин вынужден приспосабливаться к наиболее эффективным способам использования оружия.

Как подчеркивает Л. Мамфорд, «машинную работу может выполнять только машина», т. е. у работников для того, чтобы стать деталями Мегамшины, должны сформироваться соответствующие качества, близкие к рефлексам, отвечающим на приказ, инструкцию, требование технического задания, и при этом «безгранично терпеливые» [8]. Так, руководитель созданного в СССР в 1920 г. Центрального института труда А. К. Гастев писал о новом типе работнике, которого необходимо воспитать для массового индустриального производства, как об особом «скоростном человеке», ориентированном на машину, потому что «ушло безвозвратно время, когда можно было говорить о «свободе» рабочего по отношению к машине, а тем более по отношению к предприятию в целом» [2, с. 170–171]. Советскую систему организации производства вполне устраивало обезличивание машинного труда и его господство над живым человеком.

Следует обратить особое внимание на трансформации социального времени в связи с появлением Мегамашин и развитием техники: они утрачивают человеко-соразмерный характер. Социальное время является, как известно, продуктом человеческих практик, однако если эти практики определяются применением техники и машиноподобных социальных технологий, то

и они отчуждаются от людей и общества. Время в сообществах, ориентированных на обезличенные, чуждые человеческой природе, технически принудительные ритмы и скорости, соотносится с технологическими и производственными циклами, обращением денег, рыночной конъюнктурой, задачами, поставленными властью, к которым должен адаптироваться человек. Даже когда эти отчуждённые ритмы становятся более свободными и произвольными, человек обретает лишь новый уровень сложности в адаптации к ним: он вынужден, например, не стремиться занять вовремя свое место у конвейера или за рабочим столом, а выполнить необходимые функции на условиях самоорганизации и самодисциплины, диктуемой, в конечном счёте, теми же внешними, принудительными темпоритами. Ибо цель – не устранить зависимость человека от машин, а ещё шире – от машинного труда, а сделать её более эффективной, исключив любую деятельность, которая «в процессе производства не может быть превращена в прибыль» [7].

Чёткая регламентация, повторяемость, предсказуемость и контролируемость рассматривается представителями технократических элит в качестве не только важнейшего условия функционирования современных социотехнических систем и всего современного массового общества. Они определяются как благо для человека, который ими избавлен от интеллектуального и психологического напряжения принятия самостоятельных решений, несения ответственности за их риски, вообще от непредсказуемости и нестабильности жизни в сложных и быстро развивающихся обществах [6].

Поэтому одной из важнейших проблем, возникающих, по мнению Л. Мамфорда и других исследователей, в связи с всё более интенсивным внедрением в производство и повседневную жизнь разнообразной техники, заменяющей человека и дополняющей его естественные возможности, стало *обеднение реальных функций и возможностей самого человека*: «что в действительности останется от человеческой

жизни, если одна автономная функция за другой или захватываются машиной или хирургически уничтожаются и, возможно, генетически изменяются, чтобы соответствовать Мегамашине» [8]. Действительно, освобождённый от необходимости овладеть многими ранее нужными умениями и навыками, знаниями и практиками, не стал ли человек технической эры более беспомощным и слабым, чем его не имеющий такой поддержки предшественник? Как известно, еще в диалоге Платона «Федр» был поставлен вопрос о том, не утратится ли способность людей *помнить* после того, как они массово осваивают письменность. С тех самых пор подобные вопросы задаёт себе человечество после распространения каждого технического и технологического нововведения. Гуманистически ориентированные социальные мыслители встали на позиции критики технократии именно из-за озабоченности её влиянием на человеческую природу, на снижение многообразия и богатства возможностей и практик самого человека без технических посредников [1]. Освобождение человека от работы, труда, в социальном смысле этого понятия, от необходимости творить и вкладывать свои интеллектуальные и духовные, эмоциональные ресурсы в разнообразные практики является не благом для него, а наносит непоправимый вред его природе.

Рассмотрим подробнее результаты применения идей Л. Мамфорда о влиянии машин на развитие человека и общества для концептуализации непреднамеренных социокультурных последствий цифровизации как нового этапа технического прогресса.

Концептуализация непреднамеренных социокультурных последствий цифровизации с позиций подхода Л. Мамфорда

Современный процесс цифровизации справедливо рассматривают как новый этап модернизации, обусловленный распространением принципиально новых технологий, меняющих не только производственные, коммуникационные и про-

чие связанные с ними практики (образовательные, потребительские, досуговые и т. д.), но и общество, и человека. В этой связи взглянем на опутанный цифровой паутиной мир как на новейшую Мегамашину, которая на новый лад воспроизводит, иногда в сильно трансформированном виде, свойства социальности, порождённые своей древней предшественницей. Какие эвристические возможности для анализа непреднамеренных последствий развития цифровых технологий представляет концепция Мамфорда?

Глобальные цифровые сети объединили людей, нередко помимо их воли, в причудливые системы связей, которые лишены присущих Мегамашине Мамфорда иерархий и структуры, единого центра, общих целей, разделения функций и ролей, единой логики развития. «Социальным прообразом», который предшествует созданию любой Мегамшины в случае цифровых машин, являются коммуникации, экономические и информационные обмены, процессы обработки информации и принятия решений на её основе. Как отмечает Мамфорд, заставший становление и распространение информационных и телекоммуникационных технологий, они ориентированы на то, чтобы «совладать с огромностью» глобального пространства-времени, в котором мы вынуждены существовать. Побочным эффектом их развития является рост объёма информации и скорости её движения, а также всех возможных видов связей и коммуникации. Американский учёный полагал, что эти гигантские объёмы не соответствуют реальным потребностям общества в них, а являются продуктом развития самих технологий [7].

Таким образом, если Мегамашина, описанная Мамфордом, предполагала экономию и использование труда, то цифровые машины предусматривают коммуникации и информационные обмены, которые становятся социальными и экономическими ресурсами. В социальном плане они, в отличие от Мегамшины, актуализируют не иерархические отношения с внешним

локусом контроля, а горизонтальные сети с внутренним локусом контроля. Они не подразумевают в большинстве своём скоординированных коллективных усилий, при которых каждый участник сети должен был бы превратиться в деталь гигантского механизма и работать для него. Однако есть как минимум три оговорки, все-таки актуализирующие образ новой, гибкой и «текучей» (З. Бауман) Мегамашины.

Во-первых, существует общая логика цифровых машин, логика лежащих в их основе формальных алгоритмов, как правило, не рефлекслируемых обычными пользователями, но латентно задающих правила их взаимодействий. Здесь цифровые коммуникации становятся внешней по отношению к их участникам средой, которой передаются волевые, организационные, отчасти и интеллектуальные качества людей. Поэтому выбор и соблюдение норм и правил социальных отношений остаётся принудительным, но при этом неосознанным, актуальным, неочевидным, поскольку эти нормы и правила являются встроенным элементом цифровых сетей. Деформализация установленных цифровых правил уже невозможна, поскольку она вела бы к деградации всей системы. Исследования показывают, что в цифровых взаимодействиях люди меньше задумываются о соблюдении этических норм, чем в реальных, как вследствие их большей обезличенности, так и возможности переложить ответственность за собственное поведение на внешних регуляторов, например, модераторов сообществ [12, с. 374–379].

Во-вторых, использование цифровых устройств (подключение к ним в современном мире принимает принудительный характер, но не в силу внешнего давления, а вследствие их безальтернативности в целом ряде форм социальных, в т. ч. институционализированных, взаимодействий), сама доступность которых определяется наличием цифровых компетенций и соответствующих устройств. Большинство производственных, финансовых, административных, образовательных, социаль-

но-обеспечительных, коммуникативных практик опосредуется цифровыми технологиями, что приводит к эксклюзии тех, кто ими не владеет или сознательно не хочет пользоваться. Более того, даже независимо от своей воли человек обретает «электронного двойника» в виде «следов» повседневных покупок, получения социальных, медицинских, образовательных услуг, уплаты налогов и штрафов и т. д. Таким образом, избежать подключения к цифровым сетям современный человек, ведущий полноценную социальную жизнь, уже в принципе не может.

В-третьих, в определённых условиях цифровые машины берут на себя функции принятия решений на основе обработки большого объёма информации, а также управления, в случае, например, IoT, «интернета вещей» и «искусственного интеллекта», получающего распространение уже не только на производстве, но и в сферах финансов, логистики, энергетики, а также потенциально в административном и государственном управлении и прочих сферах жизни. Таким образом, на уровне «Общества 5.0» возникает новая ипостась Мегамашины, способной принимать решения и организовывать жизнь людей на основе, возможно, наиболее эффективных и рациональных, но всё же внешних, по отношению к их собственной воле и разуму, знаний.

«Текущий» характер новой Мегамашины определяется тем, что для включения в опосредованные цифровыми машинами взаимодействия важно не овладеть их жёсткими алгоритмами, а научиться адаптироваться к многообразию возможных благодаря им решений. Как технологические, так и социокультурные нормативные образцы не являются однозначными и линейными, а требуют выбора из многих доступных вариантов действий, которые постоянно переопределяются и задаются дискурсивно, предполагая не вполне предсказуемый результат.

При создании Мегамашин особую роль играли элиты – носители знания о целях их создания и принципах функциониро-

вания. Цифровые технологии, доступные в повседневном использовании, имеют сложную машинную и программную основу, овладение которой для простого пользователя невозможно, и для него действие цифровых устройств, по меткому наблюдению Умберто Эко, всё больше напоминает магию. В таком случае технические элиты цифрового общества, характеризующиеся М. Кастельсом как технократия [5, с. 52], действительно обладают «эзотерическим» знанием. Однако их особенность состоит в том, что ещё до превращения цифровых технологий в профессию, т. е. в 1960–80-х гг., среди них получили распространение убеждения о недопустимости ограничения доступа к информации о технических новинках, переросшие в деятельное неприятие бюрократических ограничений на доступ к любой информации. На этой основе формировалась субкультура *хакеров* – высокопрофессиональных программистов, утверждающих принцип заинтересованного и творческого отношения к жизни, самореализации как ценности, исповедующих либертарианские взгляды и настаивающих на принципиальной открытости информации, в первую очередь, технической [3, с. 57–59, 61]. Этим они принципиально отличались от традиционных элит, стремящихся к сохранению закрытости «тайных» знаний.

Если Мегамашина и построенные под её воздействием социальные связи и отношения предполагали выстраивание жёстких иерархий, соответствующих позиций по отношению к целеполагающему и управляющему центру, который опирался на «эзотерические» знания, то цифровизация актуализирует новые типы вертикальных взаимодействий. Технократические элиты, как мы видели на примере субкультуры *хакеров*, могут бросить вызов властным и силовым центрам, стремящимся к закрытости и использующим высокие технологии. В этом смысле цифровая сеть представляет собой переплетение горизонтальных и вертикальных связей разных типов, как отмечал ещё М. Кастельс, она создаётся одновременно целенаправленными усилиями технократи-

тократических элит, где авторитет определяется реальными достижениями в области цифровых технологий, властных центров и обычных пользователей. Среди последних происходит переформатирование множества социокультурных иерархий по цифровому, т. е. формальному принципу.

Как мы видели выше, создание Мегамашин и использование сложной техники предполагали разрыв примордиальных и близких социальных связей, изъятие человека из привычного жизненного мира и подчинение принципам технически обусловленной деятельности. Это характерно и для цифровых технологий, но на качественно новом уровне. Они позволяют человеку освободиться от принудительности производственной и любой другой технической навязанной дисциплины, некоторые категории работников получают возможность выполнять свои функции, не присутствуя на рабочем месте, удалённо решать разнообразные административные, управленческие, образовательные и прочие вопросы. На первый взгляд, это освобождает от необходимости разрыва с привычной и желательной средой, с родной группой: не человек подстраивается под внешний для него ритм труда, а подстраивает его под свои потребности, например, известный феномен «цифрового номадизма» [15] предполагает совмещение удалённой работы с путешествиями и другими активными перемещениями. Однако более глубокий анализ заставляет принимать во внимание, что включения в цифровые сети, тем более не повседневные и добровольные, а рабочие и обусловленные трудовой необходимостью при всей их возможной гибкости, все же предполагают сильную зависимость работника от современных высокоскоростных устройств, обеспечивающих бесперебойное присутствие в сети с достаточной скоростью, и соблюдение прочих технических требований для удалённой работы, т. е. уже не внешне-принудительно, а сознательно и целенаправленно подчинять свою жизнь, её распорядок, логике цифровых посредников.

При этом ломаются сложившиеся в условиях индустриального общества способы социального конструирования времени

и пространства. У современного человека уже нет необходимости встраиваться в жёсткую схему противопоставления рабочего и свободного времени, чёткого деления пространства по его функциональному назначению, зависимости от времени, необходимого на преодоление пространства (от дома до работы, до мест встречи с друзьями, родными и т. д.). Благодаря цифровым машинам происходит смешение и даже уничтожение привычных пространственно-временных практик. Время труда уже не отделено от времени досуга, дом и любая другая локация легко превращается в рабочее место, а расстояния уничтожаются при передаче цифровых сигналов, позволяющих взаимодействовать в реальном времени [4, с. 341, 402–404]. Однако опосредованные цифровыми машинами взаимодействия требуют новые, более тонкие способы конструирования социального пространства, связанные с включением практик в различные социальные поля (П. Бурдьё) – бизнеса и потребления, профессии и хобби, политики, идеологии, науки, массовой культуры и т. д. Эти условные, сконструированные в реальном и виртуальном пространствах поля становятся фактором структурирования социальных отношений в цифровой реальности, хотя и способствуют «смешению поведенческих кодов» [4, с. 341, 353].

В индустриальном обществе изъятый из традиционной среды работник находил новые формы классовой солидарности на производстве, т. е. машинный труд не полностью устранял, а переформатировал социальные отношения. Цифровые бизнес-платформы предоставляют новые возможности занятости на любых условиях, в т. ч. уже описанной выше удалённой, «гибкой», краткосрочной работы под конкретный проект и даже отдельное задание. Формирующийся на этих основаниях «гиг-капитализм» способствует фрагментации класса наёмных работников, лишая их возможности объединяться для защиты своих интересов, ослабляет их позиции в противостоянии работодателям [10]. В то же время появляются новые форматы со-

циальной мобилизации, которые позволяют объединяться для демонстрации протеста разного типа, однако эти активные, но не имеющие единой идеологии, чётко сформулированных целей, программы, организации, иерархии, поэтому быстро затухающие массовые протесты не представляют пока функциональной альтернативы институционализированному профсоюзному движению.

Изъятию человека из первичных сообществ с близкими социальными связями способствуют также его вовлечение в социальные сети, разного рода интернет-сообщества, в т. ч. и игровые, как повод и возможность уйти в «виртуальную реальность». В отличие от техники и Мегамашин прошлого, это происходит не в ограниченном времени-пространстве производственных, военных и т. п. институтов, а во всём разнообразии повседневных практик.

Меняется и смысл дисциплины и дисциплинарной власти, которая теперь основывается не столько на сознательном и целенаправленном подчинении и тонкой настройке *действий* на внешние принуждающие факторы – работу механизма, эффективное действие оружия и т. п., а на почти неосознанном следовании внутренним алгоритмам цифровых устройств. Возможно, именно поэтому цифровые общества осуществляют всесторонний контроль над практически всеми проявлениями жизни человека, неотвратимо отслеживая, фиксируя и даже наказывая любые нарушения предписаний. Появление «цифровых диктатур» с системами «социального рейтинга» связано уже не с контролем над действиями и функциями человека, как это было с дисциплинарной властью (М. Фуко), а с тотальным контролем *над самим человеком* в любых его проявлениях. Как и в условиях дисциплинарной власти он предполагает в качестве результата не только наказание для нарушителей, но и ранжирование и классификацию законопослушных по их навыкам в определённых видах деятельности. Но если по М. Фуко это происходит в соответствии с очевидными техническими требованиями «политэкономии тела»

в конкретной сфере [13, с. 201–202], то цифровой контроль основывается на непредсказуемых критериях внешних систем, представляющих власть, бизнес, организацию производства, социальные службы, средства массовой информации и многие другие институты современного общества, по-своему заинтересованные в человеке и стремящиеся его использовать. Попросту говоря, современный человек не знает кто, где, когда и зачем следит за ним и собирает о нём информацию, каким образом она будет использована, и к какой категории в классификации того или иного типа он будет отнесён.

Однако именно наличие информации, образующей «цифрового двойника», нередко служит основанием для вступления в социальные отношения, в т. ч. и в институционализованные. Поэтому люди сами заинтересованы не скрывать, а, напротив, предоставлять цифровым платформам разнообразные сведения о себе. Происходит размывание чётко обозначившихся и тщательно оберегаемых в индустриальную эру границ между приватным и публичным в жизни человека, что позволяет некоторым исследователям говорить о «конце приватности», который воспринимается не как потеря личного пространства, а как обретение новых возможностей.

Здесь возникает основание для новых парадоксов. Для Мегамашин прошлого характерно, как показал Мамфорд, обезличивание, деперсонализация используемого человеческого материала. На первый взгляд, цифровизация представляет беспрецедентные возможности для максимального выявления индивидуальных особенностей, личных интересов, вкусов, предрасположенностей каждого, кто вступает в опосредованные цифрой взаимодействия. Однако одновременно она предполагает и размывание идентичностей, и в этом смысле деперсонализацию. Например, интернет-коммуникации допускают сокрытие их участниками своей персоны под «ником», принятие чужих ролей, что минимизирует ответственность за содержание и форму высказываний, в т. ч. за

нарушения этических норм, нетерпимость, агрессию. Можно создать сколько угодно «цифровых двойников» и под их прикрытием включиться в самые разные, иногда диаметрально противоположные, ролевые сценарии. Наряду с людьми в коммуникации включаются «боты», создаваемые в целях повышения эффективности некоторых процессов в цифровом бизнесе, оптимизации коммуникативных пространств и т. п. Они создают иллюзии общения, подменяющие человеческие взаимодействия формально выстроенными вопросами-ответами, причём на таком высоком уровне, что возникает проблема их распознавания. Уникальная, неповторимая, целостная личность теряется в множестве «цифровых сущностей» (У. Бек).

Одна из важнейших проблем, связанных с распространением техники, видела Мамфорд и другим исследователям в том, что человеческие способности, функции, роли начинают передаваться машинам, обедняя тем самым природу самого человека. И сейчас достижения цифровых технологий в различных областях, вплоть до создания искусственного интеллекта, можно рассматривать как готовность переложить на цифровые машины и формальные алгоритмы человеческие умения и функции, вплоть до принятия решений в различных областях профессиональной и повседневной жизни, управления и образования, и даже творчества. У людей пропала необходимость запоминать, логически обрабатывать информацию. Педагоги констатируют распространение среди молодежи таких явлений, как «эффект Google» и «цифровое слабоумие» (*digital dementia*) [9, с. 308–311]. Цифровые устройства в повседневной жизни подменяют человеческие компетенции, открывая новые возможности (переводить тексты, не зная языка, и т. п.), но в то же время провоцируют обеднение интеллектуальных и культурных навыков людей. Поисковые машины, подбирающие информацию формально в соответствии с типичными запросами, постепенно формируют ограниченную и фрагментированную картину

мира при отсутствии смысловых доминант для её упорядочивания и рационализации.

Если в условиях создания «классических» Мегамашин прошлого, говоря языком К. Маркса, овеществлённый труд господствовал над живым, то в действующих цифровых машинах информация, социальные связи, коммуникации, интеллект, опредмеченные, а затем и овеществленные в символических системах и сложном оборудовании, начинают господствовать над живым интеллектом и реальными коммуникациями. Не случайно создание и повсеместное внедрение искусственного интеллекта является сейчас не столько технической, сколько этической и социальной проблемой. Цифровые технологии действительно могут в ближайшем будущем заменить человека во всех сферах деятельности, где только возможно заменить живой интеллект использованием формальных алгоритмов. Однако при колоссальной памяти и скорости обработки информации цифровые устройства анализируют её лишь формально, в основе их действия лежит сведение многообразия оценок социального и природного мира к количественным показателям, им недоступно эмоциональное, интуитивное восприятие, вследствие чего неформализуемые измерения социальных практик на массовом уровне утрачиваются. Напомним, что именно полноту бытия, включающую эмоциональные, эстетические, духовные начала, Мамфорд считал истоком развития техники. Поэтому именно «человеческое», т. е. иррациональное, интуитивное, становится особенно ценным в «цифровую эпоху», но уже как достояние профессиональных элит, в то вре-

мя как массовые уровни взаимодействий всё больше дегуманизируются.

Заключение

Концепция Мегамшины Л. Мамфорда, его идеи о связи техники с социумом и культурой, использованная в качестве теоретико-методологического подхода для анализа процессов цифровизации, обладает хорошим эвристическим потенциалом для концептуализации её непреднамеренных социокультурных последствий. Цифровизация как качественно новый этап расширения возможностей человека благодаря техническим инновациям, несомненно, представляет новый вызов для общества и самого человека. Чтобы продуктивно использовать эти технологии, а не стать их пассивным придатком, человек должен измениться сам, как это происходило во все эпохи технологических и промышленных революций. Идеи Мамфорда об обезличивании, деперсонификации, замене трудосбережения на потребление труда, изъятии человека из привычной социальной среды, трансформациях пространственно-временных конструктов и дисциплинарных практик в обществе, использующем сложные машинные технологии в индустрии и других сферах социальной жизни, позволяют увидеть непреднамеренные социокультурные последствия цифровизации, проявляющиеся как в преемственности характеристик обществ, ориентированных на технику, так и принципиально отличающие современность.

Статья поступила в редакцию 10.07.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. Человек и машина // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 147–162.
2. Гастев А. К. Как надо работать. М., 2011. 477 с.
3. Интернет в общественной жизни / пер. с англ. А. Смирнов. М.: Идея-Пресс, 2006. 157 с.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. М., 2000. 608 с.
5. Кастельс М. Галактика интернет. Екатеринбург, 2004. 328 с.
6. Мамфорд Л. Техника и природа человека // Гуманитарный портал : [сайт]. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3130> (дата обращения: 04.05.2020).
7. Мамфорд Л. Механический ритм жизни // Скепсис: научно-просветительский журнал : [сайт]. URL: http://scepisis.net/library/id_938.html (дата обращения: 04.05.2020).

8. Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества // Гуманитарный портал : [сайт]. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3115> (дата обращения: 04.05.2020).
9. Орлова Л. В. Интеллектуальная пассивность и цифровое слабоумие // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сборник / под общ. ред. Р. В. Ершовой. 2016. С. 308–310.
10. Платформенный капитализм: новый вызов для пролетариата // Марксистско-ленинское рабочее движение: [сайт]. URL: <https://work-way.com/blog/2017/11/09/platformennyy-kapitalizm-novyy-vyzov-dlya-proletariata/> (дата обращения: 04.05.2020).
11. Розин В. М. Философия техники [Электронный ресурс] // Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/6309> (дата обращения: 04.05.2020).
12. Цифровая культура: правила, ответственность и регуляция / Г. У. Солдатова, Е. И. Рассказова, С. В. Чигарькова, Е. Н. Львова // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сборник / под общ. ред. Р. В. Ершовой. 2018. С. 374–379.
13. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 383 с.
14. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 346 с.
15. Makimoto T., Manners D. Digital Nomad. Wiley, 1997. 256 p.
16. Mumford L. Technics and Civilization [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books?id=PU7PktesGUoC&pg=PA9&hl=ru&source=gbs_toc_r&cad=2#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 04.05.2020).

REFERENCES

1. Berdyayev N. A. [Man and Machine]. In: *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 1989, no. 2, pp. 147–162.
2. Gastev A. K. *Kak nado rabotat* [How You Should Work]. Moscow, 2011. 477 p.
3. Smirnov A., transl. *Internet v obshchestvennoi zhizni* [Internet in Public Life]. Moscow, Ideya-Press Publ., 2006. 157 p.
4. Kastels M. *Informatsionnaya epokha: Ekonomika, obshchestvo i kultura* [Information Age: Economy, Society and Culture]. Moscow, 2000. 608 p.
5. Kastels M. *Galaktika internet* [Internet Galaxy]. Yekaterinburg, 2004. 328 p.
6. Mumford L. *Technology and human nature* [Technology and Human Nature]. Available at: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3130> (accessed: 05.04.2020).
7. Mumford L. [Mechanical rhythm of life]. In: *Skepsis: nauchno-prosvetitel'skii zhurnal* [Skepsis: Scientific and Educational Journal]. Available at: http://skepsis.net/library/id_938.html (accessed: 05.04.2020).
8. Mumford L. *Mif mashiny. Tekhnika i razvitiye chelovechestva* [The Myth of the Machine. Technology and Human Development]. Available at: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3115> (accessed: 05.04.2020).
9. Orlova L. V. [Intelligent passivity and digital dementia]. In: Yershova R. V. *Tsifrovoe obshchestvo kak kulturno-istoricheskii kontekst razvitiya cheloveka* [Digital Society as a Cultural and Historical Context of Human Development], 2016, pp. 308–310.
10. *Platformennyy kapitalizm: novyy vyzov dlya proletariata* [Platform capitalism: a new challenge for the proletariat]. Available at: <https://work-way.com/blog/2017/11/09/platformennyy-kapitalizm-novyy-vyzov-dlya-proletariata/> (accessed: 05.04.2020).
11. Rozin V. M. *Filosofiya tekhniki* [Philosophy of Technology]. Available at: <https://gtmarket.ru/library/articles/6309> (accessed: 05.04.2020).
12. Soldatova G. U., Rasskazova E. I., Chigarkova S. V., Lvova E. N. [Digital culture: rules, responsibilities and regulation]. In: Yershova R. V., ed. *Tsifrovoe obshchestvo kak kulturno-istoricheskii kontekst razvitiya cheloveka* [Digital Society as a Cultural and Historical Context of Human Development], 2018, pp. 374–379.
13. Foucault M. *Nadzirat i nakazyvat. Rozhdenie tyurmy* [Discipline and Punish. The Birth of the Prison]. Moscow, Ad Marginem Publ., 1999. 383 p.
14. Halbwachs M. *Sotsialnye ramki pamyati* [On Collective Memory]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2007. 346 p.
15. Makimoto T., Manners D. Digital Nomad. Wiley, 1997. 256 p.
16. Mumford L. Technics and Civilization. Available at: https://books.google.ru/books?id=PU7PktesGUoC&pg=PA9&hl=ru&source=gbs_toc_r&cad=2#v=onepage&q&f=false (accessed: 04.05.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зарубина Наталья Николаевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии Московского государственного института международных отношений МИД Российской Федерации (МГИМО);
e-mail: n-zarubina@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalya N. Zarubina – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Sociology, MGIMO University;
e-mail: n-zarubina@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Зарубина Н. Н. Теоретические основания анализа непреднамеренных социокультурных последствий развития цифровых технологий: актуализация подхода Л. Мамфорда // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки*. 2020. № 3. С. 85–97.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-85-97

FOR CITATION

Zarubina N. N. The Theoretical Bases for the Analysis of Unintended Sociocultural Consequences of the Development of Digital Technologies: Updating L. Mumford's Approach. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2020, no. 3, pp. 85–97.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-85-97

УДК 168

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-98-103

ИСТИННОСТЬ МЕТАТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В НАУКЕ

Лебедев С. А.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. Проанализировать проблему критериев истинности метатеоретического уровня научного знания.

Процедура и методы. С помощью метода реконструкции выделены и кратко описаны основные структурные единицы метатеоретического знания в науке: парадигмальные теории, научная картина мира, идеалы и нормы научного исследования, философские основания науки. Проанализирована специфика содержания и функций каждой из этих единиц. Одним из важных следствий этой специфики является отсутствие единообразного критерия истинности для разных единиц метатеоретического знания в науке.

Результаты. Показана многокомпонентная структура критериев истинности различных элементов метатеоретического знания. Общей составляющей этих критериев является наличие консенсуса дисциплинарного сообщества соответствующей области науки.

Теоретическая и / или практическая значимость состоит в разработке более конкретной, чем имеется в современной методологии науки, теории истинности метатеоретического уровня знания в науке.

Ключевые слова: уровень научного знания, метатеоретическое знание, научная истина, критерии истинности метатеоретического знания, научный консенсус

THE METATHEORETICAL SCIENTIFIC KNOWLEDGE TRUTH

S. Lebedev

*Lomonosov Moscow State University
1-13, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

Abstract.

Aim. The article aims at analyzing the problem of truth of metatheoretical level of scientific knowledge.

Methodology. With the help of the reconstruction method, the main structural units of metatheoretical knowledge in science are identified and briefly described: paradigm theories, scientific picture of the world, ideals and norms of scientific research, philosophical foundations of science. The specificity of the content and functions of each of these units is analyzed. One of the important consequences of this specificity is the absence of a uniform criterion of truth for different units of metatheoretical knowledge.

Results. The multicomponent structure of the criteria of truth of various elements of metatheoretical knowledge is shown. A common component of these criteria is the consensus of the disciplinary community of the relevant field of science.

Research implications consists in the development of a more specific theory than is available in the modern methodology of science, the theory of truth of the metatheoretical level of knowledge in science.

Keywords: scientific knowledge level, metatheoretical knowledge, scientific truth, criteria of the truth of metatheoretical knowledge, scientific consensus

Введение

Метатеоретический уровень научного знания является самым общим в когнитивной структуре науки. Его предмет – научные теории (как феноменологические, так и трансцендентальные), а цель – проверка и обоснование конкретных научных теорий на их соответствие как содержанию общепринятых фундаментальных (парадигмальных) теорий, так и содержанию общенаучного и философского знания [1].

В структуру метатеоретического уровня научного знания входят:

- наиболее общие (парадигмальные) в определённой области науки научные теории;
- научные картины мира (частнонаучные и общенаучные);
- идеалы и нормы научного познания (частнонаучная и общенаучная методология);
- философские основания науки (как различных её областей, так и парадигмальных теорий).

Каковы критерии истинности метатеоретического уровня научного знания? Существует ли для всех его структурных элементов единый критерий истинности или эти критерии разнятся и зависят от содержания и познавательных функций каждого элемента? Какова структура каждого из критериев истинности? Является ли истинность однокомпонентной или многокомпонентной? Если имеет место последнее, то существует ли некая общая компонента у критериев истинности разных элементов метатеоретического знания [2] ?

Истинность парадигмальных научных теорий

Парадигмальные научные теории являются общепринятыми фундаментальными теориями в определённой области науки. В истории науки такими теориями были:

- в математике – евклидова геометрия и классическая теория множеств;
- в физике – аристотелевская механика, классическая механика Ньютона,

классическая электродинамика, классическая термодинамика;

- в биологии – теория биологической эволюции Дарвина, классическая генетика;
- в политэкономии – классическая политэкономия Смита-Рикардо;
- в социологии – общая социология Вебера и социология науки Мертона;
- в теории общества – теория общественного договора, теория общественно-экономических формаций и др.

В современной науке такими теориями являются:

- в математике – теория абстрактных структур, конструктивная математика;
- в физике – теория относительности, квантовая механика и синергетика;
- в биологии – синтетическая теория эволюции, молекулярная биология;
- в теории общества – концепция многофакторной детерминации с изменяющимся весом факторов;
- в антропологии и психологии – теория многомерной природы и сущности человека и др.

Наличие у парадигмальных теорий определённых свойств – непротиворечивость, простота основных понятий и принципов, методологическая правильность построения, значительная объяснительная и предсказательная сила, теоретическая плодотворность в развитии научного знания и его практических приложениях – является необходимой частью структуры критерия их истинности [4]. Необходимой, но недостаточной. В полную структуру критерия истинности парадигмальных теорий входит также консенсуальное решение дисциплинарного научного сообщества о действительном наличии у рассматриваемой парадигмальной теории данных свойств. Вопреки мнению Т. Куна [3], принятие такого решения не имеет гештальтного характера, а занимает у научного сообщества весьма значительное время (иногда десятилетия). Оно вырабатывается в процессе столкновения позиций приверженцев старой и новой парадигм, интенсивных когнитивных коммуникаций членов на-

учного сообщества через журналы, в ходе обсуждения на научных симпозиумах и конференциях, в учёте позиций ведущих учёных в данной области науки [5].

Истинность научной картины мира

В структуре метатеоретического уровня знания научные картины мира играют важную роль. Это наиболее общий уровень онтологического знания в науке, ещё более общий, чем онтологическое содержание отдельных парадигмальных теорий. При этом существуют два вида научных картин мира: частнонаучные и общенаучные. Первые являются наиболее общим видом онтологического знания в различных областях науки и отдельных науках (естественнонаучная, социальная, физическая, химическая, биологическая, геологическая картина мира, общее знание о структуре и сущности человека и др.). Общенаучные картины мира являются обобщением, синтезом и репрезентацией всего научного знания определённого исторического периода её развития (картина мира античной науки, средневековой науки, классической науки, неклассической науки, постнеклассической науки). В силу различия содержания и методов построения частнонаучной и общенаучной картины мира критерии их истинности также отличаются друг от друга.

Для частнонаучной картины мира критерием её истинности является наличие у неё следующих свойств:

- плодотворность в плане объяснительной, конструктивной и синтетической функции по отношению к имеющемуся массиву теоретического знания в соответствующей науке или области науки (этот критерий имеет ярко выраженный прагматический характер);
- внутренняя непротиворечивость, а также согласие с господствующей в науке данного периода общенаучной картиной мира (данный критерий имеет консенсуальный характер, субъектом которого является либо дисци-

плинарное научное сообщество, либо сообщество учёных в целом);

- мировоззренческая значимость данной частнонаучной картины мира (критерий также имеет консенсуальную природу).

Критерием истинности общенаучной картины мира является наличие у неё следующих свойств:

- 1) предельно общий характер её онтологии по отношению к совокупности всех научных теорий и частнонаучных картин мира определённого исторического этапа развития науки;
- 2) внутренняя непротиворечивость и согласие с содержанием большинства парадигмальных теорий и частнонаучных картин мира данного периода развития науки;
- 3) большая эвристическая сила как фактора развития научного знания;
- 4) опора на рациональные философские онтологии и концепции;
- 5) мировоззренческая и общекультурная значимость.

Очевидно, что решение научного общества о наличии у той или иной общенаучной картины этих свойств не только имеет консенсуальную природу, но является открытым для дальнейших изменений.

Истинность идеалов и норм научного познания

Идеалы и нормы научного познания также являются элементами структуры метатеоретического знания в науке. Они играют функцию методологических стандартов и правил получения и обоснования научного знания [6]. Среди этих стандартов следует различать два вида – частнонаучные и общенаучные идеалы и методы. В истории науки их содержание обычно зафиксировано в представлениях о научной рациональности в науке в целом (общенаучная рациональность) либо в отдельных областях науки (отраслевая рациональность: математическая, естественнонаучная, социально-гуманитарная, техническая) [7]. Экспликация

или развёртка содержания общенаучных и частнонаучных идеалов и норм научного исследования осуществляется соответствующим образом как в общенаучной методологии, так и в частнонаучных (или отраслевых) методологиях.

Методы науки – главный предмет методологии научного познания. Методология научного познания описывает цели и правила научно-познавательной деятельности как деятельности особого рода. Соответственно, проблема истинности идеалов и норм научного познания – это проблема критериев истинности методологического знания в науке.

Сущность научно-познавательной деятельности может быть кратко определена как деятельность по получению и обоснованию научного знания как знания особого рода, качественно отличного по своим свойствам от других видов знания (обыденного, практического, философского, художественного, религиозного, философского и др.). В методологии науки проблема специфики научного знания, его качественного отличия от других видов знания известна как «проблема демаркации научного знания». То или иное её решение осуществляется путём описания системы необходимых свойств научного знания.

Анализ истории науки, а также её методологии убедительно свидетельствует, что ни в истории реальной науки, ни в её методологической рефлексии никогда не существовало общезначимого решения данной проблемы [4]. Такое положение дел было обусловлено не только различными эпистемологическими предпочтениями учёных (например, эмпиристскими или рационалистическими), но и сложной, диалектически противоречивой структурой самого научного знания, состоящего из качественно различных областей научного знания: математики и логики, естествознания, социально-гуманитарных наук, технических наук, эмпирического научного знания, научных теорий и др. Очевидно, что разные по содержанию и форме виды научного знания не могут быть получены с помощью одних и тех же методов и

средств. Но, правда и то, что это отнюдь не отменяет требования общего определения научного знания и его необходимых свойств, которые должны присутствовать у любого вида научного знания, независимо от его содержания, как характеристик, отличающих его от всех других видов человеческого знания [5].

Определение необходимых свойств научного знания в целом, а также его различных видов образует основное содержание такой методологической проблемы как научная рациональность. На наш взгляд, любое решение этой проблемы, даже при его серьёзной опоре на анализ реальной науки и её истории, неизбежно будет иметь консенсуальный характер, т. к. всегда будет определённой рациональной реконструкцией реальной научно-познавательной деятельности [8]. Эта реконструкция всегда будет применением к реальной науке некоторого методологического идеала, реализуемого на практике (как и любой эталон) лишь частично и приближенно. Конструируется же тот или иной методологический эталон в философии на основе общего понимания смысла и целей научной деятельности.

Философия как наиболее общий вид знания и мышления не может не быть не плюралистической, формулируя, развивая, сравнивая и оценивая логически возможные альтернативы решения любых философских проблем.

Полипарадигмальность философии – неизбежное следствие природы философского познания. Основными конкурирующими парадигмами в области философии и методологии науки являются эмпиризм, априоризм и конструктивизм. Они не совместимы и не соизмеримы друг с другом, ибо их исходные положения (аксиоматика) логически противоречат друг другу. Предпочтение же одной из них – всегда результат либо индивидуального выбора конкретного учёного, либо консенсуального решения научного сообщества, отражающего, как правило, позицию его лидеров.

Выводы

1. Предметом метатеоретического уровня научного познания являются отдельные научные теории, а его целью – оценка научных теорий с т. зр. их соответствия стандартам научной рациональности, общепринятым в науке определённой эпохи идеалам и нормам научного исследования, общенаучной и частнонаучной картинам мира, эмпирической и логической обоснованности, объяснительной и предсказательной силы, универсальности, истинности.

2. Метатеоретическое знание является предельно общим уровнем знания в науке, его важной задачей является рефлексив-

ный анализ собственного содержания и его истинности.

3. Разные структурные единицы метатеоретического уровня знания имеют не только различное содержание и познавательные функции, но и разные критерии своей истинности. Все эти критерии являются многокомпонентными.

4. Общей компонентой всех этих критериев истинности является то, что решающая роль при решении проблемы истинности любой структурной единицы метатеоретического знания принадлежит научному консенсусу соответствующего дисциплинарного научного сообщества.

Статья поступила в редакцию 10.07.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вейнгартнер П. Фундаментальные проблемы научной истины. М.: РОССПЭН, 2005. 346 с.
2. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. 699 с.
3. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2009. 310 с.
4. Лебедев С. А. Методы метатеоретического уровня научного познания // Известия Российской академии образования. 2018. № 3 (47). С. 5–32.
5. Лебедев С. А. Научный метод: история и теория. М.: Проспект. 2018. 448 с.
6. Лебедев С. А. Роль индукции в процессе функционирования современного научного знания // Вопросы философии. 1980. № 6. С. 87–95.
7. Лебедев С. А. Единство естественнонаучного и социально-гуманитарного знания // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2010. № 2 (18). С. 5–10.
8. Лебедев С. А. Консенсуальная природа научных истин // Известия Российской академии образования. 2018. № 2 (46). С. 5–12.

REFERENCES

1. Veingartner P. *Fundamentalnye problemy nauchnoi istiny* [Fundamental Problems of Scientific Truth]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2005. 346 p.
2. Gadamer K.-G. *Istina i metod* [Truth and Method]. Moscow, Progress Publ., 1988. 699 p.
3. Kun T. *Struktura nauchnykh revolyutsii* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow, AST Publ., 2009. 310 p.
4. Lebedev S. A. [Metatheoretical methods of scientific knowledge]. In: *Izvestiya Rossiiskoi akademii obrazovaniya* [News of the Russian Academy of Education], 2018, no. 3 (47), pp. 5–32.
5. Lebedev S. A. *Nauchnyi metod: istoriya i teoriya* [Scientific Method: History and Theory]. Moscow, Prospekt Publ., 2018. 448 p.
6. Lebedev S. A. [The role of induction in the operation of modern scientific knowledge]. In: *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 1980, no. 6, pp. 87–95.
7. Lebedev S. A. [The unity of science, social and humanitarian knowledge]. In: *Novoe v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh* [New in Psychological and Pedagogical Research], 2010, no. 2 (18), pp. 5–10.
8. Lebedev S. A. [The consensual nature of scientific truths]. In: *Izvestiya Rossiiskoi akademii obrazovaniya* [News of the Russian Academy of Education], 2018, no. 2 (46), pp. 5–12.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лебедев Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник философского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
E-mail: saleb@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey A. Lebedev – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Leading Researcher, Department of Philosophy, Lomonosov Moscow State University;
E-mail: saleb@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лебедев С. А. Истинность метатеоретического знания в науке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 3. С. 98–103.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-98-103

FOR CITATION

Lebedev S. A. The Metatheoretical Scientific Knowledge Truth. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2020, no. 3, pp. 98–103.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-98-103

УДК 101.1

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-104-118

НЕКЛАССИЧЕСКАЯ НАУКА И СУБЪЕКТИВИЗАЦИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ (ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПРИЧИН ПРЕВРАЩЕНИЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ НАУКИ В МИФОЛОГИЮ)

Сафонов А. Л.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Определить механизмы формирования научного знания.

Процедура и методы. Проведён анализ существующих концепций развития науки. Использовались методы сравнительного анализа.

Результаты. Исследование показало, что процесс познания в неклассической науке зависит от взглядов субъекта познания, который не отделяется от объекта. Они создаются под влиянием как научного знания, так и представлений других форм сознания. Вследствие этого парадигмы неклассической науки формируются на основе знаний классической науки, мифологических, магических и т. п. представлений, которые вносятся в процесс познания через индивидуальные и коллективные взгляды субъекта исследования. Неклассическая наука стала новой мифологией.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обоснована новая роль философии, которая заключается в создании оснований для формирования интерсубъектного знания в форме неоклассической науки.

Ключевые слова: классическая наука, неклассическая наука, постнеклассическая, наука, интерсубъектное знание, новая мифология, неоклассическая наука, наука и мифология

NON-CLASSICAL SCIENCE AND SUBJECTIVIZATION OF SCHOLARLY KNOWLEDGE (PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE REASONS FOR TURNING FUNDAMENTAL SCIENCE INTO MYTHOLOGY)

A. Safonov

Moscow Region State University

24, Very Voloshinoy ul., Mytitschi, 141014, Moscow region, Russian Federation

Abstract.

Aim. The article aims at determining the mechanisms for the formation of scientific knowledge.

Methodology. An analysis of existing concepts of the development of science was carried out. In the process of research, comparative analysis method was used.

Results. The study showed that the process of cognition in non-classical science depends on the views of the subject of cognition which is not separated from the object. They are created under the influence of both scientific knowledge and representations of other forms of consciousness. As a result, the paradigms of non-classical science are formed on the basis of knowledge of classical science, mythological, magical, etc., ideas that are introduced into the process of cognition through the individual and collective views of the subject of research. Non-classical science has become a new mythology.

Research implications. The new role of philosophy is justified, which is to create the grounds for the formation of inter-subject knowledge in the form of neoclassical science.

Keywords: classical science, non-classical science, post-nonclassical science, intersubjective knowledge, new mythology, neoclassical science, science and mythology

Введение

По мере своего развития перед обществом ставились всё более сложные задачи, обусловленные новыми способами сотрудничества с окружающей средой, процессами трансформации его внутренней структуры и взаимодействиями различных социальных и политических общностей. Сложность этих задач привела к тому, что для эффективного взаимодействия с реальностью ему стало не хватать уже существующих мифологических взглядов, магических практик и опыта обыденной жизни. Эта институционализируемая потребность обусловила появление новой формы коллективного сознания – науки, которая отличалась от других форм постижения мира тем, что позволяла выводить представления о реальности из уже существующего знания и на их основе давать новые инструменты виду *homo sapiens* для воздействия на окружающую среду. Несмотря на то, что этот феномен существует продолжительное время, научное сообщество не имеет единого взгляда на природу и сущность данного явления. Более того ни философия, ни другие дисциплины, которые его изучают, не могут определить предельные основания, раскрывающие сущность науки. Вследствие этого невозможно установить закономерности и направления её развития.

Чтобы выявить основные тенденции развития научного знания и формы, в которых оно существует, необходимо найти онтологические основания науки и раскрыть механизмы формирования этого вида знаний. Вследствие этого данная работа посвящена поиску глубинных механизмов, благодаря которым создаётся этот вид знаний.

Этапы развития научного знания и научной рациональности

Одна из самых распространённых классификаций современной науки основана на выделении двух периодов её развития. Первый период представляет собой *классическую науку*, которая развивалась в XVII–XIX вв. Второй – начался в первой половине XIX в. и характеризуется появлением *неклассической науки*. Иногда выделяют

еще одну фазу в развитии познавательной деятельности, которая началась во второй половине XX в. и продолжается до сих пор. Это этап *постнеклассической науки*.

В каждый период своего развития научное знание формировалось по-разному. Классическая наука стремилась максимально устранить воздействие свойств личности конкретного индивидуума на процессы исследования реальности. Отсутствие субъективности в научном познании окружающего мира рассматривалось как один из критериев истинности и объективности знаний.

Второй этап развития науки связан с возникновением таких теорий как теория относительности А. Эйнштейна, принцип неопределённости В. Гейзенберга и т. д., которые не укладывались в рамки классической науки. Неклассическая наука рассматривает реальность через экспликацию связей между знаниями об объекте и познающей деятельностью субъекта. «Переход от классической науки к неклассической заключался во вхождении субъекта познания в „тело“ знания в качестве его необходимого компонента. Изменилось понимание предмета науки: им стала теперь не реальность „в чистом виде“, а некоторый её срез, заданный через призму принятых теоретических и операционных средств и способов её освоения субъектом» [9]. Такой взгляд на действительность возник в то время, когда наука начала входить в качественно иное состояние. Она стала изучать явления, не связанные прямо с обыденным бытием и жизненным опытом. Объектами её исследования становятся «ненаблюдаемые сущности» [4, с. 108].

Природа многих изучаемых объектов неклассической наукой такова, что они не имеют аналогов среди сущностей, с которыми человек взаимодействует в мире своего реального бытия. В качестве примера можно привести объекты изучения квантовой механики. «Микрочастицы – объекты квантовой механики. И... они обладают такими, не имеющими аналогов в макромире, свойствами как корпускулярно-волновой дуализм, суперпозиция состояний – способность находиться сразу во всех возможных состояниях и т. д.» [4, с. 108].

Таким образом, мы воспринимаем микромир как совокупность взаимодействующих друг с другом неких сущностей, которые одновременно обладают теми свойствами, сочетание которых невозможно в объектах макромира. Исходя из этого, ни объекты микромира, ни связи, возникающие между ними, не имеют аналогов в реальном мире.

Особенность постнеклассического периода развития науки, как утверждает определённая часть исследователей, заключается в том, что на этом этапе система взглядов на реальность возникает на основе синтеза разрозненных знаний отдельных наук. Процесс создания научной картины мира идёт, опираясь, в частности, на идеи синергетики, теории саморазвивающихся систем и глобального эволюционизма. Данный период характеризуется включением в науку аксиологических ценностей, слиянием гуманитарных, естественнонаучных и технических знаний.

В соответствии с современными взглядами на науку, каждый из её этапов развития характеризуется своей системой методов, норм, образцов и правил познавательной деятельности, которая даёт возможность достичь истинности результатов познания. Эта система представляет собой одну из форм проявления сознания (в частности, так утверждает феноменология), которая получила название научной рациональности. Она изменяется по мере трансформации познавательной деятельности. Каждому из периодов развития науки соответствует свой тип рациональности. Соответственно, на каждом этапе её развития истинность знаний проверялась по-разному.

В классической науке, изучающей макромир, необходимость такой проверки привела к отделению субъекта от объекта исследования. Это определило появление характерного типа рациональности, при котором изучение окружающего мира «...предстает как познавательное отношение, в котором суверенный познающий разум (субъект) со стороны наблюдает и изучает объект в идеале недетерминированный ничем, кроме своей способности познавать свойства и сущность объектов» [10, с. 82].

Таким образом, человек и объект, который он изучает, онтологически являются частью одной и той же реальности. Тем не менее, с точки зрения гносеологии, в классической науке они являются различными сущностями. Такой взгляд на субъект и объект исследования привёл к появлению понятия «объективности», т. е. независимости в процессе познания феноменов и явлений от взглядов конкретного индивидуума.

Неклассическая наука возникла в результате развития научных представлений о другой реальности, отличной от мира нашего обыденного бытия. Процесс построения теорий, описывающих закономерности микромира, сильно отличается от создания макромира, объясняющих развития макромира. Он опирается на принципиально другие основания познавательной деятельности. Так, В. Гейзенберг, рассматривая основания квантовой механики, считал, что основной принцип её существования заключается в том, «что наблюдатель находится не во вне, а внутри мира, и что наблюдаемое нами в природе – это не сама природа, а природа как она принимается благодаря нашему способу постановки вопросов» [2, с. 27]. Кроме этого можно привести высказывание А. Петерсена о позиции Н. Бора по поводу познавательной способности квантовой теории: «Неверно думать, что задача физики состоит в том, чтобы открыть, что представляет собой природа. Физика интересуются только тем, что мы можем сказать о природе» [14, с. 305].

Таким образом, процессы познания окружающего мира, а главное – его результаты обуславливаются не интересными представлениями о реальности, а целями и априорными концептуальными представлениями субъекта, включённого в процесс познания. Кроме этого, на результаты познания неклассической науки, включая построения различного рода теоретических конструкций, оказывает влияние использование различного рода инструментальных и технических средств.

Такое понимание процесса познания привело к появлению нового типа рациональности, которая возникает под воз-

действием не только intersubъектных и, вследствие этого, объективных представлений научного знания. Процесс её создания в значительной степени зависит от взглядов на окружающий мир познающего субъекта. Формирование неклассической рациональности обусловлено оборудованием, а также средствами и приёмами постижения действительности. Эти методы и различные экспериментальные установки используются для постижения окружающего мира, исходя из личных представлений учёных о реальности и способах её познания.

По мере развития неклассической науки субъективизация процессов создания научного знания увеличивалась. Это закономерно привело к появлению в методах исследований ценностных представлений и моральных норм. Вследствие этого научная рациональность стала формироваться не только под действием вовлечённости субъекта в процессы познания. Она во многом стала определяться той социальной деятельностью, которая создаёт используемые в процессе познания представления и нормы. Таким образом, на научную деятельность стали влиять не только субъективные представления индивидуумов, как в неклассической науке. Она стала определяться и групповыми коллективными взглядами на реальность. Такая тенденция в развитие научного знания была замечена В. С. Степиным, и на её основе им была создана концепция постнеклассической науки.

Методологии классической и неклассической науки

Классическая наука описывает основные законы развития макромира. Для того чтобы изучать эту область реальности и на основе этих исследований решать задачи организации хозяйственной и повседневной жизни людей, классическая наука должна обладать таким свойством как intersubъектность. То есть она создаёт такой взгляд на реальный мир, названный Э. Гуссерлем «жизненными миром человека», который является относительно одинаковым для любого индивидуума. Необходимость фор-

мирования такого рода знаний привела к созданию таких методологий и методов исследования действительности, в которых субъект познания в значительной степени противостоит его объекту.

Классическая наука предполагает вытеснение всего субъективного из описания объектов познания. В то же время в неклассическом знании условие достижения объективности знания состоит во включении «в процедуры объяснения и описания характеристик средств и операций деятельности, благодаря которым выявляются свойства и закономерности изучаемого объекта» [10, с. 81]. Таким образом, процесс создания данного вида знаний не предполагает отделение субъектов и объектов исследования друг от друга. Подобная позиция стала формироваться в переходную эпоху от классической науки к неклассической. В частности, она была сформулирована М. Хайдеггером. Он, рассуждая о процессах познания, пришёл к выводу, что субъект познания «не противостоит миру, а существует в мире, присутствует в нём» [4, с. 107].

Исходя из таких представлений о процессе создания научного знания, субъект познания в неклассической науке включён в процесс исследования. Это предполагает, что данный вид познания изучает окружающую реальность в зависимости от поставленных целей и от познавательных способностей, а также и теоретических представлений данного субъекта. Соответственно, новый этап в развитии научного знания опирается на принципиально другую методологию познания.

В классической науке методология предназначена для создания таких представлений об определённой области реальности, которые являются общими для всех индивидуумов. Вследствие этого она формируется на принципе intersubъективности и характеризуется деперсонализацией. В ней «наиболее сильна абстракция или демаркация от индивидуальных, психологических, коллективистских или исторических и культурных условий» [3, с. 23]. Ввиду этого методология классической науки является предельно ра-

циональным способом организации процесса познания, максимально свободным от частных взглядов исследователей.

Парадигмы в науке возникают в процессе объективации индивидуальных взглядов учёных и, соответственно, представляют субъективное ядро науки. В то же время методология классической науки является отражением интересубъектных представлений исследователей, которые опираются на глубинные свойства психики индивидуума, на основании которых возникает как научное, так и донаучное знание. Вследствие этого, методология является той основой, на базе которой возникает объективное ядро науки данного типа.

Анализ феномена неклассической (а также постнеклассической) науки показывает, что её методология создаётся не только на основе использования рациональных методов и инструментов познания. Она опирается на субъективные представления учёных, на их ценностные и нравственные нормы, а также на различные психологические и социальные формы восприятия окружающего мира. Таким образом, методология в неклассической науке перестаёт быть тем основанием, на базе которого формируется объективное ядро науки. Она всё больше создаётся на основе парадигмальных взглядов научного сообщества на реальность. Это, в свою очередь, приводит к неясности оснований неклассической науки и, соответственно, к сложности в проведении исследований и интерпретации полученных результатов.

Конструктивизм и реализм в исследованиях реальности

Возрастание роли личностного начала в научных исследованиях вызвало противостояние реалистов и конструктивистов, стоящих на позициях постмодернизма. Усиление субъективности в процессах исследования окружающего мира позволило распространить подходы социального конструктивизма на физику и другие естественные науки. Конструктивизм рассматривает знание как систему менталь-

ных образов, которые формирует субъект познания. Он создаёт их исходя из своего личного опыта и характеристик той социокультурной среды, в рамках которой он проводит исследования. Таким образом, конструктивизм в процессе создания новых знаний опирается исключительно на чистые размышления индивидуумов. Вследствие этого он имеет свои собственные базовые понятия и способы передачи информации, не связанные с системами знаний, полученными с помощью других подходов к изучению реальности.

Объективность знания в классической науке возникает в результате того, что из процесса познания максимально удаляются все субъективные способы исследования и представления о реальности, которые могут исказить интересубъектность восприятия мира. Однако в XX в. возникает новое понимание истинности, к которому привело развитие неклассической науки (в первую очередь, физики). В ней объект представляет собой результат интеллектуальной активности познающего субъекта. В результате этого преодолевается противопоставление объекта познания субъекту. Возникает понимание «познавательной деятельности как области коммуникативного смылосозидающего взаимодействия её участников» [8, с. 25]. Как замечает Ю. Хабермас: «Поворот к интересубъективистскому способу рассмотрения приводит относительно «субъективности» к тому неожиданному результату, что сознание, центрированное, как кажется, в Я не является ничем непосредственным и сугубо внутренним. Самосознание формируется скорее через символически опосредованное отношение к партнеру по интеракции на пути извне вовнутрь. В этом отношении оно обладает интересубъективным ядром...» [12, с. 217].

По мере развития неклассической науки в её рамках стали усиливаться субъективные представления о реальности. В частности, в процессе изучения ненаблюдаемых сущностей стала резко возрастать их роль в постановке задач исследований и интерпретации данных физических экспериментов. Подобные явления наблюдались

и в концепциях, описывающих развитие общества. Это, в свою очередь, привело к появлению и росту влияния конструктивистских и инструменталистских концепций в социальной философии и других гуманитарных дисциплинах.

Достижения, полученные в рамках неклассической науки, усилили позиции социальных конструктивистов, которые считают, что феномены материального мира «конструируются» в поставленных физических экспериментах. Этот подход противостоит системе взглядов конструктивных реалистов, которые полагают, что объекты ненаблюдаемого мира реально существуют. В процессе физических экспериментов эти объекты «открываются» и становятся доступными для изучения.

Противостояние данных позиций определённым образом напоминает борьбу номинализма и реализма в средневековой схоластике, рассуждающих о сущности понятий и вещей. Во многом это явление, как в средние века, так и на современном этапе было вызвано кризисом науки и философии.

Позиция социальных конструкционистов заключается в том, «что полученные в экспериментах на суперколлайдерах частицы создаются, или что они лишь частично материальны, что на самом деле они являются гибридами, смесью дискурсивных (в данном случае теоретических, концептуальных) и материальных компонентов» [4, с. 117]. Так, Т. Кинной, один из представителей философии постмодернизма, рассуждая о бозоне Хиггса говорил: «Лучшее, на что мы можем надеяться – он является многогранным «гибридным объектом», который соединяет в себе нестабильную, меняющуюся смесь культурных, исторических, технологических, политических и природных элементов» [13, с. 265].

Опираясь на эти аргументы, социальные конструктивисты делают вывод, что современная физика изучает не реально существующие объекты, а некий комплекс явлений. Существование этого феномена обусловлено не только наличием материального мира. На его формирование влияют социальные процессы, а также со-

знание человека и его способы изучения окружающего мира.

Позиция социальных конструктивистов в современной гносеологии и науковедении часто подвергается обоснованной критике. Основные аргументы в данном случае сводятся к тому, что объекты микромира в их теориях конструируются в эпистемологическом, а не онтологическом смысле. Кроме этого приводится рассуждения, что эксперименты по обнаружению частиц микромира, в частности бозона Хиггса, проводятся исходя из положений соответствующих теорий.

Однако в данном случае такие аргументы можно опровергнуть и привести доводы в поддержку позиции социальных конструктивистов. В частности, можно отметить, что установки для активных экспериментов создаются на основе положений теории. Методики исследований определяются методологией, характерной для теоретических конструкций определённой науки. Интерпретация результатов как активного, так и пассивного эксперимента также производится исходя из существующих теорий. То есть и эксперимент, и данные, полученные в результате его проведения, и их интерпретация определяются концептуальными представлениями определённой науки. Если научные исследования опираются на субъективные представления учёных и не проходят проверку на соответствие процессам реальности, то появляется эффект конструирования действительности на основе положений теории. Теория же является некой надличностной и вследствие этого объективированной системой знаний, которая появляется в результате действий научного сообщества. Таким образом, картина мира конструируется на основе групповых парадигмальных взглядов сообщества учёных вне зависимости от того, насколько верно они отражают процессы окружающего мира.

В неклассической науке субъект и объект познания не отделяются друг от друга. В связи с этим процесс познания определяется не интересубъектной методологией, а субъективными взглядами субъекта познания, который исследует реальность,

опираясь на точку зрения, сформированную групповым мышлением. Однако групповому мышлению свойственны не только научные представления. Оно включает в себя различного рода мыслительные конструкции, созданные другими формами коллективного сознания. Представления индивидуумов о реальности, из которых состоит субъект познания, возникают не только под влиянием научных представлений и когнитивных способностей человека. Они создаются под сильным воздействием таких форм группового сознания, как мифология и магия. Также на процесс их формирования оказывает влияние рецептурное знание и обобщённые взгляды на мир, сформировавшиеся в ходе развития и трансформации структур обыденного бытия. Таким образом, в неклассической науке концептуальные положения, на основе которых изучается реальность, создаются не только под влиянием научных парадигмальных представлений. В ней на процессы исследования и на интерпретацию полученных результатов стали оказывать большое влияние субъективные представления, сформированные в рамках донаучных и ненаучных форм мышления.

Социальные конструктивисты утверждают, что мир состоит из сконструированных сущностей. Однако эта позиция не даёт объяснение тому факту, что физические эксперименты могут повторить другие исследователи, имеющие другие представления об устройстве реальности. Более того, позиция социальных конструктивистов не даёт возможность объяснить тот факт, что эксперимент вообще возможно провести. Это следует из того, что сущности являются воображаемыми конструктами, и в каждый следующий момент времени субъект познания может их наделять различными свойствами.

Подобного рода противостояние между сторонниками реализма и конструктивизма также проявилась в гуманитарных науках. В качестве примера можно привести мнение о социальной реальности П. Бергера и Т. Лукмана, которые являются представителями направления социаль-

ного конструктивизма. Они говорят, что «социальный порядок является продуктом прошлой человеческой деятельности и существует постольку, поскольку человеческая активность продолжает его продуцировать. Никакого другого онтологического статуса ему приписать нельзя» [1, с. 52].

Здесь необходимо отметить, что позиции социального конструктивизма не являются безусловными не только в естественных науках. Они также не дают гносеологически полную картину и при анализе социальных явлений.

В качестве примера возьмём противостояние конструктивизма и его разновидности – инструментализма, с одной стороны, и примордиализма, с другой стороны, при анализе процессов этно- и нациогенеза. В данном случае отметим, что при анализе конструктивистских концепций этно- и нациогенеза было выявлено, что «...сфера общественного бытия конструктивизмом игнорируется как вторичное явление, которое объективируется через массовое поведение культурных и политических элит» [6, с. 150]. Для адекватного описания процессов, идущих в обществе, необходимо рассматривать структурные подразделения социума, такие как этносы, нации и т. д. как реально существующие объекты. Они возникают не только в результате действия данных элит и не являются воображаемыми конструктами. Социальные сущности становятся объективными вследствие существования устойчивых взаимосвязей между людьми, а также под действием группового поведения масс. Эти взаимосвязи в поведении индивидуумов возникают под действием общей культуры, а также структур обыденного и политического бытия индивидуумов. Социальные общности существуют вне зависимости от мнения людей и, вследствие этого, являются объективными. Применение на практике методов социального конструктивизма никогда не приводило к достижению заявленных результатов. Так, попытка сконструировать новую общность – украинскую нацию в 1991–2014 гг. – несмотря на определё-

ные успехи, достигнутые на первом этапе её создания, привела в 2014 г. к началу затяжной гражданской войны на юго-востоке Украины. Таким образом, методология конструктивизма не даёт инструментов для воздействия на процессы социальной реальности, т. е. она не позволяет адекватно описать ту действительность, на базе анализа которой она появилась.

Процесс изучения окружающего мира для эффективного решения задач, возникающих перед человечеством, требует создания подобной гносеологической позиции в фундаментальных исследованиях реальности. Для этого необходимо признать реальность сущностей микромира, которые мы, в силу своих биологических особенностей, воспринимаем в процессе исследований как дискретные явления и феномены. Это возможно сделать, опираясь на такое направление науки как конструктивный реализм, в рамках которого данные объекты считаются реальными.

Для иллюстрации гносеологических оснований этого направления науки можно привести концепцию Я. Хакинга, где говорится о том, что изучаемые физикой «эффекты по крайней мере в чистом виде могут быть реализованы только в современных высокотехнологичных экспериментальных установках» и в процессе научного познания ряд физических эффектов «не существует вне аппаратуры определённого типа» [11].

Тем не менее конструктивные реалисты признают реальность окружающего мира и его элементов. Так в концепции Я. Хакинга действительность бытия сущностей микромира подтверждается тем, что их можно использовать для получения других реальных явлений. Согласно его теории, современная физика не изучает существующие объекты. Исследования, проводимые в её рамках, представляют собой процесс «создания феноменов» [11]. В качестве примера он приводит существование свободных электронов, которые возможно напылить на другие объекты. Таким образом, как утверждает Я. Хакинг, реальность электронов подтверждается

тем, что с их помощью можно вызвать другой реальный эффект.

Против такого аргумента, обосновывающего действительность бытия сущностей микромира, приводится ряд доводов. Например, Е. Мамчур считает, что данный критерий является необходимым, но недостаточным для постулирования того, что ненаблюдаемые объекты реально существуют. Она утверждает: «Без теории мы не можем сказать ничего о свойствах и природе тех или иных ненаблюдаемых сущностей. Для того чтобы узнать что-либо о свойствах электрона, мы должны будем опять-таки обратиться к теории» [4, с. 118].

Если быть последовательным и развить этот тезис до логического завершения, то стоит признать, что познание целого ряда физических эффектов невозможно не только без «аппаратуры определённого типа» и интерпретации данных экспериментов с помощью теорий. Оно невозможно и без опоры на концептуальные структуры, формирующие взгляды индивидуумов на реальность. Данная структура характеризуется внутренними связями, объединяющими различные системы представлений о реальности. Она возникает под действием как индивидуальных, так и групповых взглядов на реальность и сама в свою очередь изменяет их в процессе её постижения действительности. Исходя из этих положений, можно утверждать, что индивидуум видит мир через свою систему представлений о нём. Используя такую аргументацию, мы снова возвращаемся на позиции социального конструктивизма и начинаем рассматривать реальность как ментальную конструкцию.

Вследствие этого аргумент о том, что реальность элементов микромира подтверждается возможностью создания и модификации одной сущности с помощью других, является самодостаточным. Этот критерий, отделяющий реальное бытие объектов от вымышленного, является одновременно и достаточным и необходимым условием объективного существования микрообъектов.

Эмпирическая проверка теоретических положений науки и объективность реальности

Объективность, т. е. независимость от сознания индивидуумов, существования данных объектов подтверждается двумя фактами. Как отмечал Я. Хакинг [11], один из них заключается в том, что с помощью одних объектов можно создать другие сущности и явления. Кроме этого реальность объектов может подтвердить тот факт, что эксперимент можно повторить. Также его можно качественно усложнить, изменить условия его проведения, а также модифицировать различными способами. При этом между различными экспериментальными моделями сохраняются эпистемиологические и методологические связи, независимые от индивидуальных представлений субъекта познания. Сохраняется и преемственность результатов, полученных в процессе эмпирических исследований.

Из факта, что объекты реальны, следует: в процессе исследований невозможно получить явления и эффекты с любыми, заранее вымышленными свойствами и атрибутами. Эксперимент нельзя провести, не опираясь на достижения науки, полученные в предыдущие периоды. Более того, если бы реальность не существовала объективно, то отсутствовала бы сама возможность эмпирического исследования окружающего мира. В этом случае он являлся бы нам в виде произвольных фантазий «чистого разума», неограниченными процессами взаимодействий индивидуумов с реальностью.

Эмпирические исследования в науке существуют для того, чтобы узнать имеются или нет устойчивые взаимосвязи между различными явлениями и объектами реальности. Само существование феномена «эксперимент» указывает на то, что данные связи не могут быть созданы произвольно. Они не зависят от представлений и предпочтений исследователей и ввиду этого объективны. Если связи между исследуемыми объектами объективны, то объективны и сами объекты. В противоположном случае взаимодействия между ними не были бы закономерными, и

мы не наблюдали бы такое явление как причинность. Более того, в данном случае мы не могли бы наблюдать мир и сами не воспринимали бы себя как биологические объекты.

Итак, можно сделать вывод, что реальность, которую человек в силу своей биологической природы воспринимает дискретно, существует объективно. Индивидуумы произвольно, с помощью только ментальных представлений не могут конструировать объекты и их взаимодействия с заранее заданными воображением свойствами. Вследствие этого бытие сущностей микромира не зависит от личных и групповых представлений индивидуумов, и поэтому они реальны.

Субъект познания представляет собой единичного учёного или исследовательский коллектив. Чтобы их взгляды являлись научным знанием, они должны быть приняты научным сообществом и вследствие этого стать объективными. В процессе объективации в классической науке эти представления должны быть проверены на предмет достоверного соответствия процессам и феноменам окружающего мира. Основным способом проверки истинности знаний в данном виде науке является активный или пассивный эксперимент. Впоследствии, если данные представления адекватно отражают реальность, они воспринимаются научным сообществом и становятся интерсубъектным научным знанием.

В отличие от классической науки неклассическая изучает не саму реальность, а её восприятие субъектом исследования в процессе исследования. Её методология опирается на принцип единства объекта и субъекта исследования. Из этого следует, что активные и пассивные эксперименты проводятся исходя из субъективных представлений исследователей. Их результаты интерпретируются из личностных или групповых представлений субъекта познания, который находится в единстве с объектом исследований. Отсутствие самостоятельного существования объекта исследования в данной методологии приводит к тому, что наблюдаемые феномены соотносятся с субъективными концептуальными взглядами

дами субъектов познания. Таким образом, представления, сформированные в её рамках неклассической науки, не проходят достаточной эмпирической проверки на предмет достоверного описания окружающего мира. Это значительно снижает ценность знаний, полученных как в процессе исследований физического мира, так и в изучении общества. Тем не менее, научное сообщество может начать разделять субъективные взгляды исследователей на реальность, полученные на основе методологии. Если эти взгляды воспринимаются учёными, то на их основе возникают парадигмы. Представления объективируются и становятся научным знанием.

Можно констатировать, что взгляды субъекта исследований в неклассической науке объективируются в процессе возникновения научных парадигм, минуя стадию достоверной проверки на соответствие процессам окружающей действительности.

Неклассическое знание существует в виде парадигмальных взглядов научного сообщества, возникших на основе объективации представлений учёных, которые не прошли всестороннюю проверку на адекватное отражение процессов реальности. Система этих взглядов представляет собой одну из разновидностей общественного сознания. Если такая форма сознания не имеет механизмов проверки знаний, то она в своём развитии начинает опираться не только на научные знания. В её формировании значительную роль начинают играть преднаучные и вненаучные способы восприятия реальности, такие как: мифология, магия, художественное и обыденное мышление и т. д.

Парадигмальные взгляды учёных, явившиеся на этой основе, определяют постановку проведения исследований и интерпретацию полученных результатов. В результате этого в неклассической науке полученное знание проверяется не только и не столько на соответствие процессам реальности. Оно сопоставляется с системой представлений исследователей, которые формируются на основе собственно научного знания, объективно отражаю-

щего процессы реальности, донучных и ненаучных форм восприятия окружающего мира, а также иных коллективных способов восприятия действительности. Можно сделать вывод, что в процессе создания парадигм неклассического познания реальности объективируются не только представления, прошедшие проверку на соответствие реальности. Они во многом формируются под действием мифологических, магических, обыденных и других взглядов, свойственных различным видам общественного сознания.

Парадигмы науки и механизмы их формирования

В современном мире существует теоретическая и прикладная наука. Фундаментальные исследования имеют цель познания законов природы, «такой как она существуют сама по себе» [5, с. 349], а прикладные – «изменение природных или искусственных объектов и процессов в нужном для человека направлении или создании новых, полезных для человека вещей» [5, с. 349]. Из этого следует, что прикладные науки работают с реальным миром, очищенным от субъективности. Изменения объектов в этом случае должны быть одинаковыми для всех индивидов, а не только для субъективного восприятия отдельного человека или какой-либо социальной общности.

Прикладная наука позволяет добиваться конкретных результатов в реальном мире. Это связано с тем, что в её основе лежит свободная от субъективности классическая наука, предполагающая раздельное существование объекта и субъекта познания. Таким образом, в современном мире сосуществуют классическая наука и неклассическая познавательная деятельность, которая опирается как на собственно научные, так и на мифологические, магические и тому подобные представления. Первая из них формирует и поддерживает развитие технической и социальной сферы. Вторая создаёт новую картину мира в зависимости от коллективного восприятия реальности.

Неклассическая наука во многом опирается на субъективные, в том числе мифологические, магические, обыденные и другие, взгляды учёного сообщества. Несмотря на это, она в ряде случаев позволяет достаточно точно описать процессы окружающей действительности. В частности теории, созданные в её рамках, позволили использовать атомную энергию в различных областях человеческой деятельности. Такой эффект возникает тогда, когда неклассическая и классическая науки, сосуществующие в процессе познавательной деятельности человека, опираются на системы объективированных представлений учёных, которые формируют научные парадигмы.

Парадигмы классической науки появляются на основе собственно научного, эмпирически проверенного и intersubjectного знания. Неклассическая наука, которая является новым этапом развития научного знания, создавалась на принципе единства объекта и субъекта исследования. Она возникла после классической науки и опиралась на уже существующую когнитивную структуру взглядов на реальность, созданную до момента её появления. С одной стороны, учёные, познающие реальность в рамках неклассической науки, используют объективные представления об окружающем мире, созданные предыдущими поколениями с помощью методов классической науки. С другой стороны, исследователи, изучающие реальность на основе методологии неклассической науки, опираются в своей деятельности на личные взгляды, сформированные другими формами общественного сознания. Таким образом, парадигмы неклассической науки возникают как на основе intersubjectного научного знания, так и на базе обобщения различных мифологических, магических, обыденных и др. представлений.

Intersubjectное знание, прошедшие проверку на соответствие реальности, сохраняется и развивается в рамках классических принципов познания реальности. Эти представления и методы скрыто присутствуют в неклассической науке и формируют ту систему взглядов, которая обе-

спечивает связь неклассической науки с реальностью.

В качестве примера, иллюстрирующего данное утверждение, можно привести знаменитые эксперименты А. Майкельсона по измерению скорости света, которые проводились на основе категорий и методологии классической механики. Таким образом, классические представления о макромире позволили проверить и подтвердить закономерности микромира. Если мы будем придерживаться точки зрения, что закономерностям микромира несводимы к закономерностям «жизненного мира человека», то придётся признать тот факт, что измерения были проведены некорректно, а скорость света измерить невозможно. Более того, исходя из этого положения, мы должны сделать вывод, что в принципе невозможны никакие измерения в микромире, т. к. в процессе эмпирических исследований мы задействуем экспериментальные установки, которые, полностью или частично используют в своей работе физические закономерности, категории и понятия макромира. На них же во многом опирается и процесс интерпретация эмпирических данных.

Таким образом, та форма общественного сознания, которая получила название неклассической науки, характеризуется тем, что на процесс познания сильное влияние оказывают индивидуальные взгляды субъекта познания и инструментальные средства, с помощью которых исследуется реальность. Эти взгляды во многом формируются под действием различных форм коллективного мышления. Вследствие этого, явления, которые изучает данный вид познания реальности, представляют собой различные объекты и процессы, которым приписаны свойства и атрибуты, установленные как классической наукой, так и созданные с помощью мифологии, магии и обыденных представлений об окружающем мире.

Данный вид познания является наукой в силу того, что в его рамках возникает система объективированных парадигмальных представлений. Она включает в себя не только разрозненные объектив-

ные научные и субъективные мифологические, магические и прочие взгляды на реальность. Неклассическая наука опирается на системы связанных между собой представлений преднауки и классической науки, прошедших проверку на достоверное описание процессов и явлений реальности. На их основе в ней возникает ядро представлений, которое даёт возможность описывать процессы, идущие в окружающем мире. Мифологические и другие субъективные компоненты, присутствующие в неклассической науке, позволяют создавать новые перспективные идеи для изучения микромира и построения его картины.

Мифология в структуре восприятия мира человеком является концептуальным обоснованием магии, которая представляет собой способ индивидуального изменения реальности способами доступными только конкретной личности. «Центральным звеном, определяющим причинно-следственные связи в магических ритуалах и практиках, является именно субъект, обладающий знанием, позволяющим обращаться к высшим силам, способным изменять обычный порядок взаимосвязи явлений» [7, с. 56]. Другой человек будет изменять окружающим мир уже с помощью других магических приёмов. Знания о реальности, полученные в рамках неклассической науки, во многом зависят от субъективных представлений учёных и от инструментальных средств, которые они используют. Таким образом, постановка экспериментов в данной форме общественного сознания начинает напоминать магические практики.

По мере развития неклассической науки взгляды на реальность продолжают субъективироваться. Знания начинают создаваться из разрозненных представлений наук и других форм восприятия действительности. Их синтез предлагается вести на основе концепции глобального эволюционизма, которая предлагает построить общую модель развития космоса и человека. Эта форма коллективного сознания получила название в трудах ряда учёных «постнеклассической науки».

В данном случае надо отметить, что науки (как прикладные, так и теоретические) специализируются на изучении конкретных областей реальности. По мере развития научного знания науки становятся более специализированными, область их исследований сужается, число исследований увеличивается. В концепции постнеклассической науки образ реальности создаётся на прямо противоположных принципах. В ней предлагается обобщить все типы знания, созданные различными видами общественного сознания, преодолеть разделение природы на живую и неживую и на этой базе создать общую картину мира. Такой способ отражения действительности более свойственен мифологии и отчасти философии, чем науке.

Из этого следует, что в постнеклассической науке знания создаются, в первую очередь, на основе мифологических представлений, предполагающих целостный групповой взгляд на реальность. Вследствие этого её методология опирается не только на индивидуальные взгляды субъекта познания. Она предполагает, что данный субъект в процессе исследований использует коллективные, в значительной степени мифологические, представления о реальности.

Напрашивается вывод, что в неклассической науке субъективный элемент вносится через индивидуальные взгляды субъекта исследования. В постнеклассической – как через индивидуальные, так и коллективные субъективные представления о реальности. По сути, тот феномен общественного сознания, который получил название постнеклассической науки, является новой мифологией, создающий картину мира из конгломерата собственно научных представлений и всякого рода групповых мифологических, магических, обыденных и т. д. взглядов на реальность.

В этой ситуации объективно возрастает роль философии, которая, опираясь на предельные основания всех форм познания реальности, даёт возможность сформулировать принципы создания нового интерсубъектного знания в форме неоклассической науки.

Заключение

Анализ различных концепций развития науки и соотнесение их с реальной практикой развития научного знания позволяет сделать следующие выводы:

1. Результаты исследований, проведённых в рамках неклассической науки, обуславливаются не интересными представлениями о реальности, а целями и априорными концептуальными представлениями субъекта, включённого в процесс познания.

2. Методология неклассической науки создаётся на основе парадигмальных взглядов научного сообщества на реальность. Вследствие этого она опирается не только на рациональные методы и инструменты познания, но и на субъективные представления учёных, сформированных под действием влиянием различных психологических и социальных форм восприятия окружающего мира. Исходя из этого, методология в неклассической науке перестаёт быть тем основанием, на базе которого формируется объективное ядро науки.

3. Неклассическая наука не предполагает раздельного существования объекта и субъекта исследования. В результате этого наблюдаемые ею феномены соотносятся с субъективными концептуальными взглядами субъектов познания. Представления, сформированные в рамках неклассической науки, не проходят достаточной эмпирической проверки. Таким образом, взгляды субъекта исследований в неклассической науке объективируются в процессе возникновения научных парадигм, минуя стадию достоверного тестирования на соответствие процессам окружающей действительности.

4. Концептуальные положения неклассической науки предполагают, что в процессе возникновения парадигм объективируются не только представления, прошедшие проверку на соответствие процессам реальности. Они возникают под сильным воздействием таких форм группового сознания, как мифология и магия, а также рецептурное знание и обыденные взгляды на мир.

5. В современном мире сосуществуют классическая наука и неклассическая познавательная деятельность, которая опирается как на собственно научные, так и на мифологические, магические и тому подобные представления. Интересное знание, прошедшее проверку на соответствие реальности, сохраняется и развивается в рамках классических принципов познания реальности.

6. Явления и феномены, которые изучает неклассическая наука, представляют собой различные объекты и процессы, которым приписаны свойства и атрибуты, установленные как классической наукой, так и созданные с помощью мифологии, магии и обыденных представлений об окружающем мире. Исследования реальности в данной науке производятся исходя из субъективных взглядов исследователей. Вследствие этого постановка экспериментов в данной форме общественного сознания начинает напоминать магические практики.

7. В неклассической науке субъективный элемент в процесс познания вносится через индивидуальные взгляды субъекта исследования. В той форме общественного сознания, которая получила название постнеклассической науки, процесс познания мифологизируется с помощью как индивидуальных, так и коллективных субъективных представлений о реальности. По сути, те феномены коллективного сознания, которые получили название неклассической и постнеклассической науки, являются новой мифологией, создающей картину мира из конгломерата собственно научных представлений и всякого рода групповых мифологических, магических, обыденных и т. д. взглядов на реальность.

8. Роль философии на современном этапе развития знания состоит в том, чтобы создать такую методологическую базу, на основании которой возникнет новое интересное знание в форме неоклассической науки.

Статья поступила в редакцию 14.07.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
2. Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. М., 1990. 399 с.
3. Котенко В. П. Парадигма как методология научной деятельности // Библиосфера. 2006. № 3. С. 21–25.
4. Мамчур Е. А. Ненаблюдаемые сущности современной физики; социальные конструкты или реальные объекты? // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51. № 1. С. 106–123.
5. Мамчур Е. А. Образы науки в современной культуре. М.: Канон+, 2008. 400 с.
6. Сафонов А. Л., Орлов А. Д. Этнос и глобализация: этнокультурные механизмы распада современных наций, 2018. 336 с.
7. Сафонов А. Л. Мифология и глобализация: философский анализ причин актуализации мифологического сознания в обществе // Вестник тверского государственного университета. Серия: Философия. 2019. № 3 (49). С. 53–64.
8. Сергодеева Е. А. Фемениологическая версия эпистемологического конструктивизма // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение, философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2010. № 4. С. 24–29.
9. Степин В. С., Горохов В. Г., Розов М. А. Научные революции и смена типов научной рациональности. М.: Гардарики, 1999. 400 с.
10. Степин В. С. Особенности научного познания и критерии типов научной рациональности // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. 36. № 2. С. 78–91.
11. Хакинг Я. Представление и вмешательство. Начальные вопросы философии естественных наук. М.: Логос, 1998. 291 с.
12. Habermas J. *Nachmetaphysisches Denken*. Frankfurt, 1988. 285 p.
13. Keenoy T. *Materializing material: some reflections on the Higgs Boson, discourse and materiality*. Cardiff: Cardiff Business School, 2013. 265 p.
14. Petersen A. *The philosophy of Niels Bour* // *A Centenary Volume*. Cambridge, 1985. P. 299–310.

REFERENCES

1. Berger P., Lukman T. *Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti: traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality: A Treatise on the Sociology of Knowledge]. Moscow, Medium Publ., 1995. 323 p.
2. Geizenberg V. *Fizika i filosofiya. Chast i tseloe* [Physics and Philosophy. Part and whole]. Moscow, 1990. 399 p.
3. Kotenko V. P. [Paradigm as a methodology of scientific activity]. In: *Bibliosfera* [Bibliosfera], 2006, no. 3, pp. 21–25.
4. Mamchur E. A. [Unobservable entities of modern physics; social constructs or real objects?]. In: *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and philosophy of science], 2017, vol. 51, no. 1, pp. 106–123.
5. Mamchur E. A. *Obrazy nauki v sovremennoi kulture* [Images of science in modern culture]. Moscow, Kanon+ Publ., 2008. 400 p.
6. Safonov A. L., Orlov A. D. *Etnos i globalizatsiya: etnokul'turnyye mekhanizmy dezintegratsii sovremennykh natsiy* [Ethnos and globalization: ethno-cultural mechanisms for the disintegration of modern nations]. In: *Ekaterinburg* [Yekaterinburg. Publishing solutions], 2018. 336 p.
7. Safonov A. L. [Mythology and globalization: a philosophical analysis of the reasons for the actualization of mythological consciousness in society]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2019, no. 3 (49), pp. 53–64.
8. Sergodeeva E. A. [Femenological version of epistemological constructivism]. In: *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie, filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kulturologiya* [Bulletin of Adygea State University. Series 1: Regional studies, philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies], 2010, no. 4, pp. 24–29.
9. Stepin V. S., Gorokhov V. G., Rozov M. A. *Nauchnye revolyutsii i smena tipov nauchnoi ratsionalnosti* [Scientific revolutions and changing types of scientific rationality]. Moscow, Gardariki Publ., 1999. 400 p.

10. Stepin V. S. [Features of scientific knowledge and criteria for the types of scientific rationality]. In: *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and philosophy of science], 2013, vol. 36, no. 2, pp. 78–91.
11. Khaking Ya. *Predstavlenie i vmeshatel'stvo. Nachal'nye voprosy filosofii estestvennykh nauk* [Presentation and intervention. Initial questions of philosophy of natural sciences]. Moscow, Logos Publ., 1998. 291 p.
12. Habermas J. *Nachmetaphysisches Denken*. Frankfurt, 1988. 285 p.
13. Keenoy T. *Materializing material: some reflections on the Higgs Boson, discourse and materiality*. Cardiff: Cardiff Business School, 2013. 265 p.
14. Petersen A. The philosophy of Niels Bour. In: *A Centenary Volume*. Cambridge, 1985, pp. 299–310.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сафонов Андрей Леонидович – доктор философских наук, кандидат технических наук, доцент, профессор кафедры философии Московского государственного областного университета;
e-mail: zumsiu@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey L. Safonov – Dr. Sci. (Philosophy), Cand. Sci. (Engineering), Prof., Department of the Philosophy, Moscow Region State University;
e-mail: zumsiu@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сафонов А. Л. Неклассическая наука и субъективизация научного знания (философский анализ причин превращения фундаментальной науки в мифологию) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 3. С. 104–118.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-104-118

FOR CITATION

Safonov A. L. Non-Classical Science and Subjectivization of Scholarly Knowledge (Philosophical Analysis of the Reasons for Turning Fundamental Science into Mythology). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2020, no. 3, pp. 104–118.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-104-118

УДК 001.18; 001.38; 101.1

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-119-136

СОЦИАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ И ГРАНИЦЫ НАУКИ

Троепольский А. Н.

Балтийский федеральный университет имени И. Канта

236016, г. Калининград, ул. Александра Невского, д. 14, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Конституирование науки в широком смысле как средства сохранения христианских ценностей, необходимого для успешного противостояния человечества современным социальным вызовам.

Процедуры и методы. Дан анализ кантовской концепции теоретической метафизики, показано, что она затрудняет сохранение христианских ценностей, представлена концепция науки в широком смысле как средства сохранения христианских ценностей. В исследовании использована логико-семиотическая методология и некоторые выводы из работ Е. К. Войшвилло для конституирования математики, логики и метафизики в статус науки как частей науки в широком смысле.

Результаты. Обоснована правомерность концепции науки в широком смысле. Описан механизм противостояния современного сообщества людей социальным вызовам.

Теоретическая и/или практическая значимость. Разработана новая парадигма познавательного отношения человека к миру. В случае использования научно-культурными элитами в просветительской деятельности концепции науки в широком смысле им рекомендовано учесть определённые обстоятельства, влияющие на формирование у людей нерелигиозного либо религиозного мировоззрения.

Ключевые слова: социальная энтропия, христианские ценности, логико-семиотическая методология, знание и вера, наука в широком смысле, теоретическая светская метафизика, теоретическая религиозная метафизика

SOCIAL THREATS AND THE LIMITS OF SCIENCE

A. Troepolsky

Immanuel Kant Baltic Federal University

14, A. Nevsky ul., Kaliningrad, 236016, Russian Federation

Abstract.

Aim. The aim of the article is to constitute science in a broad sense as a means of preserving Christian values necessary for successful confrontation of mankind with modern social challenges.

Methodology. The study of Kant's concept of theoretical metaphysics proved that it hinders preservation of Christian values. The research methodology includes logic-semiotic methodology and some findings from the works of E. K. Voischwillo allowing to attribute the status of the parts of science in the broadest sense to mathematics, logic and metaphysics.

Results. The legitimacy of the concept of science in a broad sense is justified. The mechanism of confronting the modern community of people with social challenges is described.

Research implications. A new paradigm of human cognitive attitude to the world has been developed. If scientific and cultural elites use the concept of science in a broad sense in educational activities, they are advised to take into account certain circumstances that affect the formation of a non-religious or religious worldviews among people.

Keywords: social entropy, Christian values, logical-semiotic methodology, knowledge and faith, science in the broadest sense, theoretical secular metaphysics, theoretical religious metaphysics

Введение

Настоящая статья является продолжением исследования «Кант и логико-философская реабилитация вероятности онтологического существования Бога» [9], где показана некорректность тезиса Канта о существовании Бога в идее и обоснована правомерность допущения вероятности Его онтологического существования, что снова возвращает метафизику из сферы практического разума в границы теоретического разума. Однако данная публикация не в состоянии снять «проклятие», которое наложил на теоретическую метафизику Кант, лишив её статуса науки.

Понятно, что для восстановления познавательного авторитета теоретической метафизики необходимо конституировать её в статус науки и показать эффективность этой науки в решении остро актуальных практических задач в жизнедеятельности современного человечества, что и будет сделано в этой работе.

Социальные угрозы и христианские ценности

Нет необходимости убеждать читателя, в том, что просвещённые люди всех континентов, перешагнувшие из XX в XXI в., начали явно осознавать природные и социальные угрозы существованию человечества в планетарном масштабе. В частности, со стороны природы эти угрозы наиболее заметно обозначились в связи с изменениями климата, а со стороны социума – кризисными явлениями в экономике, политике, морально-нравственном самочувствии человеческого сообщества.

В настоящей статье рассмотрим главные угрозы, исходящие из состояния современного социума, и наметим путь их существенного ослабления, что в дальнейшем несомненно будет способствовать снижению угроз человечеству и со стороны природы.

В эпоху глобализма самой глубинной причиной кризисных явлений в экономике, политике и морально-нравственном самочувствии человечества является нарастание тенденции игнорирования людьми традиционных христианских ценностей.

Современное общество функционирует в условиях рыночной экономики как общество потребления. Главная ценность – свобода, в которой по умолчанию стали подразумевать игнорирование всех ограничений на пути достижения людьми высших стандартов материальной жизни, в т. ч. и игнорирование исходных христианских заповедей: не лги, не укради, не убий и др. Конечно, с одной стороны, нужно признать, что без рыночной экономики, раскрепощающей производственную инициативу людей, нельзя достигнуть высоких стандартов их материального благополучия, а, с другой стороны, отказ человечества от христианских морально-нравственных ценностей угрожает привести каждого отдельного человека в состояние бездуховного существа, поступки которого иницируются преимущественно эгоистическими побуждениями. В результате в обществе может существенно вырасти *социальная энтропия*, т. е. его хаотическое состояние, что таит в себе опасность потери человечеством способности самоуправления. В первую очередь, это ведёт к возникновению и росту уличных протестов граждан с применением физического насилия против сотрудников правоохранительных органов, в результате чего ослабляется и может полностью исчезнуть институт государства – естественный регулятор нормальной жизнедеятельности людей, который легитимно обладает монополией на физическое насилие.

В дальнейшем игнорирование христианских ценностей может запустить социальный механизм регрессивной *ментальной эволюции человека*, т. е. процесс расчеловечивания самого человека.

Траекторию этой возможной эволюции можно описать как путь превращения человека разумного (*Homo sapiens*), альтруистичного и великодушного в хитроумное, эгоистичное животное, озабоченное исключительно удовлетворением своих психосоматических потребностей.

На первом лицемерно-лукавом этапе этой эволюции у человека лгущего, ворующего и способного на физическое насилие притупляются угрызения совести и чувство стыда за свои низменные поступки. Такой человек недоволен собой не потому, что ему стыдно, а потому, что о его низменном поступке узнают другие. Но у него ещё сохраняется осознание необходимости играть роль порядочного человека, т. к. он понимает, что большинство людей регулирует своё поведение чувством совести и стыда и общественное сознание осуждает акты лжи, воровства и физического насилия. Однако следует иметь в виду, что увеличение в обществе социальной энтропии означает рост числа лгущих, ворующих и способных на физическое насилие людей. И когда распространение социальной энтропии достигнет критической величины, то общественное сознание перестанет осуждать акты лжи, воровства и физического насилия.

Не исключено, что наступит финишный, циничный этап регрессивной эволюции человека. Люди снимут маску порядочности на пути удовлетворения своих простых психосоматических потребностей, забудут о высоких общественных интересах, и человечество окажется на грани самоуничтожения.

Хочется верить, что описанный нарратив регрессивной эволюции человека никогда не реализуется, но в современном мире вероятность этого всё же существует.

Итак, представлены две реальные угрозы современному человечеству, исходящие от состояния социума, но этим они не исчерпываются. Отдельного анализа требуют социальные вызовы, исходящие из принципа абсолютизации свободы, такие как деформация традиционных гендерных отношений и крушение института семьи. Не подлежит сомнению, что они порож-

даются в социуме, где игнорируются традиционные христианские морально-нравственные ценности.

Блокировать эти социальные вызовы можно лишь при осознании современными научно-культурными элитами необходимости сохранения в головах большинства людей христианских морально-нравственных ценностей.

Но как сохранить эти ценности, если школьной скамьи человек выходит с убеждением, что современная наука доказала, что Бога нет. Так ли это? Чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо подвергнуть анализу наиболее резонансные концепции соотношения науки и философии в истории философии Нового времени. И именно такая концепция содержится в критической философии Канта.

Критический анализ философии науки Канта. Методология исследования. Пройденный путь

Умами большинства современных высокообразованных людей овладела критическая философия Канта – вывод Канта об ущербности онтологических доказательств существования бытия Божия, дискредитация теоретической метафизики в статусе науки, потому что в ней отсутствует реальная предметная область, что в ней можно доказывать как тезисы, так и антитезисы относительно сущностей, выходящих за границы возможного опыта, что в метафизике нельзя опереться на верный критерий истинности её синтетических положений [9].

Из этих выводов Канта следовала необходимость гносеологизации философии, т. е. упразднение онтологии как раздела философии и принятие существования Бога лишь в статусе идеи, т. е. признание Его существования только в сфере сознания субъекта познания, что позволяло идеологам посткантовской эпохи объявить религиозные учения архаическими представлениями человечества, т. е. пережитками прошлого.

Справедливости ради нужно отметить, что сам Кант рассматривает перенос во-

проса о существовании Бога в сферу практического разума как путь, который подрезает корни атеизму¹. Однако возникает вопрос: как можно укрепить религию, лишая Бога онтологического существования? Без допущения вероятности онтологического существования Бога невозможно укрепить религию.

И здесь возможна очень неопределённая познавательная ситуация. Даже если полностью согласиться с данными выводами, это вовсе не означает, что возможен только выбор веры в Бога, ведь вероятностный статус онтологического существования Бога допускает как веру в существование Бога (теистическое мировоззрение), так и веру в Его несуществование (атеистическое мировоззрение).

Отметим, что вплоть до возникновения критической философии Канта просвещённые люди приписывали метафизике высокий познавательный статус, т. е. считали её наукой всех наук, в которой центральное место занимали различные варианты онтологического доказательства существования Бога. Однако следует согласиться, что Кант убедительно показал невозможность онтологического доказательства бытия Божия. Ведь исходя из определений доказательств, принимаемых в современной логике и теории аргументации, с этим трудно не согласиться. Но это не отменяет того, что утверждение об онтологическом существовании Бога имеет вероятностный характер и, следовательно, в философии существует возможность допущения его истинности.

Как отмечает Е. К. Войшвилло, наиболее распространённой формой аргументации в науках и в повседневной жизни является подтверждение, и степень его может оказаться настолько высокой, что теория практически будет считаться достоверной [3]. И все же, согласно российскому философу, подтверждение лишь повышает степень вероятности того, что подтверждаемое утверждение истинно, однако оно

никогда не достигает 1 как своего предела, приписываемого доказательству.

Е. К. Войшвилло на основе анализа применения гипотетико-дедуктивного метода в естествознании показывает, что все законы физики с теоретической т. зр. всегда гипотетичны, для них не существует строгих доказательств, т. к. вероятность, равная 1, может иметь место лишь в логике. Понятно, что данные аспекты теории аргументации открывают возможность конституирования теоретической метафизики в статус науки.

Мы уже отмечали, что Кант лишил метафизику статуса науки. Таким образом, он существенно понизил познавательный статус метафизики.

Однако новейшая история философии обнаруживает тренд реабилитации познавательного статуса метафизики [4; 5; 6; 8; 16]. Всё это делает актуальным исследование проблемы конституирования метафизики в статус науки.

Это конституирование частично осуществлено в работах: «Метафизика, философия, теология, или сумма оснований духовности» [10], в которой изложена версия метафизики (философии) в первом приближении, проведена граница между физическими и метафизическими объектами, между *знанием и верой*; «Проблема научности философии» [11], где системно представлена онтологическая проблематика метафизики (философии), отклонены все общие аргументы Канта против возможности положительной метафизики в статусе науки; «Проблема научности философии» (Часть II: Теория познания) [12], где основной акцент сделан на гносеологической проблематике метафизики (философии); «Общая логика как практическая» [13], в которой в базисную часть общей логики введено обобщённое понятие логического следования на основе синтеза понятий дедуктивного и индуктивного следования, что расширяет сферу логического анализа в описании познавательного статуса систематической философии; в статье «История противостояния формальной и диалектической логики в отечественной

¹ Кант И. Предисловие ко второму изданию «Критики чистого разума» // Кант И. Собрание сочинений в 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. С. 98.

философии» [15] отклонена та часть диалектической логики, которая претендовала на квалификацию суждений вида $A \wedge \neg A$ в качестве истинных, что позволило более ясно изложить систематическую философию в статусе науки.

В настоящей статье при изложении концепции сохранения традиционных христианских ценностей автор опирается на вышеуказанные исследования.

Наука в широком смысле. Кантовские критерии научности теории

Будем конституировать науку в широком смысле через включение в неё в качестве частей естествознания, математики, логики и метафизики, а в самой метафизике на основе реабилитации вероятности онтологического существования Бога [9], найдём рациональные аргументы, укрепляющие стремление людей жить в согласии с христианскими морально-нравственными ценностями. Конституирование науки в широком смысле достигается через демонстрацию выполнения в метафизике кантовских критериев научности теории на основе предварительной проверки статуса научности математики и логики, поскольку эти дисциплины во многом являлись для Канта образцами при решении вопроса о научности теорий. Так как Кант признавал научный статус естествознания¹, и мы солидарны с ним в этом, то без анализа включим естествознание в качестве части науки в широком смысле.

Согласно Канту, научная теория должна удовлетворять следующим критериям:

- 1) она должна иметь непустую предметную область;
- 2) в ней не должны доказываться тезисы и антитезисы, т. е. она должна быть непротиворечивой;
- 3) она должна расширять познание и в ней должен существовать верный критерий и общее «мерило» необхо-

димой истинности суждений, расширяющих познание.

Итак, начнём анализ с рассмотрения методологических установок Канта на решение проблемы научности различных теорий.

Исходные принципы философии науки Канта и познавательный статус математики

Как известно, Кант различает схематизирование и символизирование понятий: «Представить чистое рассудочное понятие как мыслимое в связи с предметом возможного опыта – значит придать ему объективную реальность и вообще изобразить его. Там, где этого нельзя сделать, понятие пусто, т. е. вовсе не годится для познания. Это действие называется схематизмом, если объективная реальность сообщается понятию прямо (*direkte*) через соответствующие ему созерцания, т. е. если понятие изображается непосредственно; если же понятие нельзя изобразить непосредственно, а можно изобразить только в его последствиях (*indirecte*), то это действие можно назвать символизированием понятия. Первое имеет место в отношении понятий чувственно воспринимаемого мира, второе есть необходимое вспомогательное средство для понятий о сверхчувственном, которые собственно, не могут быть изображены, или даны в каком-либо возможном опыте...»².

Отсюда следует, что, согласно Канту, объёмы понятий рассудка и разума являются непустыми в двух случаях:

- 1) если предметы, входящие в объём понятия фиксируются чувствами в возможном опыте;
- 2) если понятия можно конструировать, ведь «конструировать понятие – это значит показать *a priori* соответствующее ему созерцание»³.

¹ Кант И. Предисловие ко второму изданию «Критики чистого разума» // Кант И. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. С. 85.

² Кант И. О вопросе предложенном на премию ...// Кант И. Собрание сочинений в 6 т. Т.6. М.:Мысль, 1966. С. 202–203.

³ Кант И. Критика чистого разума. Собрание сочинений в 6 т. Т.3. М.: Мысль, 1964. С. 600.

В работе «Проблема научности философии» [11, с. 117] показано, что конструирование натуральных чисел «1», «2», «3», «4» и т. д. в виде последовательности чувственно фиксируемых штрихов |, ||, |||, |||| и т. д. является чисто условным и произвольным, ибо это конструирование можно выполнить в виде последовательности треугольников Δ , $\Delta\Delta$, $\Delta\Delta\Delta$, кругов O , OO , OOO , $OOOO$ и других наглядных геометрических фигур. Это позволяет заключить, что последовательности штрихов, кругов и других фигур есть не сами числа «1», «2», «3», «4», а их символы, а сами эти числа есть сверхчувственные, т. е. метафизические сущности. В итоге следует заключить, что при конструировании понятий математики осуществляется акт символизирования, а не акт схематизирования, и то, что сама математика на самом деле есть некая точная метафизика, т. к. её базовая часть – теория натуральных чисел – имеет предметную область, состоящую из метафизических сущностей и разворачивается по точным правилам, зафиксированным в индуктивном определении натурального числа.

Тем не менее, в современной философии математики вопрос о предметной области математики остаётся актуальным. Некоторые философы считают математику наукой, а другие – всего лишь универсальным языком науки. При этом неявно подразумевается, что язык математики не имеет прямого отношения к описанию действительности, т. е. его знаки не обладают значением.

Характеристика математики как универсального языка науки, не имеющего прямого отношения к описанию действительности, также уходит своими корнями в философию науки Канта. Немецкий философ требовал от любой науки расширения познания. Согласно Канту в математике на основе возможности конструирования её понятий обеспечивается необходимая истинность её синтетических суждений, расширяющих познание. Видимо, на этом основании учёный был склонен приписать математике статус науки. Однако вполне вероятно, он осознавал, что базовые сущности (предметы) ма-

тематики – натуральные числа – не могут фиксироваться органами чувств человека и, следовательно, являются метафизическими объектами, а т. к. метафизика (согласно его теории) в границах теоретического разума в статусе науки невозможна, то Кант молчаливо оставил открытым вопрос о предметной области математики, что позволило некоторым философам посткантовской эпохи объявить математику специфическим универсальным языком.

На наш взгляд, объявление математики языком с вышеописанным статусом не выдерживает критики. Любой язык есть система знаков, а в структуре знаков с позиций семиотики как исходной методологической дисциплины выделяют имена, их смыслы и значения. При этом в семиотике постулируется, что смысл имени однозначно определяет его значение. Понятно, что математика, трактуемая как язык, есть система знаков, в структурах которых также необходимо различать имена, их смыслы и значения. Это означает, что в базовом разделе математики – теории натуральных чисел – должны различаться имена, смыслы и значения отдельных натуральных чисел. Как показал Е. К. Войшвилло [2; 3] имена представляют в языке понятия. Развивая этот подход, отметим, что в теории понятия принято разделять основное и полное содержание понятия и его непустой и пустой объём. При проецировании структуры понятия на структуру языкового знака мы обнаружим, что смыслы простых имён задаются в языке описательными именами и выражают основные содержания понятий, которые выделяют в мире классы предметов, представляющих объёмы понятий. Применительно к различению в философии объекта и субъекта познания это означает, что имена и их смыслы, равно как и основные содержания понятий, существуют в статусе мыслей познающего мир человека и, следовательно, находятся в сфере субъекта познания, а значения имен, равно как и объёмы понятий, находятся в сфере объекта познания и представляют предметные области различных наук.

Всё сказанное относится к языку математики вообще и к языку теории натуральных чисел в частности, где, например, имени «7» можно через явное определение приписать смысл и тем самым выделить в мире его значение в виде некоторой метафизической сущности, которая существует вне смысла (мысли), релевантной имени «7». Выше мы показали, что согласно методологии Канта, её можно конструировать в виде последовательности штрихов. С позиций теории понятия это означает, что «понятие 7» имеет непустой объём. Очевидно, что данное заключение имеет место относительно всех элементов последовательности натуральных чисел.

Это обстоятельство позволяет установить однозначное соответствие между последовательностью натуральных чисел как метафизических сущностей и последовательностью объектов иной природы и таким образом перенести количественные характеристики на физические объекты и в целом на объекты любой природы, что тем самым обеспечивает эффективность применения математики в изучении различных областей действительности. Невольно вспоминается широко известное высказывание математика-интуциониста Л. Кронекера «Бог создал целые натуральные числа, а всё остальное (*видимо, их конструирование* – А. Т.) есть дело рук человеческих».

Напрашивается вывод, что математика имеет свою предметную область, она есть наука со своим языком.

Теперь рассмотрим вопрос о непротиворечивости математики. Известно, что Кант не сомневался в непротиворечивости математики. Математика его времени существовала в виде неформализованных теорий, т. е. в виде теорий, изложенных на чисто содержательном уровне и учёные математики, его современники, были вполне убеждены относительно непротиворечивости своих рассуждений при доказательствах математических теорем даже в тех случаях, когда на этом пути возникали определённые трудности. Однако с возникновением формальной, т. е. форма-

лизованной арифметики и обнаружением в ней парадокса Б. Рассела и далее с обнаружением трудностей в системе Рассела и Уайтхеда, возникла необходимость прямого доказательства непротиворечивости формальной арифметики.

Как известно, такую попытку предпринял Д. Гильберт, который дал точное изложение формальной арифметики на семантическом и синтаксическом уровнях, т. е. построил её в виде логико-математического исчисления с тем, чтобы в своей метаматематике дать прямое доказательство непротиворечивости формальной арифметики. Но эта попытка оказалась неудачной в связи с доказательством в 1930 г. К. Гёделем теоремы о неполноте формальной арифметики и следовавшей из неё второй теоремы, утверждавшей невозможность доказательства непротиворечивости формальной арифметики средствами самой формальной арифметики при допущении, что сама арифметика непротиворечива [7, с. 188–189].

Однако описанная ситуация не является основанием для отказа математике статуса научности. Во-первых, вторая теорема К. Гёделя не утверждает противоречивость арифметики. Во-вторых, и после теоремы Гёделя математика продвигалась по пути обоснования её непротиворечивости:

- Г. Генцен, П. С. Новиков, Аккерман и К. Шютте¹ для доказательства непротиворечивости классической арифметики успешно применили метод математической индукции по конструктивным трансфинитным числам.
- Гёдель (1932–1933 гг.) показал непротиворечивость классической арифметики относительно интуционистской арифметики.
- П. С. Новиков установил (1959 г.) непротиворечивость ограниченной арифметики без аксиомы полной математической индукции.
- Была использована ультраинтуционистская концепция в основаниях

¹ Гастев Ю., Шмаин И. Метатеория // Философская энциклопедия : в 5 т. Т. 3М.: Советская Энциклопедия, 1964. С. 400–402.

математики с использованием весьма строгих критериев убедительности для доказательства непротиворечивости аксиоматической теории множеств (1960 г.).\

- Современная неформальная математика, как и математика эпохи Канта, демонстрирует свою непротиворечивость при доказательствах конкретных содержательных теорем.

Математики успешно обходят содержательные противоречия в своих доказательствах. Более того, как показал Л. Виттгенштейн в полемике против «скрытых противоречий» в математике, у математиков всегда есть возможность при обнаружении противоречий изменить исходные принципы логики и математики и таким образом на определенном этапе развития математической теории устранить обнаруженные противоречия [1].

Рассмотрим теперь выполнение третьего условия научности математики: её способность расширять познание и иметь верный критерий и общее «мерило» обоснования необходимой истинности её суждений.

В прикладной математике о расширении познания свидетельствует появление новых разделов математики, доказательство новых глубинных математических гипотез, например: доказательство теоремы Ферма английским и американским математиком Эндрю Уайлсом (1994 г.); доказательство гипотезы Пуанкаре российским математиком Григорием Перельманом (2002–2003 гг.). Соответственно, примером расширения познания в формальной математике, на наш взгляд, являются сами теоремы Гёделя о свойствах формальных аксиоматических систем. Равным образом обстоит дело и с наличием как в прикладной, так и в формальной математике верных (общезначимых) критериев доказательства математических теорем. Ведь строгость доказательства всех известных теорем математики признана всеми высококвалифицированными экспертами в области математики.

Тем не менее, в философии математики имеет смысл рассмотреть вопрос о наличии в математике информации в статусе знания и веры. Ведь как мы отметили выше, следует признать справедливость утверждения профессора Е. К. Войшвилло о том, что строгие доказательства имеют место лишь в логике, из чего следует, что они отсутствуют в математике. Во избежание противоречия этого заключения с констатацией наличия в математике строгих доказательств нужно признать, что в математике, как и в опытном естествознании есть лучше и хуже обоснованные утверждения, более или менее убедительные рассуждения.

Очевидно, что при таком подходе строгие доказательства математики следует понимать как утверждения, вероятность которых практически приближается к 1, однако необходимо также признать, что в ней существуют утверждения и с более низкой степенью вероятности. Тогда первые можно рассматривать как строгие доказательства, содержащие информацию в статусе знания, а вторые – как утверждения в статусе веры.

Понятно, что для математики и философии представляет интерес вопрос распределения конкретных утверждений математики по этим двум классам. Но поскольку научная теория может содержать утверждения как в статусе знания, так и в статусе веры, то напрашивается итоговый вывод: *математика является наукой.*

Логика с позиций кантовских критериев научности теории

Следует отметить, что слово «логика» употребляется в языке познания омонимическим способом. Так, Кант в своих трудах конституировал трансцендентальную логику, Гегель – диалектическую логику, Аристотель и стоики – формальную логику. Трансцендентальную логику Канта, диалектическую логику Гегеля и современную диалектическую логику следует относить к специфическим методам философского анализа мышления [13, с. 37–39].

В связи с этим их нужно бы называть трансцендентальной и соответственно диалектической методологией мышления, а не логиками. При этом из современной диалектической методологии (логике по старому названию) следует исключить описание диалектического противоречия в виде истинного конъюнктивного суждения типа $A \wedge \neg A$ [15, с. 14].

Описанная ситуация показывает, что логиками в собственном смысле слова во времена жизни Канта были адаптированные к преподаванию в европейских университетах аристотелевская силлогистика и логическое учение мегаро-стоической школы, кратко – логика стоиков. При этом Кант считал, что логика является полностью содержательно завершённой дисциплиной и не имеет никаких стимулов дальнейшего расширения своего содержания. В предисловии ко второму изданию «Критики чистого разума» он сообщает читателю, что «логика» кажется наукой вполне законченной и завершённой, что «она есть наука, обстоятельно излагающая и строго доказывающая одни только формальные правила всякого мышления», что её границы точно определены¹.

Но отсюда следует, что логика не удовлетворяет третьему кантовскому критерию научности теории – расширять познание.

С позиций современности следует сказать, что немецкий философ в этом вопросе ошибался. Сегодня мы знаем, что границы логики существенно раздвинулись: из логического учения стоиков выросла логика высказываний, из аристотелевской силлогистики – логика предикатов. И далее возникли интуиционистская логика, системы модальной, многозначной, релевантной логики и другие логики. И нужно отметить, что процесс образования новых логик продолжается. Данная ситуация свидетельствует о том, что логическое познание перманентно расширяется.

Кант считал логику наукой. Однако с учётом сложности выяснения непрото-

речивости современной формальной математики, её неполноты, неразрешимости всё же следует проанализировать с метаматематических позиций на этот предмет базовую часть современной (математической, символической) логики – логику высказываний и первопорядковую логику предикатов. При этом нужно иметь в виду, что в современной формальной логике, как и в формальной арифметике, различается семантический и синтаксический уровни анализа. На синтаксическом уровне логика строится как исчисление, относительно которого выясняется его (не)противоречивость, (не)полнота и (не)разрешимость. Относительно этих свойств в базовой части современной логики получены следующие результаты: логика высказываний (пропозициональная логика) является непротиворечивой, полной и разрешимой теорией, а первопорядковая логика (теория квантификации), которая является расширением логики высказываний, характеризуется как непротиворечивая, полная, но неразрешимая теория.

Опишем эти результаты с предельно общей философской позиции. Под непротиворечивостью теории будем понимать невозможность доказательства в ней утверждений вида $A, \neg A$, под полнотой теории – доказуемость в ней любого истинного утверждения, а под разрешимостью теории – наличие в ней единой (общей) эффективной процедуры (алгоритма) установления истинности её утверждений. При этом под утверждением мы понимаем формулу логической теории или её содержательное прочтение в естественном языке, соответственно под истинными утверждениями логической теории – тождественно-истинные формулы теории или их содержательные прочтения, т. е. их прочтения при замене всех входящих в них логических и нелогических выражений, словами естественного языка.

Встаёт вопрос: как интерпретировать свойства непротиворечивости, полноты и разрешимости логической теории с позиции проекции на них второго и третьего кантовских критериев научности теории?

¹ Кант И. Предисловие ко второму изданию «Критики чистого разума» // Кант И. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. С. 82–83.

Непротиворечивость логики высказываний говорит о выполнении в ней второго кантовского критерия научности теории, её полнота (всякая тождественно-истинная формула доказуема) – о том, что в ней выполняется вторая часть третьего кантовского условия научности теории – иметь верный критерий обоснования необходимой истинности её суждений, её разрешимость (существование единого алгоритма распознавания свойства тождественной – истинности для её произвольной формулы) говорит о выполнении в логике высказываний третьей части третьего кантовского критерия научности теории, – наличия в ней общего «мерила» истинности её суждений.

С учётом некоторых нюансов то же самое можно сказать о первопорядковой логике (теории квантификации). Известно, что логика предикатов является непротиворечивой, полной, но неразрешимой теорией. Это значит, что в первопорядковой логике предикатов также выполняется второй кантовский критерий научности теории, и вторая часть третьего кантовского условия научности теории – существование верного критерия обоснования необходимой истинности её суждений. Некоторые нюансы имеют место в связи с неразрешимостью логики предикатов вообще и первопорядковой логики предикатов в частности. Но здесь следует иметь в виду, что хотя в первопорядковой логике предикатов отсутствует единый алгоритм выяснения тождественно-истинных формул, однако установлено, что для отдельных классов формул этой теории он существует. В частности, он существует для логики одноместных предикатов, в которой формализуется аристотелевская силлогистика. Это значит, что в формализованной силлогистике Аристотеля выполняется и третья часть третьего кантовского критерия научности теории – существование в ней общего «мерила» истинности её суждений.

Также нужно учесть следующее обстоятельство. Говоря об отсутствии верного критерия необходимой истинности синтетических суждений в метафизике, Кант

имел в виду, что в ней отсутствуют строгие доказательства истинности этих суждений. Это значит, что наличие в теории строгих доказательств её суждений является индикатором наличия в ней верного критерия научности теории. И поскольку в силу теоремы Геделя о полноте логики предикатов первого порядка её законы строго доказаны, то следует заключить, что в логике предикатов первого порядка имеется верный критерий научности теории. Более того, для первопорядковой логики предикатов это в высшей степени справедливо, т. к. согласно анализу профессора Е. К. Войшвилло, только в логике (имеются в виду непротиворечивые и полные логические исчисления) вероятность обоснования истинности её утверждений равна 1. И, следовательно, только в логике субъект познания в полной мере имеет дело со строгими доказательствами. Об этом убедительно говорит формулировка понятия «доказательство» как вывода из пустого множества посылок (допущений) в натуральных системах логических исчислений. Наличие строгих доказательств только в логике также показывает, что в ней субъект познания имеет дело исключительно с информацией в статусе знания.

С философско-методологической точки зрения важно отметить следующее: т. к. логика одноместных предикатов выросла из силлогистики, а логика высказываний – из логики сложных суждений мегаро-стоической школы, то следует заключить, что выполнение второй и третьей части третьего кантовского критерия научности теории в современном минимальном логическом базисе (формализованная силлогистика и логика высказываний) создаёт уверенность в том, что эти критерии справедливы и для логики эпохи Канта, т. е. для силлогистики и логики сложных суждений, изложенных в естественном языке.

В заключение анализа логики на предмет научности её как дисциплины рассмотрим вопрос о её предметной области, т. е. вопрос о выполнении в логике первого кантовского критерия научности теории – непустоте предметной области. Для

квалифицированного решения этого вопроса рассмотрим классическую логику высказываний и логику предикатов с позиции логической семантики. Конкретно имеется в виду двузначная логика высказываний и первопорядковая логика предикатов. Глубинным понятием этих логик является понятие «высказывание», под которым в метаязыке понимают повествовательное предложение, рассматриваемое в качестве имени истины, либо лжи. И поскольку в формальной логике правильность (логичность) рассуждения зависит от логической формы рассуждения, а не от его конкретного содержания, то при построении классической логики высказываний и классической логики предикатов значение «и» (истина) и значение «л» (ложь) приписывают формулам, которые в символическом языке представляют логические формы простых либо сложных высказываний. Таким образом, предметной областью современной классической логики является двухэлементное множество {и,л}. Классическая логика имеет непустую предметную область, следовательно, в ней выполняется первый кантовский критерий научности теории. В итоге можно заключить, что логика является наукой, т. к. в ней выполняются все три кантовских критерия научности теории.

С позиций философии науки представляет интерес вопрос о природе языковых выражений «и», «л». Эти выражения являются физическими объектами, т. к. они фиксируются органами чувств субъекта познания. Однако понятно, что субъект познания в данном случае интересуется не конфигурацией линий, составляющий образ «и», «л», а объектами, на которые указывают «и», «л», и поэтому рассматривает «и», «л» как знаки некоторых других объектов, где «и» – «истина», а «л» – «ложь». Эти слова выражают в языке понятия. Основное содержание понятия «истина» представляет описательное имя «соответствие того, что утверждается в высказывании, выражающим суждение, положению дел в самом мире», а основное содержание

понятия «ложь» – «несоответствие этого положению дел в мире».

Таким образом, понятия «истина» и «ложь» выделяют в мире такие объекты (предметы) как соответствие и несоответствие. Эти объекты субъект познания фиксирует не органами чувств, а умом. Следовательно, они являются метафизическими сущностями, и потому логике вслед за математикой следует квалифицировать как науку о метафизических сущностях.

При этом чувственно фиксируемые физические языковые конфигурации «и» и «л» необходимо рассматривать как результаты конструирования метафизических сущностей соответствие и несоответствие. Аналогично тому, как в математике, например, число «4» можно конструировать в виде штрихов, треугольников и других фигур, так и в логике конструирование соответствия и несоответствия можно осуществить другими знаками.

Всем, изучавшим символическую логику, известна практика, когда формулам вместо знака «и» математики и логики приписывают знак «1», а вместо знака «л» – знак «0».

Выше были квалифицированы объекты соответствие и несоответствие как метафизические сущности. Однако нужно иметь в виду, что субъект познания может высказываться как о чувственно фиксируемых, так и чувственно нефиксируемых объектах. Так, признавая истинность суждения «Этот дом высокий», субъект познания неявно констатирует соответствие того, что утверждается в суждении положению дел в чувственно фиксируемом мире. Следовательно, в данном случае объект соответствие мыслится как физико-метафизическая сущность. Иначе обстоит дело в случае актов рефлексии, т. е. когда субъект познания развертывает свою мысль о мысли. Например, это имеет место в случае признания истинности суждения «Эта мысль является интересной». В данном случае объект соответствие мыслится как чисто метафизическая сущность. В конечном счёте мы все же приняли квалификацию объектов соответствие и несоот-

ветствие в качестве метафизических, т. к. в них возможная компонента чувственной фиксируемости нейтрализуется тем, что сама процедура установления соответствия либо несоответствия фиксируется умом, а не чувствами человека.

Конституирование теоретической метафизики в статус науки

Перейдём к решению главной задачи нашего исследования – конституированию метафизики (философии) в статус науки, что позволит всем людям и прежде всего христианам через авторитет науки укрепить веру в онтологическое существование Бога и тем самым в своём поведении руководствоваться христианскими морально-нравственными императивами.

Это конституирование удобно начать с выполнения в метафизике второго кантовского критерия научности теории – невозможности доказательства в ней тезисов и антитезисов, т. е. с возможности избежать в ней противоречий.

Согласно Канту, традиционная догматическая метафизика противоречива. Проанализируем эту позицию на примере трансцендентальной космологии. «Здесь мы видим удивительнейшее явление человеческого разума, не имеющее ничего подобного этому ни в каком другом применении разума. Когда мы, как это обычно случается, мыслим себе явления чувственно воспринимаемого мира как вещи сами по себе, когда мы считаем принципы их связи не значимыми только для опыта, а общезначимыми для вещей самих по себе..., то неожиданно обнаруживается противоречие, не устранимое обычным догматическим путём, так как и тезис, и антитезис можно доказать одинаково ясными и неопровержимыми доказательствами»¹.

В работе «Проблема научности философии» [11, с. 120–121] отклоняется второй аргумент Канта против возможности теоретической метафизики в статусе науки на

основе анализа кантовского обоснования истинности суждения А: «Мир имеет начало (границу) во времени», которое входит в качестве первой части тезиса математической антиномии I.

Антиномия I.

Тезис: Мир имеет начало (границу) во времени и пространстве.

Антитезис: Мир во времени и пространстве бесконечен.

В анализе показывается, что Кант делает попытку провести доказательства тезисов и антитезисов математических антиномий методом рассуждения от противного по схеме:

если из Γ , $\Gamma A \vee B$, и из Γ , $\Gamma A \neg B$, то из ΓA ,
где:

Γ – множество (возможно, пустое) посылок,

« \vdash » есть знак логической выводимости одних высказываний из других,

« \neg » – знак классического отрицания.

На основе анализа содержательного рассуждения Канта по обоснованию суждения А – «Мир имеет начало (границу) во времени» – мы установили, что это рассуждение Канта лишь по видимости укладывается в схему рассуждения от противного.

На самом деле это рассуждение описывается схемой:

если из Γ , $\Gamma A \vee C$ и из Γ , $\Gamma A \neg B$, то из ΓA .

Но эта схема показывает, что из посылок Γ , ΓA не выведено противоречие B и $\neg B$. Следовательно, суждение А: «Мир имеет начало (границу) во времени» не доказано. Нетрудно увидеть, что тезис математической антиномии I «Мир имеет начало (границу) во времени и пространстве» есть сокращённое выражение сложного конъюнктивного суждения «Мир имеет начало (границу) во времени и мир имеет начало (границу) в пространстве». Если первое простое суждение этой конъюнкции не доказано, то следует считать не доказанным и весь тезис.

Нетрудно также показать недоказанность антитезиса данной антиномии, т. е.

¹ Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизики... // Кант И. Собрание сочинений в 6 т. Т. 4(1). М.: Мысль, 1965. С. 161.

суждения «Мир во времени и пространстве бесконечен» по схеме рассуждения от противного.

Так при доказательстве первой части этого антитезиса, суждения А: «Мир бесконечен во времени» мы должны допустить в качестве \neg А: «Мир конечен во времени». Но из него невыводимо противоречие В и \neg В. Ведь в этом случае мир в настоящем находится между конечным прошлым и конечным будущим.

Но недоказанность суждения «Мир бесконечен во времени» означает недоказанность и всего антитезиса, который в развернутом виде представляет сложное конъюнктивное суждение «Мир бесконечен во времени и мир бесконечен в пространстве». Таким образом, мы с использованием искусственного символического языка для точного выражения мыслей на примере трансцендентальной космологии показали недоказанность тезиса и антитезиса математической антиномии I. И этой демонстрации достаточно для отклонения второго аргумента Канта о невозможности положительной теоретической метафизики в статусе науки, т. к. здесь вариант рассмотрения формализованной метафизики исключается в силу принципиальной неформализуемости метафизики.

Теперь рассмотрим вопрос о выполнении первого кантовского критерия научности теорий (научная теория должна иметь непустую предметную область) относительно метафизики. Хотя метафизика принципиально не формализуема, т. к. в ней отсутствуют специфические метафизические термины, допускающие точное и однозначное определение, аналогичное тому, как точно и однозначно определяются в логике пропозициональные связки и кванторы, тем не менее некоторые результаты, полученные в процессе описания свойств логического исчисления, можно по аналогии использовать в качестве эвристики для анализа содержательных нелогических теорий, в т. ч. и при анализе метафизики.

Несомненно, что формализованные теории являются образцами научности для

неформализованных содержательных теорий. Здесь имеется в виду теорема логики предикатов первого порядка о наличии модели¹: любое непротиворечивое множество формул произвольной сигнатуры Σ имеет модель. В простом понимании под моделью в логике предикатов подразумевается множество объектов с определёнными на нём свойствами и отношениями.

Сделаем акцент на словосочетании «множество объектов» и перекинем мостик аналогии от формальных систем к анализу понятий. Рассмотрим понятия «квадрат», «круглый квадрат», «лошадь», «крылатая лошадь», «лошадь, которая имеет и не имеет крылья»:

- очевидно, что понятие «квадрат» имеет непротиворечивое содержание и его промысливание снабжается моделью, т. е. образным изображением этой геометрической фигуры;
- понятие «круглый квадрат» имеет противоречивое содержание и его промысливание не сопровождается образным изображением;
- понятие «лошадь» мыслится непротиворечиво и снабжается чувственной картинкой лошади в сознании человека, либо наблюдением реальных лошадей;
- понятие «крылатая лошадь» мыслится непротиворечиво, и хотя крылатые лошади реально не существуют их все же можно изображать на картинках и не исключено, что в будущем на основе механизма эволюции при определённых условиях, могут появиться крылатые лошади;
- в случае понятия «лошадь, которая имеет и не имеет крылья», мы констатируем, что это понятие противоречиво и не сопровождается образной картинкой.

Описанная аналогия подсказывает заключение, что непротиворечивая мыслимость сущности является необходимым условием её онтологического существования.

¹ Теорема о существовании модели // Википедия [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Теорема_о_существовании_модели (дата обращения: 06.09.2020).

Переходя к теоретической метафизике, можно утверждать, что условие мыслимой непротиворечивости метафизической сущности обеспечивает вероятность её онтологического существования, а условие её противоречивой мыслимости указывает на её онтологическое несуществование. Об этом свидетельствует теорема объектного языка логики предикатов $\exists \chi (P(\chi) \wedge \neg P(\chi))$, которая имеет прочтение: неверно, что существует объект такой, что он обладает и не обладает свойством P . Философская интерпретация: противоречиво – мыслимые объекты не существуют.

И если теперь снова учесть, что строгие доказательства имеют место лишь в логике, а в других науках все утверждения имеют более-менее вероятностный статус, то теоретическую метафизику следует признать наукой.

Таким образом, мы возвращаем теоретической метафизике статус познавательной дисциплины и наделяем её авторитетом науки. При этом видно, что ядро теоретической метафизики составляет ответ на вопрос о (не)существовании метафизических сущностей. Это ядро мы называем экзистенциальной метафизикой. Она является частью экзистологии – науки о существовании вещей [11, с. 131–171]. В ней мы описали процедуру критериального доказательства существования метафизических сущностей в статусе знания и в статусе веры. При этом в критерий онтологического существования метафизических сущностей в статусе знания мы включили дополнительное условие их интерсубъективной мыслимости, а в критерий их онтологического существования в статусе веры – условие их объективной мыслимости.

В данном подходе мы осуществили попытку закрепления на дискурсивном уровне (на уровне понятий) вполне предсказуемого на интуитивном уровне факта: при социологическом опросе достаточно большого количества людей об онтологическом существовании сущности государства и сущности Бог, число признаний онтологического существования государства окажется больше, чем число признаний онтологического существования Бога.

Можно с уверенностью сказать, что в соответствии с методикой различения строгих доказательств и подтверждений в обосновании истинности суждений, описанных Е. К. Войшвилло, вероятность признания людьми онтологического существования государства будет приближаться к 1, и в данном случае в суждении «Государство онтологически существует» информация имеет статус знания, а во втором случае, т. е. в суждении «Бог имеет онтологическое существование» – статус веры.

Однако сегодня мы осознаем, что объяснение факта существования государства в статусе знания [11, с. 166–167;] недостаточно убедительно. Дело заключается в том, что более детальный анализ сущности государства обнаруживает, что эта сущность имеет физико-метафизическую природу. Её создали люди в процессе своего социального развития по схеме: в своде законов (конституции) создаётся основа государства в виде *метафизической решётки*, ячейки, которой описывают функционалы всех служебных должностей, необходимых для регулирования жизнедеятельности общества. Это описание удовлетворяет условию непротиворечивости, фиксируется умом субъекта познания и составляет метафизическую компоненту государства. Далее ячейки метафизической решетки государства через определённые процедуры (выборы, назначения) мысленно заполняются конкретными людьми, которые фиксируются органами чувств субъекта познания и потому составляют физическую компоненту государства. В итоге в сознании всех людей государство ассоциируется с совокупностью людей, облечённых определёнными полномочиями, и его внешнее (онтологическое) существование почти ни у кого не вызывает сомнения.

В сухом остатке мы имеем: предметная область метафизики не пуста, т. е. в ней выполняется первый кантовский критерий научности теории.

В заключение анализа статуса теоретической метафизики рассмотрим выполнение третьего кантовского критерия научности теории: наличие верного критерия и

общего «мерила» обоснования истинности её синтетических суждений, расширяющих познание на примере суждения «Все вещи в себе существуют».

Несомненно, что это суждение мыслится субъектом познания в границах теоретического разума, т. е. принадлежит теоретической метафизике. Согласно Канту, вещи в себе – это сущности, которые аффицируют чувственность человека и вызывают в его сознании образы явлений. Таким образом, можно сказать, что предикат «существуют» не содержится в субъекте данного суждения «вещи в себе», и на этой основе заключить, что данное суждение является синтетическим и как таковое – расширяет познание. К этому нужно ещё добавить очевидность непротиворечивой мыслимости вещей в себе и то, что было отклонено утверждение Канта о том, что «существование не может быть предикатом вещи» [11, с. 137–138]. Согласно немецкому философу, «рассудок, допуская явления, тем самым признаёт и существование вещей в себе; и в этом смысле мы можем сказать, что представления о таких сущностях, лежащих в основе явлений, стало быть, о чисто умопостигаемых сущностях не только допустимо, но и неизбежно»¹.

Здесь важно обратить внимание на то, что учёный рассуждает о вещи в себе во множественном числе, что проливает свет на предметное поле теоретической метафизики. Это позволяет включить в предметное поле теоретической метафизики как части науки в широком смысле такие объекты как числа, (не)соответствия, метафизическую решетку сущности «государство» и в целом все метафизические сущности, открываемые отдельными науками, а также метафизическую сущность «Бог». В предметное поле теоретической метафизики нужно включить метафизические сущности, называемые Кантом «ноуменами» [11, с. 110–111].

Таким образом, Кант подтверждает, что теоретическая метафизика имеет непустую

предметную область в виде метафизических сущностей – вещей в себе и ноуменов, которые имеют внешнее, т. е. онтологическое существование; что в ней существуют необходимо истинные суждения, расширяющие познание, общее «мерило» признания необходимой истинности некоторых её суждений.

Итак, мы показали, что все априорные части, входящие в науку в широком смысле – математика, логика и метафизика – являются научными теориями.

Следует различать светскую метафизику с её сущностями типа *causa sui* и религиозную метафизику с метафизической сущностью Бог, которая также является сущностью *causa sui*. При этом приоритетное значение необходимо отдать религиозной метафизике с её базовой сущностью Бог. Ведь только признание вероятности онтологического существования Бога даёт человеку полное понимание мира, т. е. объясняет не только происхождение физического мира, самого человека и человеческого сообщества, но и раскрывает человеку самый оптимистический смысл его жизни.

Важно различать философское понятие Бог и конфессиональные понятия о Боге в процессе формирования глубокой религиозной веры. Полагаем, что вера человека в онтологическое существование конфессионального Бога будет более глубокой, если она возникает на основе концепции науки в широком смысле, в которой имеют в виду философское понятие Бога с его атрибутами вечности, всемогущества, всеведения, вездесущности и атрибутами морально-нравственного совершенства. Именно поэтому протоирей Серафим Слободской в книге «Закон Божий» в разделе «Свойства Божии» констатирует наличие всех указанных свойств у Христианского Бога, т. е. у всех Лиц Святой Троицы: Бога-отца, Бога-сына (Иисуса Христа) и Бога духа – святого².

¹ Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизики... // Кант И. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 4 (1). М.: Мысль, 1965. С. 134.

² Закон Божий. Составил протоирей Серафим Слободской. Нижний Новгород: Христианская библиотека, 2007. С. 19–22.

Познавательный статус теоретической религиозной метафизики

Наш подход обнаруживает, что для признания вероятности онтологического существования метафизического Бога достаточно показать, что между выделенными свойствами метафизического Бога отсутствуют противоречия, т. к. в раскрытии содержания указанных свойств можно избежать противоречий. Следовательно, с высокой степенью вероятности можно утверждать онтологическое (внешнее) существование метафизического Бога.

Равным образом обстоит дело с обоснованием непротиворечивости христианского конфессионального Бога – Святой Троицы. В работе «Гетерогенные объекты и логика их описания» [14, с. 189–197] представлено непротиворечивое описание Святой Троицы и с высокой долей вероятности обосновано её онтологическое, т. е. внешнее по отношению к человеку, существование.

Особым статусом онтологического существования обладает Иисус Христос как лицо Святой Троицы. Иисус Христос, как и все люди, является физико-метафизической сущностью. Он является Исторической Личностью, но в отличие от обычных людей обладает свойствами метафизического Бога, которые позволяют Ему спасти или не спасти обычных людей как в их земной, так и неземной жизни. Максимально большое число верующих в Святую Троицу и в Иисуса Христа – гарантия надёжного сохранения христианских морально-нравственных ценностей в современном социуме.

Итак, мы завершили конституирование науки в широком смысле и в её структуре – конституирование метафизики в статус науки.

Важно иметь в виду, что естествознание подтверждает необходимость конституирования науки в широком смысле. Так, теория большого взрыва объясняет процесс перехода от одного состояния физического бытия к другому (от состояния сингулярности к расширяющейся вселенной),

но не объясняет происхождения самого физического бытия, что достижимо лишь в концепции науки в широком смысле.

Всё изложенное подсказывает современному сообществу людей следующий механизм его противостояния социальным вызовам: в средней и высшей школах на постоянной основе, а также через средства массовой информации и Интернет необходимо популярно излагать концепцию науки в широком смысле. Это со временем позволит значительно увеличить число людей, руководствующихся в своём поведении христианскими морально-нравственными ценностями, и тем самым снизить социальную энтропию до уровня, который обеспечит благополучную жизнедеятельность людей.

Заключение

Научно-культурные элиты, осуществляющие просветительскую деятельность должны иметь в виду следующие обстоятельства: всех людей можно условно разделить на воцерквлённых верующих, на невоцерквлённых верующих, признающих онтологическое существование Бога и на неверующих (атеистов). Вышеописанная просветительская деятельность не будет лишней для воцерквлённых верующих, усилит веру невоцерквлённых верующих и по меньшей мере ослабит воинственный настрой атеистов.

Жизненный опыт подсказывает, что формирование нерелигиозного умонастроения у людей определяется как уровнем их интеллектуального развития, так и соотношением в их сознании духовных ценностей и материальных потребностей. Поэтому в реальной жизни не исключается ситуация, когда удовлетворение материальных потребностей блокирует голос разума о существовании Бога. Тем более что в современном человеческом сообществе укрепились предрассудки.

1. *Вера в Бога возникает у людей с низким уровнем интеллектуального развития.* Этот предрассудок сформировался на основе практической эффективности опытных наук и закрепился в культуре в

виде сциентистского умонастроения под влиянием критической философии Канта. Надеемся, что описанная выше концепция науки в широком смысле ликвидирует этот предрассудок.

2. Возвращение к религиозному мировоззрению недопустимо, потому что оно возвращает человечество в жестокую эпоху Средневековья. Такое возвращение невозможно, потому что сегодня во всех развитых цивилизациях церковь отделена от государства, и вера в Бога является частным делом каждого человека, что соответствует (имеется ввиду христианство) евангелическому учению о свободе человека в определении своих мнений и поступков.

Евангелие сообщает, что нужно человеку для спасения и каково должно быть его поведение в земной жизни, чтобы обрести спасение, что ожидает человека в случае исполнения и неисполнения Божественных Заповедей, однако Оно предоставляет человеку свободу как в вы-

боре нарратива осмысления своей земной жизни, так и в выборе своих поступков. В этих условиях попытка государства карать христиан – своих граждан за все грехи, которые описаны в Евангелие, через наказания, предусмотренные юридическими законами, будет рассматриваться самими верующими как принуждение, практически сводящее к нулю, свободу воли, дарованную им Богом. Поэтому включение в государственные программы учебных курсов философии науки в широком смысле и популяризация этой философии через все средства массовой информации не таит в себе угрозы превращения современных светских государств в теократические государства, но высоко поднимет авторитет христианских морально-нравственных ценностей со всеми положительными последствиями для жизнедеятельности всего человечества.

Статья поступила в редакцию 14.07.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виттгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. 133 с.
2. Войшвилло Е. К. Понятие как форма мышления. М.: Издательство МГУ, 1989. 239 с.
3. Войшвилло Е. К., Дегтярев М. Г. Логика. М.: Владос-Пресс, 2001. 528 с.
4. Дэвидсон Д. Метод истины в метафизике // Аналитическая философия: становление и развитие : антология / под общ. ред. А. Ф. Грязнова. М., 1998. С. 343–359.
5. Захаров В. Д. Метафизика в науках о природе // Вопросы философии. 1999. № 3. С. 97–111.
6. Патнэм Х. Реализм с человеческим лицом // Аналитическая философия: становление и развитие : антология. М., 1998. С. 466–491.
7. Столл Р. Множества. Логика. Аксиоматические теории. М.: Просвещение, 1968. 231 с.
8. Страуд Б. Аналитическая философия и метафизика // Грязнов А. Ф. Аналитическая философия: становление и развитие : антология. М., 1998. С. 510–525.
9. Троепольский А. Н. Кант и логико-философская реабилитация вероятности онтологического существования Бога // Материалы одиннадцатых Смирновских чтений по логике / отв. ред. В. И. Маркин. М.: Современные тетради, 2019. С. 124–126.
10. Троепольский А. Н. Метафизика, философия, теология, или сумма оснований духовности. М., 1996. 176 с.
11. Троепольский А. Н. Проблема научности философии. М., Брянск, 2007. 198 с.
12. Троепольский А. Н. Проблема научности философии. Часть II. Теория познания. М., Брянск, 2008. 112 с.
13. Троепольский А. Н. Общая логика как практическая. Брянск: Ладомир, 2015. 214 с.
14. Троепольский А. Н. Гетерогенные объекты и логика их описания // Проблема научности философии. М., Брянск, 2012. С. 189–197.
15. Троепольский А. Н. История противостояния формальной и диалектической логики в отечественной философии // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. Вып. 6. С. 7–15.
16. Тростников В. Н. Научна ли «научная картина мира»? // Новый мир. 1989. № 12. С. 257–263.

REFERENCES

1. Wittgenstein L. *Logiko-filosofskii traktat* [Treatise on Logic and Philosophy]. Moscow, Inostrannaya literatura Publ., 1958. 133 p.
2. Voishwillo E. K. *Ponyatie kak forma myshleniya* [Concept as a Form of Thinking]. Moscow, Moscow State University Publ., 1989. 239 p.
3. Voishwillo E. K., Degtyarev M. G. *Logika* [Logics]. Moscow, Vldos-Press Publ., 2001. 528 p.
4. Davidson D. [Method of Truth in Metaphysics]. In: *Analiticheskaya filosofiya: stanovlenie i razvitie* [Analytical Philosophy: Formation and Development]. Moscow, 1998, pp. 343–359.
5. Zakharov V. D. [Metaphysics in Sciences]. In: *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 1999, no. 3, pp. 97–111.
6. Putnam H. [Realism with a Human Face]. In: *Analiticheskaya filosofiya: stanovlenie i razvitie* [Analytical Philosophy: Formation and Development]. Moscow, 1998, pp. 466–491.
7. Stoll R. *Mnozhestva. Logika. Aksiomaticheskie teorii* [Sets, Logics and Axiomatic Theories]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1968. 231 p.
8. Stroud B. [Analytical Philosophy and Metaphysics]. *Analiticheskaya filosofiya: stanovlenie i razvitie* [Analytical Philosophy: Formation and Development]. Moscow, 1998, pp. 510–525
9. Troepolsky A. N. [Kant and logical-philosophical rehabilitation of probability of God's ontological existence]. In: Markin V. I., ed. *Materialy odinnadtsatykh Smirnovskikh chtenii po logike* [Proceedings of the eleventh Smirnov Readings on Logic]. Moscow, Sovremennye tetrady Publ., 2019, pp. 124–126.
10. Troepolsky A. N. *Metafizika, filosofiya, teologiya, ili summa osnovanii dukhovnosti* [Metaphysics, Philosophy, Theology, or the Sum Of the Foundations of Spirituality]. Moscow, 1996. 176 p.
11. Troepolsky A. N. *Problema nauchnosti filosofii* [The Problem of Scientific Nature of Philosophy]. Moscow, Bryansk, 2007. 198 p.
12. Troepolsky A. N. *Problema nauchnosti filosofii. Chast II. Teoriya poznaniya* [The Problem of Scientific Nature of Philosophy. Part II. Theory of Knowledge]. Moscow, Bryansk, 2008. 112 p.
13. Troepolsky A. N. *Obshchaya logika kak prakticheskaya* [General Logic as Practical Logic]. Bryansk, Ladamir Publ., 2015. 214 p.
14. Troepolsky A. N. [Heterogeneous Objects and the Logic of Their Description]. In: *Problema nauchnosti filosofii* [The Problem of Scientific Nature of Philosophy]. Moscow, Bryansk, 2012, pp. 189–197.
15. Troepolsky A. N. [The history of opposition between formal and dialectical logic in Russian philosophy]. In: *Vestnik Baltiiskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta* [Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant], 2013, no. 6, pp. 7–15.
16. Trostnikov V. N. [Is the «scientific picture of the world» scientific?]. In: *Novyi mir*, 1989, no. 12, pp. 257–263.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Троепольский Аркадий Николаевич – доктор философских наук, профессор, профессор-консультант Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени И. Канта;
e-mail: troepark@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Arkady N. Troepolsky – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Prof.-Consult., Institute of Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University;
e-mail: troepark@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Троепольский А. Н. Социальные угрозы и границы науки // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 3. С. 119–136.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-119-136

FOR CITATION

Troepolsky A. N. Social Threats and the Limits of Science. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2020, no. 3, pp. 119–136.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-119-136

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
2020. N 3

Над номером работали:

Литературный редактор С. Ю. Полякова
Переводчик Е. А. Кытманова
Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова
Корректор И. К. Глузнов

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»
Информационно-издательского управления МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 доб. 6101
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Усл. п.л. 9, уч.-изд. л. 14,5.
Подписано в печать: 30.10.2020 г. Дата выхода в свет: 10.11.2020 г. Заказ № 2020/10-11.
Отпечатано в ИИУ МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А